

270

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 7. ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНЪЖНКР

FOR DETRITA N JONONCRATO BARYCLOP

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 7. ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДЖЕМСА БРУКА НА ОСТРОВЪ БОРНЕО. 1
- ПРУССКІЙ КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ (окончаніе).. 76
- КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ (историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи):
- XIII. Астрологъ. — XIV. Путешествіе. —
- XV. Проводникъ. — XVI. Бродяга. —
- XVII. Подстереженный шпионъ. — XVIII.
- Рукогаданіе. — XIX. Городъ... 204—293
-

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДЖЕМСА БРУКА

НА ОСТРОВЪ БОРНЕО.

Джемсъ Брукъ — одинъ изъ знаменитѣйшихъ Англичанъ нынѣшняго столѣтія. Замѣчательные подвиги, которыми онъ приобрѣлъ себѣ славу и уваженіе своихъ соотечественниковъ, — состоятъ въ успешномъ основаніи англійскихъ колоній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ распространеніи просвѣщенія въ одной изъ тѣхъ странъ земного шара, куда всего труднѣе было проникнуть Европейцамъ. Эта страна есть островъ Борнео, главнѣйшій изъ острововъ огромнаго индѣйскаго архипелага, лежащаго на юго-востокъ отъ азіятскаго материка.

Джемсъ Брукъ родился 29 апрѣля 1803 года въ Кумбъ Гровъ, близъ Бата, въ Англіи. Онъ былъ сынъ Томаса Брука, почтеннаго человека, долгое время находившагося на службѣ въ Остѣ-Индской компаніи. Томасъ Брукъ съ малолѣтства назначалъ Джемса въ военную службу Остѣ-Индской компаніи и потому почти ребенкомъ отправилъ его въ Индію. Джемсъ началъ службу кадетомъ и достигъ полковничьяго чина. Во время войны Англичанъ съ Бирманскою импе-

рією онъ отличился храбростію и за то получилъ публичную благодарность отъ управленія Остѣ-Индской компаніи. Но такъ какъ онъ былъ раненъ въ грудь и рана повредила ему легкія, то врачи признали необходимымъ, для ея излѣченія, чтобы молодой человѣкъ возвратился въ Европу — дышать воздухомъ своей родины. Живя въ Англіи, Брукъ занимался науками, между тѣмъ, мало по малу здоровье его поправилось; приближался конецъ его отпуска, Брукъ долженъ былъ спѣшить обратно въ Индію; онъ сѣлъ на корабль, но судно разбилось близъ острова Уайта. Это замедлило его отъѣздъ, и когда онъ наконецъ прибылъ въ Индію, — мѣсто его въ полку было занято другимъ. Брукъ совершенно бросилъ военную службу и поѣхалъ въ Китай, ища развлеченія и подкрѣпленія для своего все еще разстроеннаго здоровья. Въ это путешествіе онъ впервые ознакомился съ Индѣйскимъ архипелагомъ. Его поразила многочисленность и богатство произведеній природы на этихъ островахъ, изъ которыхъ только немногіе посѣщались Европейцами для торговыхъ цѣлей. Бруку пришла мысль сдѣлать этотъ архипелагъ, и островъ Борнео въ особенности, доступнымъ для европейской торговли и просвѣщенія. Прекратить морской разбой, производимый желтолицыми жителями острововъ, Малайцами, уничтожить торгъ невольниками, просвѣтить грубыхъ островитянъ, — вотъ что задумалъ великодушный и человѣколюбивый Брукъ. Эта мысль мало по малу созрѣвала въ его головѣ, и онъ началъ дѣлать разнообразныя приготовленія для экспедиціи на островъ

Борнео. Въ 1838 году скончался отецъ Брука, оставивъ сыну значительное состояніе. Джемсъ рѣшился пожертвовать своимъ имуществомъ, чтобы исполнить свое предпріятіе, которое онъ обдумывалъ цѣлыя восемь лѣтъ. Онъ изучилъ мореходство, на свой счетъ снарядилъ вооруженную шкуну «*Роялистъ*», съ благоразумною осторожностью собравъ себѣ команду изъ двадцати опытныхъ и надежныхъ моряковъ, и 27 октября 1838 года отплылъ изъ Англіи. Онъ посѣтилъ Ріо-Жанейро и Капштадтъ и 15 іюня 1839 года прибылъ въ Сингапуръ.

Проживши здѣсь два мѣсяца, онъ опредѣлилъ себѣ для начала сдѣлать обзоръ сѣверо-западнаго берега Борнео.

Онъ зналъ, что въ этой части находится царство Борнейское, съ городомъ Борнео, отъ котораго и весь островъ получилъ свое названіе, и что оно управляется раджей (царемъ) Мюда-Гассимомъ, государемъ благороднымъ, челоуколюбивымъ и благосклоннымъ къ Англичанамъ. Чтобы завязать хорошія сношенія съ Мюда-Гассимомъ, Брукъ запасся множествомъ подарковъ, а именно: шелковыми тканями, ружейнымъ порохомъ, вареньями и отличнымъ ящикомъ съ китайскими игрушками для дѣтей раджи.

Ночью 1-го августа Брукъ прибылъ къ берегамъ Борнео. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ дневного свѣта, чтобы увидѣть ту страну, въ которую такъ давно стремился. Съ разсвѣтомъ онъ увидѣлъ берегъ, покрытый богатою и прекрасною растительностью, среди которой видно было множество дичи, свиней и обезьянъ;

вдали обрисовывались высокія горы, отъ которыхъ къ побережью тянулась густая чаща. Природу страны Брукъ наблюдалъ нѣсколько дней, продолжая плыть вдоль берега. Такимъ образомъ онъ достигъ одного небольшого острова, побережье котораго было покрыто бѣлымъ пескомъ; вдали подымались высокія горы, заросшія деревьями, вокругъ которыхъ обвивались ползучія растенія. Бѣлые, какъ снѣгъ, голуби порхали съ дерева на дерево, а надъ ними парилъ орелъ, будто наблюдавшій за ихъ движеніями. Тамъ и сямъ мелькали ласточки, а въ кустарникахъ скрывались другія мелкія птицы, чрезвычайно дикія. Путешественники замѣтили также небольшихъ крокодиловъ или аллигаторовъ, но имъ не удалось застрѣлить ни одного. На этомъ островѣ они встрѣтили чиновника, посланнаго сюда собирать черепаховыя яйца для своего государя — Мюда-Гассима. Онъ увѣрилъ Брука, что раджа приметъ его благосклонно и ласково.

Наконецъ «Роялистъ» достигъ устья рѣки Саравакъ; нѣсколько вверху по этой рѣкѣ стоитъ и городъ Саравакъ, гдѣ въ то время находился самъ раджа Борнейскій, потому что въ его столицѣ произошло возмущеніе (*). Надобно сказать, что населеніе Борнео состоитъ изъ двухъ разныхъ народовъ: первоначальные жители острова — Дейаки, исповѣдующіе языческую религію; нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ на

(*) Этотъ раджа владѣлъ только сѣверо-западною частью острова и былъ данникомъ главнаго владѣтеля, султана, обитавшаго внутри острова.

Борнео поселились Малайцы, коренные обитатели острова Суматры. Болѣе образованные, чѣмъ Дейаки, Малайцы покорили ихъ. Малайцы исповѣдуютъ мусульманскую религію, многія ихъ племена управляются шерифами — пришельцами изъ Аравіи. Малайскіе раджи и вельможи угнетаютъ подвластныя имъ Дейакскія племена; отъ этого на островѣ часто бываютъ возмущенія. Кромѣ того, малайскія племена часто враждуютъ между собою; такъ случилось и теперь: часть подданныхъ Мюда-Гассима, преимущественно изъ Дейаковъ, возстала противъ раджи, которій тоже изъ малайскаго племени.

12-го августа Брукъ отправилъ свою гичку, чтобы увѣдомить раджу о своемъ прибытіи; гичка скоро возвратилась; вмѣстѣ съ нею плылъ большой челнъ, на которомъ ѣхалъ парадно одѣтый панджеранъ (чиновникъ раджи), присланный отъ раджи привѣтствовать европейскихъ гостей; его сопровождала свита, состоявшая изъ важныхъ придворныхъ особъ. Шкуна поднялась по рѣкѣ, 15-го августа стала на якорь противъ самаго города Саравака и двадцать однимъ выстрѣломъ привѣтствовала раджу. Мюда-Гассимъ отвѣчалъ семнадцатью выстрѣлами. Брукъ сошелъ на берегъ, чтобы представиться раджѣ. Мюда-Гассимъ принялъ его въ своемъ дворцѣ, который есть ничто иное, какъ длинный низенькій навѣсъ, построенный на сваяхъ. Входъ къ нему посредствомъ подвижной лѣстницы. Приемный покой убранъ занавѣсами изъ красной и желтой шелковой матеріи. Позади раджи и вдоль одной изъ стѣнъ залы стояли его министры, воины и охран-

ное войско, вооруженное копьями, мечами, щитами и другими воинскими снарядами. Впрочемъ, самая аудіенція была пустая: она ограничивалась восточнымъ церемоніаломъ—одними изъявленіями доброжелательства.

Брукъ спросилъ раджу о войнѣ его съ возмущившимися подданными, но Мюда-Гассимъ, по восточному обычаю, прикинулся беззаботнымъ и сказалъ, что это возстаніе — пустая шутка, однако намекнулъ, что ему было бы пріятно, еслибы Брукъ остался нѣкоторое время въ Саравакѣ, потому что присутствіе Европейцевъ устрашитъ мятежниковъ. Брукъ отложилъ дальнѣйшіе разговоры до слѣдующаго свиданья и удался. Онъ осмотрѣлъ Саравакъ. Городъ оказался очень не великъ; онъ состоялъ изъ хижинъ, построенныхъ на сваяхъ и обложенныхъ глиной. Жителей не много; большею частью это родственники или приближенные раджи. Они не занимаются земледѣльствомъ; рыба, козы и домашняя птица составляютъ все ихъ пропитаніе. Вечеромъ того же дня Брукъ снова посѣтилъ раджу — неожиданно, чтобы избавиться отъ несносныхъ церемоній. На этотъ разъ раджа спрашивалъ о Голландцахъ и Англичанахъ, единственныхъ Европейцахъ, которые ему извѣстны, какъ посѣтители водъ Индейскаго архипелага. Онъ все хотѣлъ узнать, который изъ этихъ двухъ народовъ кошка и который крыса, — то есть кто изъ нихъ сильнѣе. По окончаніи аудіенціи, Мюда-Гассимъ изъявилъ желаніе самъ посѣтить «Роялисть» на другой день.

16-го августа, два чиновника отъ раджи прибыли на шкуну, чтобы условиться о церемоніалѣ посѣщенія.

Имъ хотѣлось, чтобы Брукъ самъ съѣздилъ на гичкѣ за раджей и его братомъ. Благоразумный Англичанинъ охотно согласился. Посѣтители пріѣхали на шкуну съ большой торжественностью; впереди шелъ малайскій офицеръ, несшій церемоніальный мечъ въ золотыхъ ножнахъ, также крисъ (кривая сабля) съ эфесомъ, осыпаннымъ драгоценными каменьями, и развѣвавшіеся бунчуки. За нимъ слѣдовалъ раджа и его свита. Англичане приняли раджу съ большими почестями и гости пробыли на «Роялистѣ» больше двухъ часовъ; они здѣсь пили, ѣли и запросто разговаривали съ Брукомъ и его товарищами. Мюда-Гассимъ и его панджераны изъявили большое удовольствіе при видѣ подарковъ, которые были имъ поднесены. Панджераны вполне удовлетворялись кускомъ мыла, небольшой пачкой чаю, спичекъ, сигаръ, перочиннымъ ножомъ или нѣсколькими листами писчей бумаги. Многие просили духовъ или стѣнное зеркало. Вообще зеркала на шкунѣ чрезвычайно понравились посѣтителемъ, и нѣкоторые изъ нихъ, не понимая, почему предметы отражались на поверхности зеркалъ, безпрестанно хохотали, двигались, садились, вставали, чтобы замѣчать соответствующее дѣйствіе въ зеркалѣ.

Бруку хотѣлось ознакомиться съ внутренностью края, въ особенности съ поселеніями Дейаковъ. Онъ просилъ у раджи позволенія подняться вверхъ по рѣкѣ на гребномъ суднѣ. Къ великому удивленію нашего путешественника, раджа немедленно изъявилъ свое согласіе. Во время этой экспедиціи Брукъ наблюдалъ нравы туземцевъ. Особенно поразилъ его видъ дейак-

скихъ селеній. Одно изъ нихъ, стоящее на лѣвомъ берегу рѣки, окружено легкою оградой, внутри которой находится *одинъ* огромный домъ, служащій помѣщеніемъ для всѣхъ жителей селенія, и двѣ или три небольшія хижины. Въ хижинахъ живутъ Малайцы, въ большомъ домѣ — Дейаки. Общее жилище имѣетъ 594 фута въ длину; передняя комната или *улица*, шириной въ 21 футъ, занимаетъ всю длину строенія. Задняя часть раздѣляется посредствомъ перегородокъ изъ циновокъ на отдѣльные покои для разныхъ семействъ, и къ нимъ изъ главнаго покоя ведутъ сорокъ пять различныхъ дверей. Зданіе это утверждено на сваяхъ, и полъ его изъ расколотаго бамбука возвышенъ на 11 футовъ надъ землею. Въ зданіе поднимаются по крутой и неудобной лѣстницѣ, ступеньки которой состоятъ изъ зарубокъ на длинномъ деревѣ. Впереди находится терраса, шириною въ пятьдесятъ футовъ, идущая вдоль одной части зданія, и составленная, такъ какъ и полы, изъ расколотаго бамбука. Эта платформа, а также и передній покой, служатъ убѣжищемъ свиньямъ, собакамъ, домашнимъ птицамъ и обезьянамъ, и представляютъ забавную картину безпорядка и суматохи. Здѣсь производятся обыкновенныя домашнія работы — здѣсь мелятъ, дѣлаютъ циновки, и проч. и проч. Находясь въ этомъ домѣ днемъ, Брукъ насчиталъ въ переднемъ покоѣ и на террасѣ до 200 мужчинъ, женщинъ и дѣтей; взявъ въ расчетъ отсутствовавшихъ и тѣхъ, которые были въ своихъ комнатахъ, можно думать, что всѣхъ жителей по крайней мѣрѣ 400 душъ. Надъ этою частію зданія

выстроены второй, шаткой ярусъ, гдѣ хранять съѣстные припасы, земледѣльческія орудія и воинскіе снаряды. Вдоль большого покоя виситъ множество коекъ, служащихъ днемъ скамейками, а ночью постелями. Покой, занимаемый главой селенія, расположенъ въ центрѣ зданія, и больше cadaго изъ прочихъ. По случаю посѣщенія Брука были постланы впереди дома новыя циновки, а надъ головами посѣтителей болтались, по обыкновенію этого города, штукъ до тридцати страшныхъ череповъ. Глава селенія былъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ, съ кроткимъ, пріятнымъ выраженіемъ лица, и привѣтливымъ обращеніемъ. Онъ былъ окруженъ своими сыновьями и родными, между которыми находились чловѣка два изъ главныхъ лицъ этого племени. Его присутствіе, впрочемъ, казалось, не беспокоило нисколько прочихъ; по крайней мѣрѣ, они не оказывали ему никакихъ особенныхъ знаковъ уваженія — въ нихъ не было замѣтно ничего подобнаго тому рабскому подобоострастію, которое малайцы оказываютъ предъ своими правителями.

Мужчины дейакскаго племени молчаливы и осторожны въ своемъ обращеніи, но благородны и откровенны; женщины же казались Бруку болѣе веселыми и расположенными смѣяться и шутить надъ европейскими странностями. Хотя до прибытія Брука Дейаки никогда не видали Европейцевъ, но они не обременяли его нескромнымъ любопытствомъ, и честность ихъ достойна всякой похвалы: имѣя безпрестанно удобные случаи обокрасть Брука, они никогда не воспользовались ими. Цвѣтомъ тѣла они походятъ на Малай-

цевъ. Ростомъ они не велики, глаза ихъ малы и быстры, носъ нѣсколько сплюснуть, а тѣлосложеніе стройно и красиво. Люди обоого пола обыкновенно носятъ длинные волосы, поднятые къ верху; но пожилые мужчины иногда обрѣзываютъ себѣ ихъ покороче. Весьма естественно, что они охотники до воды и безпрестанно купаются. Челноковъ у нихъ весьма много. Брукъ насчиталъ ихъ до пятидесяти, кромѣ десяти или двѣнадцати прау, которые они часто строятъ для продажи малайцамъ за очень сходную цѣну. Пониже колѣна, или на рукѣ, мужчины носятъ множество колець тончайшей работы, сдѣланныхъ изъ тростника (сначала Брукъ принималъ ихъ за волосьяныя), а иногда два—три кольца изъ желтой мѣди. Другихъ украшеній у нихъ не бываетъ. У иного изъ нихъ проколоты уши, но они въ нихъ, кажется, ничего не носятъ, кромѣ свитка изъ тонкаго пальмоваго листа, для того только, чтобъ отверстіе не закрывалось. Женщины очень недурны собою, и гораздо бѣлѣе мужчинъ; онѣ сложены красиво и отличаются своимъ дородствомъ. Выраженіе лицъ ихъ чрезвычайно—добродушно, и онѣ, кажется, ведутъ счастливую жизнь. Одежда ихъ состоитъ изъ грубой матеріи, падающей отъ пояса до колѣнъ; онѣ опоясываются тростниковыми кольцами, чернаго или краснаго цвѣта, и обвѣшиваютъ себѣ поясицу множествомъ мѣдныхъ украшеній, которыя для нихъ дѣлаютъ мужья. Вся грудь, до самаго пояса, остается обнаженною, да и на головѣ онѣ не носятъ никакого покрова или украшенія. Иныя имѣютъ мѣдные браслеты, но ни серегъ,

ни носовыхъ колець у нихъ нѣтъ; нѣкоторыя, счастливѣе прочихъ, носятъ ожерелье изъ бисера. Всѣ домашнія занятія и трудныя работы достаются въ удѣлъ женщинамъ. Онѣ молотятъ рисъ, носятъ тяжести, ходятъ за водою, удаютъ рыбу и разрабатываютъ поля; но хотя, въ этомъ отношеніи, онѣ находятся на ряду съ женами дикарей вообще, онѣ имѣютъ, однакожь, и большія преимущества. Ихъ не запираютъ; онѣ ѣздятъ вмѣстѣ съ своими мужьями, и находятся къ нимъ и дѣтямъ своимъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ европейскія женщины. Дѣти ходятъ совершенно нагія, Брукъ замѣтилъ, что имъ подпиливаютъ зубы и дѣлаютъ ихъ острыми, на подобіе зубовъ акулы. Дейаки не имѣютъ, повидимому, никакого понятія о Божествѣ. Они поклоняются Бѣдуму, великому дейакскому вождю старинныхъ временъ. У нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни священныхъ обрядовъ, и они погружены въ глубокое невѣжество.

Въ продолженіи этой поѣздки, Брукъ и его спутники посѣтили китайское поселеніе, основанное на берегахъ рѣки; самое покушеніе учредить колонію здѣсь со стороны народа столь прозорливаго и осторожнаго, каковы Китайцы, говоритъ сильно въ пользу средствъ этого края. Ихъ рисовыя и другія поля находились въ отличномъ состояніи, и они показывали образцы сѣдобныхъ птичьихъ гнѣздъ (составляющихъ столь важный предметъ торговли на Востокѣ), воска, алойнаго и чернаго дерева — товаровъ, которыми Борнео изобилуетъ до излишества. Староста этой деревни, человекъ весьма сметливый и словоохотливый, отзывался

весьма выгодно о богатствѣ золотыхъ рудниковъ въ Саравакскихъ Горахъ, въ разработкѣ которыхъ онъ нѣкогда участвовалъ. Подозрѣвали также присутствіе тутъ олова; сурьма же добывалась въ какомъ угодно количествѣ, и еще недавно открыты алмазныя копи. Посѣтивъ нѣсколько другихъ деревень, гдѣ Брукъ увидѣлъ мускатныя деревья въ дикомъ состояніи на островѣ Симпудинъ, Брукъ возвратился въ Саравакъ.

Въ это время нашъ путешественникъ часто видѣлся съ раджею и всячески старался убѣдить его въ великой пользѣ, могущей произойти, какъ для внутренняго такъ и для внѣшняго благосостоянія Борнео, отъ учрежденія обширныхъ торговыхъ сношеній. При этомъ Брукъ благоразумно и благородно предупредилъ раджу въ томъ, что не находится ни въ какихъ официальныхъ сношеніяхъ съ сингапурскимъ правительствомъ и предлагаетъ ему свои доводы въ качествѣ частнаго лица. Поступая такъ, онъ сумѣлъ внушить туземцамъ безусловное довѣріе къ своему слову.

Посѣтивъ и обозрѣвъ значительную часть Борнейскаго Архипелага и собравъ значительный запасъ свѣдѣній по части естественной исторіи, географіи, языка жителей этого неизвѣстнаго и любопытнаго края, Брукъ возвратился въ Сингапуръ, гдѣ, во время болѣзни, постигшей его тамъ, занялся обшивкою мѣдью и вооруженіемъ «Роялиста». Онъ возвратился въ Саравакъ около конца августа 1840 года, и засталъ правительство въ твердой рѣшимости принять дѣятельныя мѣры къ приведенію къ окончанію войны съ мятежниками. Раджа убѣдительно просилъ содѣйствія Брука для при-

веденія мятежниковъ въ покорность; такимъ образомъ, онъ имѣлъ случай быть свидѣтелемъ любопытнаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ безвреднаго) порядка, по которому производятся военныя дѣйствія въ Борнео. Онъ нашелъ войско, расположенное лагеремъ, у подошвы горы Сарамбо; городъ Синіаванъ и нѣсколько крѣпостей находились во власти мятежниковъ.

«24-го октября, на разсвѣтѣ, рассказываетъ Брукъ въ своемъ дневникѣ, мы (т. е. Брукъ со спутниками и Мюда-Гассимъ со свитой) приблизились къ нашей позиціи. Густой туманъ скрывалъ наши дѣйствія, и чрезъ полчаса наши войска на берегу были уже дѣятельно исправляли крѣпость, занятую нами прежде, расположенную въ разстояніи менѣе одной мили отъ двухъ непріятельскихъ крѣпостей, но скрытую отъ нихъ выдающимся въ рѣку мысомъ. Мы не встрѣтили никакого сопротивленія, и чрезъ нѣсколько часовъ красивое укрѣпленіе было сооружено изъ развалинъ. Мѣсто очистили отъ кустарника, и въ квадратное пространство, каждый бокъ котораго имѣлъ въ длину семь съ половиною сажень, вбили сваи; выкопали землю изъ середины квадрата, и, смѣшавъ съ слоями камыша, навалили внутри слоевъ на высоту около пяти футовъ. По угламъ сооружены были небольшія караульныя башни, соединенныя между собою узенькою тропинкою, ведущею вдоль бруствера. Середина укрѣпленія была занята домомъ, въ которомъ тѣснился китайскій гарнизонъ, выставившій по угламъ нѣсколько своихъ безвредныхъ джингалловъ (родъ ружья), болѣе для того, чтобъ утрашить, нежели чтобъ ранить не-

пріятеля. Эти внутреннія укрѣпленія были снаружи обнесены легкою оградою, состоявшею изъ небольшихъ шестовъ, воткнутыхъ въ землю и сплетенныхъ вмѣстѣ расколотымъ бамбуковымъ тростникомъ. Эта ограда оканчивалась вверху рогаткою изъ заостреннаго бамбука, вышиною въ полъ-роста человѣка. Пространство земли около укрѣпленія было усыяно множествомъ ранджо (*), опасныхъ для босыхъ ногъ. Надъ нами и рѣкою возвышалась гора; я взобрался на нее и осмотрѣлъ весь окрестный край, включая непріятельскія крѣпостцы и городъ Синіанаванъ. Укрѣпленія эти были самыя незначительныя. Важнѣйшее изъ нихъ Балида и вотъ противъ нея-то должна была направляться наша грозная атака. Балида была расположена на возвышеніи у самаго края рѣки, на правомъ берегу, и вооружена нѣсколькими плохими орудіями. Непріятельская артиллерія состояла, по слухамъ, достигшимъ до насъ, изъ трехъ шестифунтовыхъ и множества меньшихъ орудій. Триста пятьдесятъ или четыреста человѣкъ составляли войска мятежниковъ; около половины этого числа было вооружено мушкетами, а остальные мечами и копьями. Они были разсыяны по многимъ крѣпостцамъ, и должны были, въ добавокъ, защищать городъ, что еще болѣе увеличивало ихъ слабость. Главная оборона ихъ, однакожь, состояла въ огромномъ количествѣ ранджо, которыми они усыяли всю окрестность.

(*) Заостренные бамбуковые пестики, воткнутые въ землю, чтобъ ранить ноги нападающему непріятелю, или скрытые въ ямахъ, въ которыхъ непріятель нерѣдко встрѣчаетъ смерть.

Наша великая армія состояла изъ двухъ-сотъ человекъ Китайцевъ, превосходныхъ работниковъ, но о воинскихъ качествахъ которыхъ я рѣшительно ничего не могу сказать. Это былъ, впрочемъ, народъ сильный и дюжій, хотя прескверно вооруженный, ибо ружей у нихъ не было вовсе, а мушкетовъ очень небольшое число; они имѣли мечи, копья, щиты, и сорокъ длинныхъ тоненькихъ желѣзныхъ трубъ, мушкетнаго калибра. Эти первобытныя орудія управлялись двумя человекъ, изъ которыхъ одинъ поддерживалъ трубу на плечѣ, а другой, прицѣлившись и отворотивъ голову, прикладывалъ фитиль и потомъ восхищался трескомъ. Способъ заряжанія также любопытенъ, какъ и самое орудіе и способъ стрѣльбы. Всыпаютъ порохъ, другимъ концомъ трубы постукиваютъ о землю, и сверху опускаютъ пулю, безъ патрона и не прибавъ заряда. Трудно себѣ представить орудія болѣе грубаго устройства, болѣе неудобнаго и недѣйствительнаго. Кромѣ того, у насъ было 250 человекъ Малайцевъ, изъ которыхъ 150 защищали дома Дейаковъ, расположенные на горѣ Сарамбо. Изъ остальныхъ ста человекъ, оставшихся при великой арміи, около половины были вооружены мушкетами. Наша артиллерія состояла изъ немногихъ мѣдныхъ пушекъ; нѣсколько небольшихъ орудій находилось на судахъ. Число нашихъ Дейаковъ простиралось до 200, изъ разныхъ племенъ: тутъ были Сибноване, Панинджовы, Бомбаки, Сарамбои, Кампиты, Табацы, Санпрои, Сунтацы: но они служили только піонерами, и на врага, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, не рѣшались идти ни подѣ

какимъ видомъ. Изъ такого-то сброда была составлена наша бесполезная армія; между тѣмъ, какъ имѣи мы только 300 человѣкъ удалцовъ, готовыхъ сражаться, намъ бы не стоило почти никакого труда овладѣть отдѣльными укрѣпленіями непріятеля, изъ которыхъ ни одно не могло вмѣщать въ себѣ болѣе тридцати или сорока человѣкъ. Но наши союзники не имѣли, казалось, никакого понятія о томъ, что можно было сражаться иначе, какъ за стѣною, и когда я сдѣлалъ имъ предложеніе напасть на непріятеля, то они приняли меня чуть не за сумасшедшаго. Впослѣдствіи, положено было, въ военномъ совѣтѣ, подойти къ Балада постепенно, съ горы, находившейся позади нашего укрѣпленія. Разстоянія между этими двумя пунктами было всего одна миля, и на этомъ протяженіи предполагалось построить четыре или пять укрѣпленій, и съ нихъ бомбардировать непріятельскую позицію.

31-го октября, мы стали разстанавливать орудія по брустверу, и между тѣмъ производили горячій огонь изъ одной небольшой пушки, съ тою цѣлію, чтобъ прекратить стрѣльбу непріятеля. Черезъ четверть часа, ихъ пальба совершенно замолкла, а нашъ огонь сдѣлалъ порядочную брешь въ деревянной стѣнѣ ихъ укрѣпленія. Замѣтивъ это, я предложилъ главнокомандующему Макотѣ идти съ 150 Китайцами и Малайцами и взять мѣсто приступомъ. Дорога отъ насъ къ непріятельскому укрѣпленію была безопасна. Непріятель не смѣлъ показываться, боясь нашей картечи, и ничего не было легче, какъ привести мое предложеніе

въ исполненіе; но оно произвело такую суматоху, которую трудно позабыть, а описать еще труднѣе. Китайцы были согласны, Макота — также изъявил свое согласіе; но его подчиненнымъ оно не понравилось, и тутъ произошло смятеніе, показавшее мнѣ, до какой степени бѣшенства необузданныя страсти Малайцевъ могутъ доводить ихъ. Панджеранъ Гаусманъ говорилъ съ энергіею въ пользу моего предложенія, и въ теченіе своей рѣчи довелъ себя до состоянія бѣшенства. Онъ вскочилъ на ноги и сталъ плясать военную пляску, сопровождая ее топаніемъ и приличными тѣлодвиженіями; лицо его страшно поблѣднѣло, глаза хотѣли, казалось, выскочить изъ головы, и я, не понимая цѣли его краснорѣчія, подумалъ, глядя на его искаженные черты, не сошелъ ли онъ съ ума, или не бѣснуется ли. Проплясавъ, однакожь, минуты съ двѣ, онъ опять сѣлъ на свое мѣсто, чуть дыша отъ усталости и негодованія, но уже не говоря болѣе ни слова. Въ отвѣтъ, Субту сдѣлалъ какое-то возраженіе на мое предложеніе, за меня вступился Иллудгенъ, и оскорбилъ, повидимому, самолюбіе Субту; ибо лѣнивый, добродушный Субту вскочилъ съ своего мѣста и, схвативъ копьѣ, бросился къ выходу изъ нашего укрѣпленія. Послѣдовала великолѣпная комедія: Субту съ копьемъ въ рукѣ, съ лицомъ, искаженнымъ досадою и гнѣвомъ, указывалъ на непріятельскую крѣпостцу, и вызывалъ удалцовъ, которые бы отважились броситься вмѣстѣ съ нимъ на приступъ. Гаусманъ и Сарраусень (храбрѣйшіе изъ храбрыхъ), какъ бѣшеные, кинулись къ оружію, пытаясь всячески возбудить

храбрыхъ — но все было тщетно, такъ какъ хотя они оказывали похвальную готовность ссориться и драться между собою, но ни одинъ не шевелился съ мѣста, не шелъ на непріятеля. Я былъ доволенъ, признаюсь, когда безпорядокъ утихъ и ссорившіеся стали говорить о дѣлѣ съ большою умѣренностію. Кончилось тѣмъ, что несогласные на приступъ предложили сдѣлать ночью рекогносцировку окрестностей вражьяго стана, и произвести нападеніе на слѣдующій день. Между тѣмъ, наша батарея была готова, и, подъ ея защитою, мы могли смѣло подойти къ самымъ стѣнамъ непріятельской крѣпостцы, ибо мятежники, боясь нашего огня, не смѣли даже показываться.

Ноября 1-го орудія были готовы и ожидали только нашего содѣйствія, чтобъ разгромить шаткое деревянное укрѣпленіе врага; но какъ имъ, такъ и намъ пришлось ждать до полудня, пока храбрые вожди нашей арміи, выспавшись, выкупавшись и наѣвшись до сыта, прибрели къ намъ одинъ за другимъ съ своими воинами. Вскорѣ послѣ разсвѣта, они всѣ выходятъ изъ укрѣпленій и отправляются къ берегу рѣки, не какъ воины, а точь въ точь какъ стадо гусей. Какъ скоро главный отрядъ и авангардъ арміи прибыли къ батарее, я возобновилъ предложеніе о приступѣ; оно было принято различно. Китайцы говорили: «мы пойдемъ, если съ нами пойдутъ Малайцы»; но Малайцы не отвѣчали на этотъ вызовъ. Въ надеждѣ ободрить ихъ, я открылъ огонь, чтобъ показать дѣйствія нашихъ орудій, и прицѣлившись вѣрно, не истратилъ даромъ ни одного ядра, ни одного заряда картечи;

они всё ударили въ непріятельскія стѣны. Я потомъ прибѣгнулъ къ убѣжденіямъ, но тщетно; негодный трусъ Панглиша-Раджа изъяслялъ непреодолимую рѣшимость оставаться на мѣстѣ и ничего не дѣлать; и холодные взгляды прочихъ доказывали ясно, что на ихъ храбрость и полагаться было нечего! Созванъ былъ военный совѣтъ, на который всё явились, скрывая страхъ подъ важною осанкою. Китайцы весьма справедливо говорили, что нельзя требовать, чтобъ они шли на приступъ, если Малайцы не хотятъ ихъ поддерживать. Дату былъ одного мнѣнія съ ними, а Панглиша сказалъ мудрую рѣчь, клонившуюся къ тому, что «въ послѣдней компаніи, когда они имѣли крѣпость, непріятель точно также стрѣлялъ по нимъ, — кололъ, рубилъ ихъ, и проч. и проч. А напасть на него теперь, когда у нихъ самихъ не было укрѣпленія! — возможно ли было ожидать успѣха? Безразсудно ожидать, чтобъ они шли на приступъ!» Но, при всей своей глупости, онъ, казалось, понялъ мой сарказмъ, когда я у него спросилъ, много ли людей было убито во время той жестокой компаніи. Ясно было, что битвѣ не бывать. Мы всё остались другъ другомъ весьма недовольны, и я намекнулъ, что мое присутствіе между ними совершенно бесполезно, если они намѣрены не сражаться, а играть. «Что же вы хотите дѣлать, спросилъ я, «когда не рѣшаетесь напасть на мятежниковъ?» Абонгъ-Міа предложилъ выстроить крѣпостцу на деревѣ, а оттуда «пуфъ, пуфъ» на Балида, сопровождая слова «пуфъ, пуфъ» выразительными тѣлодвиженіями, будто бы стрѣляетъ; но на

это умное предложеніе возразили, что деревья были рѣдки, и что непріятелю не трудно будетъ срубить дерево вмѣстѣ съ крѣпостцею.

Выведенный изъ терпѣнія этимъ гнуснымъ равнодушіемъ, Брукъ нѣсколько разъ грозилъ оставить армію, и, сдѣлавъ однажды предложеніе вести атаку лично съ своими людьми, лишь бы союзники поддержали его, онъ чуть было не сдѣлался жертвою своего великодушія: еслибъ его предложеніе было принято, они его непременно покинули бы во время приступа. Война продолжалась, между тѣмъ, съ различнымъ успѣхомъ: армія Мюда-Гассима не переставала хватать и дѣятельно воздвигала крѣпостцы, по сооруженіи которыхъ возвращалась въ прежнее лѣнливое состояніе; и наконецъ, непріятель, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, — имѣвшихъ послѣдствіемъ упроченіе власти и вліянія Брука, — совершенно очистилъ правый берегъ, и наконецъ рѣшился вступить въ переговоры. Макота, главнокомандовавшая арміею раджи, желалъ (трусы охотно прибѣгаютъ къ измѣнѣ) умертвить непріятельскихъ пословъ, но Брукъ, выведенный изъ себя этимъ гнуснымъ злоумышленіемъ, объявилъ, что застрѣлитъ перваго, который осмѣлится наложить руку на нихъ. Повѣренный мятежниковъ, Серифъ Джафферъ попытался было вынудить отъ Брука обѣщаніе, что раджа пощадитъ жизнь виновныхъ, — но Брукъ не могъ, да и не хотѣлъ дать подобнаго обѣщанія, — и они, наконецъ, согласились сдаться безусловно, съ тѣмъ, чтобъ онъ просилъ раджу помиловать ихъ. Такимъ образомъ, 20-го декабря, война была приве-

дена къ окончанію. Брукъ встрѣтилъ въ послѣдствіи большое затрудненіе, когда сталъ убѣждать раджу пощадить жизнь побѣжденныхъ мятежниковъ, но усиленные его просьбы, а, можетъ быть, и угроза оставить его, восторжествовали, наконецъ, надъ гнѣвомъ раджи, и онъ простилъ ихъ.

Приготовляясь къ отплытію изъ Саравака и ожидая только подписанія бумагъ о назначеніи его раджею той провинціи, онъ получилъ свѣдѣнія о прибытіи къ берегамъ большой флотиліи морскихъ разбойниковъ, изъ племени Илануновъ и Малуку, привлеченныхъ сюда, вѣроятно, преувеличенными слухами объ огромныхъ богатствахъ, находившихся будто бы на «Роялистѣ», котораго украшенія, сказывали имъ, состояли изъ чистаго золота. Они просили позволенія посѣтить Саравакъ и имѣть свиданіе съ раджею. Брукъ также согласился принять ихъ. Такимъ образомъ онъ подробно узналъ бытъ морскихъ разбойниковъ архипелага. Въ назначенный день разбойники прибыли, вверхъ по рѣкѣ, къ городу; ихъ было всего восемнадцать прау, украшенныхъ флагами и вымпелами. Онѣ шли одна позади другой, производя пальбу изъ пушекъ и мушкетовъ. Зрѣлище было любопытное и занимательное. Когда прау заняли свои мѣста, начальники отправились на берегъ для свиданія съ раджею, при которомъ присутствовалъ и Брукъ. Замѣтна была съ обѣихъ сторонъ сильная недоувѣрчивость; залъ, гдѣ давалась аудіенція, и корридоры, ведшіе къ нему, были наполнены приверженцами какъ раджи, такъ и

его посѣтителей; и такъ какъ немногіе изъ Иллануновъ понимали по малайски, то разговоръ былъ затруднителенъ и скученъ. Иллануны красивый, сильный народъ; они имѣютъ разительное сходство съ буджійскимъ племенемъ; ихъ осанка гордая и холодная, и они, казалось, одинаково готовы дѣйствовать за и противъ раджи. Малуку — жители береговъ одного изъ джиллолоскихъ заливовъ, но нынѣ Голландцы овладѣли ихъ родиною. Они не такъ красивы, какъ Иллануны, и смуглы, но въ обращеніи гибче и словоохотливѣе послѣднихъ. Они вели почти весь разговоръ, а Иллануны хранили важное молчаніе.

Изъ словъ этихъ Малуку видно, что, со времени взятія въ плѣнъ ихъ раджи и покоренія родины, они ведутъ кочевую, разбойничью жизнь; они говорятъ, будто весь флотъ ихъ состоитъ изъ двадцати пяти судовъ, изъ которыхъ три теперь присоединены временно къ Илланунамъ. За исключеніемъ обыкновенныхъ церемоній, это свиданіе не отличалось ничѣмъ особеннымъ, и по окончаніи его одна сторона разошлась по своимъ домамъ, а другая на суда, и все пришло въ обыкновенный порядокъ. Вечеромъ Брукъ проѣхалъ черезъ флотъ на своей гичкѣ, и осматрѣлъ нѣкоторыя изъ большихъ прау. Вся сила разбойниковъ состояла изъ восемнадцати судовъ, и именно изъ трехъ малукускихъ и пятнадцати илланунскихъ; на самыхъ меньшихъ могутъ помѣститься тридцать, а на большихъ болѣе ста человѣкъ; такъ что, по умѣренному вычисленію, число воиновъ на этомъ флотѣ

простиралось отъ пяти до шести сотъ человѣкъ. Иланунская экспедиція находилась въ отсутствіи изъ Маджидано (самый большой изъ Филиппинскихъ острововъ) уже больше трехъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ крейсировала между Молуккскими и другими островами къ востоку, посѣщая заливъ Бони, Целебесъ и Макасарскій Проливъ. Многія изъ ихъ судовъ, однакожь, пришли въ совершенную ветхость, и они замѣнили ихъ прау, отнятыми у племени Буджисовъ. Они возвращались теперь домой. — Они сдѣлали недавно нападеніе на одинъ изъ Тамбаланскихъ острововъ, но были отражены; слухи носились, будто они намѣревались сдѣлать десантъ на Саркасанъ, одинъ изъ острововъ южной нагунаской группы. Эти большія прау тяжелы на ходу, хотя бываютъ о тридцати, сорока и даже о пятидесяти веслахъ; вооруженіе ихъ состоитъ изъ двухъ шести-фунтовыхъ пушекъ на носу и одной четырехъ-фунтовой на кормѣ, кромѣ мушкетовъ, копій и мечей. Судно раздѣлено на три отдѣленія и укрѣплено толстыми досчатыми переборками, въ носовой части, по срединѣ, и съ кормы. Женщины и дѣти помѣщались кое-какъ въ трюмѣ, куда также отправляютъ и несчастныхъ невольниковъ во время сраженія. Они обыкновенно стараются сѣпиться съ непріателемъ и взять съ абордажа, и купеческое судно, которое стрѣляетъ не мѣтко, попадетъ неминуемо къ нимъ въ руки; но вѣрно направленная стрѣльба картечью производитъ между ними ужасное кровопролитіе и заставляетъ тотчасъ обратиться въ бѣгство. Флотъ управляется слѣдующимъ образомъ. Одинъ главный

начальникъ повелѣваетъ всѣми прочими; на каждомъ суднѣ находится капитанъ, при которомъ состоятъ отъ пяти до десяти человѣкъ изъ его родственниковъ, вольныхъ людей; остальные всѣ невольники, ведущіе этотъ образъ жизни болѣе или менѣе по принужденію. Послѣдніе имѣютъ, однакожь, право на часть добычи, за исключеніемъ: невольниковъ, огнестрѣльнаго оружія, денегъ и вообще тяжелыхъ предметовъ, также тончайшихъ шелковыхъ издѣлій и суконъ, составляющихъ достояніе начальниковъ и вольныхъ людей; въ дѣлѣжъ они руководствуются правомъ сильнаго — кому что досталось, тотъ и удерживаетъ за собою, если можетъ. Дату или начальники — неисправимы; они разбойники по происхожденію и по наклонности, и смотрятъ на свое ремесло какъ на самое благороднѣйшее потомственное занятіе. Кровопрлитіе для нихъ ничего не значитъ; они охотники до добычи, а еще болѣе до невольниковъ: они презираютъ торговья занятія, хотя могли бы извлечь изъ нихъ большую выгоду. Они съ гордостію показываютъ свои мечи, какъ принадлежность нѣкогда своихъ предковъ, которые были также морскіе разбойники, извѣстные и страшные въ свое время, — и всегда говорятъ, что наследственное ихъ занятіе утратило много своего прежняго блеска, но смотрятъ, между тѣмъ, на него, какъ на счастливѣйшее и благороднѣйшее существованіе въ мірѣ. Когда они дѣлаютъ нападеніе на какой-нибудь островъ, то увозятъ дѣтей, женъ и молодыхъ людей. Они также обращаютъ въ неволю команды всѣхъ взятыхъ ими судовъ; нагру-

живишь совершенно, они покидают тотъ берегъ или ту страну и посѣщаютъ другое мѣсто, гдѣ сбываютъ свою человѣческую добычу наивыгоднѣйшимъ образомъ. Нагрузившись, напримѣръ, невольниками на восточномъ берегу Борнео, продаютъ ихъ на западномъ, взятые въ плѣнъ на югѣ находятъ легкій сбытъ на сѣверѣ, и на оборотъ. Такъ какъ туземцы высоко цѣнятъ папуанскихъ негровъ, то разбойники безпрестанно посѣщаютъ Новую Гвинею и острова, лежащія на востокъ отъ нея, гдѣ ихъ добываютъ и продаютъ потомъ за свою цѣну въ первомъ малайскомъ селеніи, куда пристанутъ. Главные притоны этихъ злодѣевъ: Маджинданно, Сулу и сѣверная часть Борнео. Они распространяютъ ужасъ и опустошеніе по всему архипелагу; а все же никто не принимаетъ мѣръ къ ихъ истребленію, и европейскія державы, имѣющія свои поселенія здѣсь, какъ-то: Голландцы, Англичане, Испанцы, довольствуются тѣмъ, что очищаютъ окрестности своихъ собственныхъ портовъ отъ ихъ хищничества, не обращая ни малѣйшаго вниманія на убытокъ, который они наносятъ торговлѣ туземцевъ. Два или три парохода могли бы съ успѣхомъ напасть на нихъ на ихъ же берегахъ. Издержавъ незначительную сумму денегъ, можно бы имѣть свѣдѣнія о всѣхъ ихъ движеніяхъ; и эти самые пароходы, занимаясь искорененіемъ вопіющаго зла, могли бы въ то же время собирать полезнѣйшія свѣдѣнія о странахъ, мало намъ извѣстныхъ, и тѣмъ увеличить нашъ запасъ географическихъ познаній. Нѣсколько строгихъ примѣровъ и безпрестанное безпокойство вскорѣ излечили бы

этихъ удалцовъ отъ ихъ наслѣдственной и личной привязанности къ разбойничьей жизни, и мы оказали бы архипелагу вообще величайшее благодѣяніе, между тѣмъ, какъ само Маджинданно нисколько бы не потеряло.

Въ теченіи своего кратковременнаго пребыванія въ Сингапурѣ, Брукъ купилъ шкуну «Свифтъ» (Скорый), въ 90 тоннъ, и нагрузивъ ее и «Роялиста» приличными товарами, возвратился въ Саравакъ, гдѣ враги его, и въ особенности панджеранъ Макота, воспользовавшись его отсутствіемъ, употребили все свое стараніе, чтобъ лишить его милости и довѣрія раджи. Между тѣмъ, онъ имѣлъ неосторожность дозволить раджѣ выгрузить привезенные имъ товары и завладѣть ими. Въ уплату за нихъ ему было обѣщано значительное количество сурьмы, которой все не доставляли, не смотря на всѣ его возраженія. Положеніе его теперь сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ; онъ отправилъ свои суда (на одномъ изъ нихъ находилось небольшое количество сурьмы, добытой имъ съ неопи- саннымъ трудомъ) и предался такимъ образомъ во власть народа, который могъ, при малѣйшемъ побужденіи, сдѣлаться дѣятельнымъ, жестокимъ врагомъ. Брукъ сталъ хладнокровно ожидать возвращенія судовъ, изъ которыхъ одно было послано для исполненія самаго челоуколюбиваго намѣренія («Роялистъ» отправился въ Борнео, чтобъ спасти отъ плѣна команду англійскаго купеческаго корабля, претерпѣвшаго крушеніе), а самъ, между тѣмъ, оставался въ Саравакѣ съ тремя товарищами. Скоро, однако, возвратились

«Свифтъ» и «Роялисть». Интриги враговъ Брука продолжались, между тѣмъ, съ прежнею дѣятельностію, и безчестный Макота употреблялъ всевозможныя хитрости, и даже насильственныя мѣры, чтобъ воспрепятствовать Дейакамъ вступать въ сношенія съ Брукомъ. Одинъ старикъ, взятый имъ подъ свое покровительство, былъ ограбленъ и почти убитъ; въ другой разъ, злодѣи покусились было отравить его переводчика. Открывъ это злодѣяніе, Брукъ вооружилъ своихъ людей и отправился съ ними въ жилище раджи, гдѣ онъ смѣло обнаружилъ предъ этимъ правителемъ всѣ козни и предательскіе поступки своихъ враговъ, и грозилъ Макотѣ немедленнымъ мщеніемъ. Это рѣшительное поведеніе произвело мгновенное дѣйствіе. Макота, пораженный паническимъ страхомъ, скрывался въ теченіи нѣсколькихъ дней, и раджа тутъ же исполнилъ свое обѣщаніе, назначивъ Брука раджею Саравака. Синіаване тотчасъ приняли сторону Брука, и ихъ вожди пришли объявить ему, что они имѣютъ въ готовности 200 человѣкъ, которыми онъ можетъ распоряжаться какъ и когда ему заблагоразсудится. Китайцы и остальная часть жителей не приняли ни чьей стороны, и къ Макотѣ никто не явился для помощи, кромѣ его собственныхъ невольниковъ, которыхъ было у него всего человѣкъ двадцать. Раджа, послѣ этого событія, уже не медлилъ болѣе: условія были заключены, подписаны и печать къ нимъ приложена. 24 сентября 1841 года, при великомъ торжествѣ и стрѣльбѣ изъ всѣхъ возможныхъ орудій, Брукъ сдѣлался губернаторомъ Саравака, съ самою полною властію.

Вступая въ управленіе, Брукъ издалъ воззваніе къ подвластнымъ ему пламенамъ саравакской страны, постановилъ наказанія за разбой и убійство, объявилъ поощреніе и покровительство честной торговлѣ и озаботился о томъ, чтобы Малайцы не угнетали Дейаковъ. Подробности объ этихъ угнетеніяхъ Брукъ узналъ отъ одного изъ вождей дейакаго возмущенія. Это былъ тихій, умный и повятливый человѣкъ, съ которымъ Брукъ очень подружился. «Насъ немного, — рассказывалъ Дейакъ Бруку, — и потому-то иго малайцевъ тяготѣетъ надъ нами. Отъ ихъ гоненій мы спасаемся въ лѣсахъ, мы подобны оленямъ — не имѣемъ ни дома, ни пристанища; у насъ отнимаютъ нашихъ женъ и дѣтей; страданія наши неслыханны. А прежде наша родина была счастливая страна; никто не уходилъ отъ насъ голодный. Плоды, росшіе на деревьяхъ, сберегались; никто не истреблялъ рыбы въ рѣкѣ, которая протекала мимо насъ. Рису у насъ было въ изобиліи; а когда, бывало, случится неурожай, то мы питались овощами, а запасъ рису сохраняли для тѣхъ, кто посѣтитъ наше жилище. Мы сберегали рыбу, плоды, рисъ, для того, чтобы морскіе люди (*) могли питаться ими. Но они были безжалостны къ намъ; мы были вольные люди, а они поступали съ нами хуже, чѣмъ съ рабами; насъ теперь немного, да и тѣхъ скоро не станетъ, если ты не защитишь насъ.» Дейакъ говорилъ и о своихъ собственныхъ несчастіяхъ: «Панджеранъ Макота держалъ меня у себя въ домѣ

(*) Т. е. Малайцы, по морю нѣкогда прибывшіе на Борнео.

девять мѣсяцевъ и хотѣлъ, чтобы я сталъ его рабомъ; я убѣждалъ, шелъ по лѣсамъ, переплывалъ рѣки, пока не достигъ своего отечества. Онъ думалъ, что у Дейака глаза только для лѣсу, что уши его разумѣютъ только говоръ вѣщей птицы, что руки у него только, чтобы снимать рисъ, но Дейакъ видѣлъ, слышалъ, понималъ, что хотя рѣчи Макоты были сладки, но сердце — черно; что имѣя дѣло съ Дейаками, или съ морскими людьми, онъ ихъ обманывалъ льстивыми словами: онъ говорилъ одному одно, а другому противное; онъ обманывалъ обоихъ медовыми устами. Все это я видѣлъ и понималъ, живя въ его домѣ. Можно ли мнѣ было вѣрить ему послѣ того?»

Благодѣтельныя послѣдствія справедливаго управленія англичанина — раджи вскорѣ сдѣлались очевидны для Дейаковъ, и имя его наводило такой ужасъ, что разбойничьи суда вскорѣ почти вовсе перестали нападать на его владѣнія. Однако одно изъ племенъ, подвластныхъ Бруку, возмутилось, и Брукъ смѣнилъ его вожда. Назначеніе другого предводителя сопровождалось любопытными обрядами, которыя описаны Брукомъ вмѣстѣ съ военными обычаями Дейаковъ:

«Взошедъ на гору, мы нашли пять отрубленныхъ головъ подъ бдительнымъ карауломъ, въ разстояніи около полумили отъ города. Воины не всѣ еще прибыли на мѣсто. Временный навѣсъ выстроенъ былъ близъ того мѣста, гдѣ хранились эти несчастные останки брэннаго человѣчества; караулъ состоялъ изъ тридцати молодыхъ людей, одѣтыхъ въ лучшіе костюмы: на

нихъ были красныя куртки, украшенныя раковинами, чалмы изъ древесной коры, выкрашенной въ яркій желтый цвѣтъ. — Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, съ которымъ они ищутъ пріобрѣтенія этихъ трофеевъ; тотъ изъ нихъ, которому посчастливилось добыть голову, вѣшаетъ ее себѣ на шею, и немедленно возвращается къ своему племени. Если ему случится спать на дорогѣ, то онъ не отвязываетъ своей драгоценной ноши, а голова, которая между тѣмъ гниетъ и воняетъ, покоится вмѣстѣ съ его головою и носомъ на его колѣняхъ! Отступленіе всегда совершается въ безмолвіи, пока не приблизятся къ дому; тогда они поднимаютъ дикій крикъ, означающій побѣду и то, что доказательства побѣды находятся при нихъ. Надо, слѣдовательно, полагать, что эти кровавые трофеи служатъ, въ ихъ глазахъ, свидѣтельствами торжества, точно такъ, какъ у Европейца отнятое знамя, или череповая оболочка врага у сѣверо-американскаго Индійца, — и что они отторгаютъ ихъ у непріятеля, ибо у нихъ взятіе головъ не бываетъ никогда причиною войны, а только послѣдствіемъ. — Достигнувъ *балеи* или общественнаго зала, я немедленно собралъ дейакскихъ вождей и вступилъ съ ними въ разговоръ о томъ, что вождь Парембанъ напалъ на сигоскихъ Дейаковъ и убилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они всѣ съ негодованіемъ отзывались объ этомъ поступкѣ, говоря, что Сигосы были ихъ меньшіе братья, что не подали достаточнаго повода къ такому злодѣянію; что вождь поступилъ скверно и долженъ купить миръ. Я

спросилъ, будутъ ли они согласны заставить Парембана заплатить за миръ? — они согласились. Принудятъ ли его возвратить Сигосцамъ головы, отнятыя у нихъ, и взять назадъ головы своихъ воиновъ? И на это они изъявили согласіе.

«Можно замѣтить, что поводы къ началу войны, точно такъ, какъ и самый образъ войны и окончаніе ея, точно тѣ же, какъ у другихъ народовъ. Они спорятъ о границахъ своихъ земель; раздоры возникаютъ между ними по поводу, напимѣръ, грабительства одного племени, убійства, или того, что одно племя пересѣкло другому дорогу на военномъ пути; или, наконецъ, по тысячѣ другихъ причинъ.

«Когда одно племя отправляется на военную экспедицію, то часто случается, что другое племя переступитъ черезъ его путь или «слѣдъ». Переступившіе черезъ слѣдъ, стерегутъ его въ удобномъ разстояніи, полагая, что по немъ прошли, можетъ быть, воины вражьяго племени: они потомъ засѣваютъ путь *ранджо*, и ждутъ, пока возвращающаяся партія запутается въ нихъ, чтобы напасть на нее въ расплохъ. Если первая партія дѣйствительно враги и вторая нападетъ на нее удачно, то этимъ дѣло и кончается; если же, напротивъ того, друзья, то хотя бы и не было слѣдано нападенія, первые считаютъ себя обиженными и обыкновеннымъ слѣдствіемъ подобной встрѣчи бываетъ война, если вторая партія не согласится заплатить за свою ошибку. Ихъ образъ войны состоитъ въ нападеніи другъ на друга въ расплохъ, какъ мы сейчасъ описали. Для этихъ нападеній они обыкновенно изби-

раютъ время посѣва, полотья или жатвы рисовыхъ полей. Если одна партія слабѣе другой или менѣе дѣятельна, или не такъ воинственна, то она дѣлаетъ предложеніе о мирѣ чрезъ посредство какого-либо другаго племени, находящагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ обоимъ, и платитъ за жизнь убитыхъ.

На слѣдующій день утромъ перенесли головы въ деревню. При этомъ присутствовали многіе изъ молодыхъ людей въ праздничныхъ одеждахъ, провожавшіе головы до дома Парембана, при звукѣ гонгъ и стрѣльбѣ изъ двухъ-трехъ ружей. Головы потомъ выставили на видномъ мѣстѣ въ общественной залѣ Парембана. Мужчины плясали почти цѣлый день подъ звуки музыки; а къ вечеру вынесли головы и пошли торжественнымъ ходомъ по всѣмъ комнатамъ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, расположенныхъ около того мѣста, гдѣ я находился. Во время этихъ ходовъ, женщины окружали головы на пути отъ одного дома къ другому, и клали имъ въ ротъ пищу, говоря въ то же время привѣтствіе имъ! Послѣ этого ихъ несли назадъ съ такимъ же торжествомъ, клали на сухое мѣсто и сушили. Въ теченіе сушенія, продолжающагося отъ семи до десяти дней, ихъ стерегли мальчики отъ шести до десяти лѣтъ; и во все время они не выходили изъ общественной залы — имъ не дозволяется выйти изъ нея, пока они заняты этою священною обязанностію. Такимъ образомъ посвящаютъ юношей въ будущее ихъ ремесло.

«Въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ головы повѣшены, мужчины собираются по ночамъ и

говорятъ имъ рѣчи на распѣвъ. Смысль этихъ рѣчей слѣдующій: «Твоя голова теперь въ нашемъ жилищѣ, но духъ твой улетаетъ иногда на родину. Твоя голова и твой духъ принадлежать намъ: убѣди же своихъ одноплеменниковъ, чтобъ они предались въ руки намъ. — Обратись къ духамъ твоего племени, пусть они бродятъ по полямъ, чтобы мы, прибывъ въ ихъ отечество, могли еще добыть головъ, и чтобы мы принесли головы твоихъ братьевъ и повѣсили подлѣ твоей головы,» и проч. — Звуки этого припѣва громки и однообразны; я не умѣю сказать, долго ли его поютъ — по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ послѣ прибытія головъ: одна изъ здѣшнихъ партій имѣла голову цѣлый мѣсяцъ, и разговаривала еще съ нею послѣ моего прибытія.

«Таковы военные обычаи Дейаковъ. Окончательно скажу, что хотя ихъ трофеи отвратительны, но войны ихъ не такъ кровопролитны и жестоки, какъ войны сѣверо-американскихъ Индійцевъ. Дейаки убиваютъ всѣхъ изъ вражьяго племени, кто имъ попадется — женъ, мужей, дѣтей; но то же дѣлаютъ всѣ дикія племена. Пока продолжается война, ими руководитъ непримиримый духъ мщенія: за зло платятъ зломъ, за смерть смертію. Они, однакожь, никогда не съѣдаютъ своихъ враговъ и не мучатъ ихъ; и всегда, притомъ, соглашаются заключить миръ за небольшую денежную плату. Какъ друзья — Дейаки преданы, справедливы и честны, какъ враги — кровожадны и коварны, терпѣливы на военномъ пути, и переносятъ усталость, голодъ и жажду съ твердостію и безропотно. Они отъ-

искиваютъ себѣ дорогу въ лѣсахъ съ удивительною сметливостію, и во всѣхъ своихъ военныхъ экспедиціяхъ имѣютъ при себѣ множество ранджо, которыя, при отступленіи, они втыкаютъ въ землю, на разстояніи одно отъ другаго до двадцати, пятидесяти или ста ярдовъ (*), такъ что непріятель, гоняясь за ними, набѣгаетъ на эти опасныя орудія и получаетъ часто жестокія раны. Оружіе ихъ состоитъ изъ меча, копья съ желѣзнымъ остриемъ, нѣсколькихъ деревянныхъ копій и ножа, который, вмѣстѣ съ кisetомъ для сири, они носятъ при правомъ бедрѣ. Съѣстные припасы ихъ состоятъ изъ особеннаго рода вязкаго риса въ бамбуковыхъ тростникахъ. Сдѣлавъ удачное, или неудачное нападеніе на врага, они возвращаются, не останавливаясь, на родину.

У Дейаковъ всякій совѣтъ раздѣляется на горячій или холодный; миръ, дружба, добрыя намѣренія, причисляются къ послѣдному наименованію — война, и пр. къ первому. Жаръ изображается краснымъ цвѣтомъ, а холодъ бѣлымъ. Они распространяютъ это отличіе рѣшительно на все; и такъ какъ общественная зала назначена для военныхъ трофеевъ, то въ ней нестерпимо жарко, и потому она не годна для дружественныхъ свиданій. Въ слѣдствіе этого воздвигли на вѣсь, подъ которымъ долженъ былъ совершиться обрядъ возведенія Стееръ Раджи въ званіе вождя того племени, которое пыталось возмутиться. Мы отправились туда часовъ около девяти вечера; воздухъ огла-

(*) Ярды — полсажени.

шался музыкаю, дикою, но не пріятною, и мы сѣли на циновкахъ между нашими пріятелями, Дейаками. Приготовленія дѣлались къ пиру, и каждый изъ гостей приносилъ свою долю риса въ бамбуковомъ тростникѣ и клалъ къ общему запасу. Одна толпа прибывала вслѣдъ за другою, неся съ собою зажженные полѣнья, такъ что, наконецъ, собралось огромнѣйшее общество. Посреди пола поставили старинной отдѣлки ящикъ для сири; я, съ своей стороны, снабдилъ общество величайшею изъ роскошей, табакомъ.

Между тѣмъ, готовился пиръ, и нѣкоторые изъ главныхъ между ними стали считать число тѣхъ, которые будутъ въ немъ участвовать, и дѣлить бамбуковые тростники на совершенно равныя части. На каждаго гостя досталось дюймовъ около шести. — Это дѣленіе заняло много время, такъ какъ обращается особенное вниманіе на то, чтобъ каждому гостю досталась приличная часть.

Вождю поднесли въ подарокъ куртку, чалму, кусокъ сукна и крись (все бѣлое), въ знакъ седжьбекъ динджина, или холода, т. е. добра. Вождь всталъ, взялъ бѣлую курицу, и махая ею надъ яствами произнесъ слѣдующія слова: «Да будетъ правительство холодно (добро); да будетъ достаточно риса въ нашихъ домахъ; да убьютъ много свиней; да родится много дѣтей мужескаго пола; да созрѣютъ наши плоды; да живемъ въ счастіи и изобиліи; клянемся быть вѣрными великому человѣку (Бруку); станемъ исполнять все, что онъ пожелаетъ; его приказанія намъ законъ.» Сказавъ это, онъ передалъ курицу одному

изъ главныхъ Малайцевъ, который повторилъ послѣднія слова, между тѣмъ, какъ другіе обвязывали головы полосами бѣлаго полотна. Курицу потомъ зарѣзали, кровь собрали въ бамбуковую трость, и каждый изъ гостей поочередно, опустивъ въ нее палецъ, приложилъ ко лбу и къ груди, въ знакъ вѣрности. Тогда курицу вынесли варить; а когда принесли ее назадъ и положили съ остальными яствами, тогда началась пляска. Вождь, выступивъ впередъ, испустилъ громкій крикъ, оканчивавшійся на *ишь*; этотъ крикъ часто повторялся во время пляски. Онъ поднялъ руки ко лбу и, взявъ блюдо, сталъ плясать подъ звуки веселой музыки. Трое другихъ изъ старшинъ послѣдовали его примѣру, также крича и дѣлая тотъ же знакъ руками; они, впрочемъ, не брали блюда. Они плясали съ простертыми руками, поворачивая безирестанно тѣло, дѣлая весьма маленькіе шаги, и едва приподнимая ноги отъ земли. Такимъ образомъ, они вертѣлись назадъ и впередъ, проходили во внутреннія покои и опять выходили изъ нихъ, и безпрестанно повторяли крикъ, прикладывая притомъ, въ мою честь, пальцы ко лбу. Блюдо, между тѣмъ, переходило изъ рукъ въ руки. Пляска, наконецъ, прекратилась и пиръ начался. Все происходило чинно и прилично. Я оставилъ ихъ вскорѣ послѣ того, какъ они начали ѣсть, и отправился спать, усталый до нельзя. Не бездѣлица просидѣть нѣсколько часовъ сряду скрестя ноги.»

Утвердившись въ Саравакѣ, Брукъ рѣшился отправиться лично въ городъ Борнео, чтобы — во первыхъ, примирить султана съ Мюда-Гассимомъ; во вторыхъ,

выхлопотать согласіе султана на назначеніе его рад-
жею; въ третьихъ, освободить Индусовъ, составляв-
шихъ часть командъ двухъ англійскихъ кораблей, пре-
терпѣвшихъ крушеніе и задержанныхъ въ плѣну у
Борнейцевъ. Брукъ и его товарищи приблизились къ
городу въ началѣ отлива, и столица султана показа-
лась имъ настоящею Венеціею изъ хижинъ. Городъ
расположенъ довольно пріятно. Отъ него вдаль идутъ
горы, возвышающіяся другъ надъ другомъ въ видѣ
амфитеатра. Другія рѣки и потоки спускаются по
нимъ внизъ къ рѣкѣ, оставляя тинистый осадокъ, на
которомъ городъ и построенъ. Во время прилива, дома
бываютъ окружены водою, а при отливѣ стоятъ на
болотѣ. Приближаясь къ этой трясинѣ, англичане были
окружены лодками, которыя провожали ихъ мимо
пловучаго рынка, гдѣ женщины, въ огромныхъ шля-
пахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, качаясь на своихъ
челнокахъ, продаютъ съѣстные припасы всякаго рода;
онѣ то погребутъ немножко, то поторгуются, то спу-
стятся внизъ по теченію, возвращаясь опять на преж-
нее мѣсто по окончаніи торга. Бѣдная наружность
города производитъ сначала непріятное впечатлѣніе:
онъ стоитъ въ очень сыромъ мѣстѣ; воздухъ его очень
тяжелъ отъ дурного запаха тинистой почвы. Домовъ
много, и они построены тѣсно, одинъ возлѣ другого.
Даже самый дворецъ по наружности не болѣе привле-
кательнъ и, не смотря на свою величину, также не-
удобно построенъ, какъ и послѣдняя изъ здѣшнихъ
хижинъ. Брукъ и его спутники были представлены
султану съ тѣми же церемоніями, которыми сопро-

вождалось первое свиданіе съ Мюда-Гассимомъ въ Саравакѣ; народа только было несравненно больше. Когда они прибыли во дворецъ, ихъ посадили, и чрезъ нѣсколько минутъ явился панджеранъ Усопъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ султанъ. Онъ подчивалъ англичанъ чаемъ, листовыми сигарами и сири, — однимъ словомъ, принималъ ихъ какъ можно вѣжливѣе. Для помѣщенія Брука отгородили часть общественной залы, убрали этотъ покой столомъ и тремя чахоточными стульями, тюфяками и множествомъ циновокъ.

Султану лѣтъ подъ шестьдесятъ. Онъ невысокаго роста и съ порядочнымъ брюхомъ. На лицѣ его написана глупость. Въ немъ нѣтъ ни понятливости, ни умѣнія себя держать, ни здраваго смысла. Онъ не умѣетъ ни читать, ни писать, руководствуется мнѣніемъ послѣдняго, съ которымъ разговаривалъ, и его совѣтники, принадлежа, какъ можно ожидать, къ низшему сословію, вредны по своему невѣжеству и корыстолюбію. Онъ добродушенъ и вовсе не жестокъ; даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, щедръ, но жаденъ до крайности. Хотя Брукъ сдѣлалъ ему значительные подарки, однакожь онъ не могъ ими удовольствоваться и выпросилъ у Брука то, что было имъ назначено для раздачи другимъ панджеранамъ, а послѣ просилъ еще бездѣлушекъ, какъ-то: сахару, перочинныхъ ножишковъ, и тому подобнаго. Для довершенія всего, онъ безпрестанно освѣдомлялся, много ли еще вещей остается на суднѣ; и когда Брукъ сказалъ ему, что и было правда, — что онъ теперь голъ, какъ зимнее дерево, — онъ все-таки не переставалъ приставать.

Посреди ночи, когда, однажды, шлюбка Брука пришла къ пристани, съ нѣкоторыми подарками для него, онъ самъ вышелъ посмотрѣть, что тутъ было привезено. Онъ просилъ, какъ величайшаго одолженія, чтобъ Брукъ прислалъ шкуну назадъ до наступленія мѣсяца рамбана (то же, что у Турковъ рамаданъ), приговаривая: «Что дѣлать мнѣ во время поста, когда у меня не будетъ ни сахарнаго песка, ни финиковъ?» Нечего и говорить о томъ, какое вредное вліяніе должно произвести надъ здѣшнею странюю правленіе такого челоуѣка; чтобы чего нибудь добиться отъ него, было одно средство — подѣйствовать на него посредствомъ его же корыстолюбія.

Бруку удалось, однако, привести всѣ свои дѣла къ счастливому окончанію, и, по возвращеніи своемъ въ Саравакъ, онъ нашелъ тамъ все въ довольно спокойномъ положеніи; подданные его подвигались быстро на пути улучшеній. Въ Саравакѣ Брукъ обнародовалъ султанскую грамоту, утверждавшую его раджею. Это совершилось вечеромъ 18 августа 1842 года, со всевозможной пышностью. Грамоты были вынесены къ народу при великолѣпномъ освѣщеніи восковыхъ факеловъ. Лицо, которому было назначено прочитать ихъ, стояло на высокихъ подмосткахъ; пониже его стоялъ Мюда-Гассимъ, держа въ рукѣ обнаженную саблю; впереди раджи находился его братъ, панджеранъ Джафферъ, вооруженный огромнымъ кемпианомъ; ихъ окружали прочіе братья раджи и Брукъ, которые всѣ стояли, а остальная часть зрителей сидѣла. Тогда были прочтены письма; послѣднимъ изъ нихъ Брукъ былъ

утвержденъ раджею саравакскимъ. По прочтеніи, раджа спустился съ своего возвышеннаго мѣста, и сказалъ громкимъ голосомъ: «Если кто изъ присутствующихъ недоволенъ опредѣленіемъ султана, или думаетъ оспаривать его, то пусть нынѣ же объявить о томъ». Всѣ молчали. Тогда, обратясь къ панджеранамъ, онъ спросилъ: «Нѣтъ ли между вами какогонибудь панджерана или молодого раджи, недовольнаго назначеніемъ Брука? Что скажешь ты, панджеранъ деръ-Макота?» Макота изъявилъ готовность повиноваться. Съ этимъ же вопросомъ онъ обратился къ двумъ-тремъ другимъ панджеранамъ изъ недоброжелателей Брука, и принудилъ ихъ обѣщать повиноваться. Потомъ, взмахнувъ саблею Мюда-Гассима, воскликнулъ: «Пусть только ктонибудь станеть сопротивляться повелѣнію султана, нынѣ полученному, я тому раскрою черепъ». Въ это самое мгновеніе человекъ десять изъ его братьевъ прыгнули внизъ съ подмостковъ и, обнаживъ свои длинные крисы, стали плясать, размахивая ими, какъ бы прокалывая воздухъ около особы Макоты, ударяя ими въ столбъ надъ его головою, направляя свое оружіе ему въ грудь. Эта забава, это сильное движеніе, этотъ порывъ давно скрытой ненависти, возбудили ихъ страсти до степени неистовства; и стоило Макотѣ встать только съ мѣста, чтобъ погибнуть отъ ихъ рукъ. Но онъ сидѣлъ смирно, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, и какъ скоро шумъ утихъ, всталъ и простившись, вышелъ вонъ. Эта сцена составляла одинъ изъ ихъ обычаевъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ настоящемъ случаѣ она имѣла очевид-

ною цѣлю утратить Макоту. Къ счастью, она прошла безъ кровопролитія.

Теперь дѣла Брука были въ полномъ порядкѣ, и онъ считалъ возможнымъ покинуть на время свое владѣніе и съѣздить въ Сингапурь. «Множество причинъ, говоритъ онъ, влекли меня туда: для добра, которое я намѣревался сдѣлать, нужно было приобрести много новыхъ друзей. Теперешнее время было во всѣхъ отношеніяхъ самое благопріятное для поѣздки. Два года тому назадъ я покинулъ Сингапурь и вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизованное общество; потомъ былъ постоянно далекъ отъ всего образованнаго міра, и хотя служилъ человѣчеству въ мирѣ и по своимъ силамъ, но душа стосковалась во мракѣ непросвѣщенія. «8 февраля 1843 года Брукъ отправился въ Сингапурь.

Между тѣмъ кончилась война Англии съ Китаемъ, и одному англійскому фрегату, «Дидонъ», приказано было крейсировать въ индійскомъ архипелагѣ, для наблюденія за тамошними малайскими морскими разбойниками. Когда Брукъ сталъ собираться назадъ въ Саравакъ, капитанъ «Дидоны» Кеппель предложилъ отвезти его на фрегатѣ.

Брукъ съ радостью принялъ это предложеніе, такъ какъ цѣль Кеппеля — преслѣдованіе и уничтоженіе малайскихъ пиратовъ — была одною изъ самыхъ завѣтныхъ и любимыхъ мыслей благонамѣреннаго англичанина.

«Дидона» вышла въ море въ мартѣ 1843 года и, приближаясь къ Сараваку, встрѣтила три большія прау, очевидно принадлежавшія илланунскимъ разбойникамъ

и отправлявшіяся на разбой. Фрегатъ легко загналъ прау въ глубокой заливъ, но вдругъ прау смѣло и ловко ускользнули и пустились въ бѣгство. Кеппель отрядилъ для преслѣдованія гребныя суда, а самъ повелъ фрегатъ въ устье рѣки Саравака. Гребныя суда — шлюбки и барказъ, на которомъ находился и Брукъ, гнались за прау до Натунскихъ острововъ; здѣсь эти прау успѣли уйдти отъ преслѣдованія, но за то англичане встрѣтили другія разбойничьи прау, числомъ шесть, которыя приближались къ нимъ со всѣми признаками непріязни. Брукъ замѣтилъ, что эти прау принадлежатъ не Иланунамъ, а жителямъ Натунскихъ острововъ, которые посѣщали Саравакъ. Поэтому, надѣясь быть признаннымъ и встрѣченнымъ дружелюбно, онъ привязалъ бѣлый флагъ къ своей зрительной трубѣ и окликнулъ прау; но вмѣсто отвѣта съ прау раздался залпъ ружей. Три меньшія судна отдѣлились отъ прау, чтобы громить англійскія шлюбки перекрестнымъ огнемъ; остальные приближались между тѣмъ съ неистовыми криками и громкимъ боемъ въ тамъ-тамы и стрѣляли по шлюбкамъ. Насталъ страшный мигъ для маленькаго англійскаго отряда. Единственное орудіе барказа было заряжено картечью и направлено на большую прау, и когда прау подошли на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, ихъ встрѣтилъ зарядъ картечи. Прау тотчасъ же остановились, но сдѣлали еще нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; за тѣмъ большая прау сдалась, а остальные отступили, преслѣдуемая двумя англійскими шлюбками. Прау оказалась съ Натунскихъ острововъ; ея экипажъ объ-

явилъ англичанамъ, что вступилъ съ ними въ дѣло по ошибкѣ, принявъ англичанъ за недавно появившихся иланунскихъ разбойниковъ, но это была ложь: причиною наваденія было корыстолюбіе Малайцевъ, которые вообразили, что на англійскихъ судахъ богатый грузъ, и хотѣли его ограбить. Бруку было очень досадно, что его довѣріе къ Малайцамъ не оправдалось; онъ даже былъ раненъ, но легко. Послѣ этихъ приключеній гребныя суда пришли въ Саравакъ.

Капитанъ Кеппель сдѣлалъ церемонный визитъ Мюда-Гассиму и потомъ самъ принималъ его на «Дидонѣ». Фрегатъ, стоявшій въ рѣкѣ на якорѣ, почти въ срединѣ города, съ мачтами, которыя возвышались надъ высочайшими изъ прибрежныхъ деревьевъ, былъ для жителей необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Громъ его тяжелыхъ орудій, ловкость и быстрота, съ которыми его команда, одѣтая въ чистое бѣлое платье, убирала паруса, европейская музыка произвели на нихъ сильное впечатлѣніе.

Мюда-Гассимъ не повѣрилъ капитану, когда тотъ сказалъ, что «Дидона» не самое большое изъ англійскихъ судовъ, и что у Англичанъ есть множество судовъ, вооруженныхъ болѣе чѣмъ ста пушками. Онъ, однакожь, сознался, что видѣлъ зрѣлище, превосходившее все, когда либо виданное его предками. Во время пребыванія на фрегатѣ, на его лицѣ выражалось сильное безпокойство, причиненное тѣмъ, что ему кто-то сказалъ, будто бы не дозволяется плевать въ капитанской каютѣ. Оставляя фрегатъ, онъ позабылъ о данныхъ ему наставленіяхъ (виною тому была

чуть ли не вишневка, которою его подчивали), и оплевалъ бѣлую палубу краснымъ сокомъ бетеля, который жевалъ во все время.

Капитанъ Кешель поселился у Брука. Тогдашнее жилище его, хотя такой же грубой постройки, какъ и дома туземцевъ, было, однакожь, убрано по английски. Въ немъ не было недостатка ни въ софахъ, ни въ стульяхъ, ни въ покойныхъ постеляхъ; оно было больше всѣхъ прочихъ домовъ, но также построено на сваяхъ. Оно стояло на правомъ берегу рѣки, нѣсколько позади дворца Мюда-Гассима. Его окружали ограда и ровъ, представлявшіе убѣжище для овецъ, козъ, голубей, кошекъ, куръ, гусей, обезьянъ, собакъ, утокъ, а иногда и воловъ. Домъ былъ объ одномъ только ярусѣ. Большая комната, расположенная въ срединѣ зданія и украшенная огнестрѣльнымъ оружіемъ всякого рода, въ отличнѣйшемъ порядкѣ и совершенной готовности къ употребленію, служила аудіенць-заломъ и столовою; вокругъ нея находились спальныя, убранныя, по большей части, цыновками и покойными креслами; а по стѣнамъ висѣли картины и книги на переносныхъ полкахъ. Въ одномъ углу площади, составленной оградомъ, находились кухня и службы. Европейцы, состоящіе при Брукѣ, были Деглэст, нѣкогда служившій на флотѣ врачомъ, и Вилліамсонъ, который, зная совершенно языкъ туземцевъ и будучи къ тому же смеливъ и дѣятеленъ, служилъ Бруку прекраснымъ первымъ министромъ. Кромѣ этихъ господъ, при немъ находились еще двое, недавно прибывшіе на яхтѣ: одинъ изъ нихъ былъ отставной ма-

тросъ и имѣлъ надзоръ за оружіемъ, которое содержалъ въ отличной чистотѣ, другой былъ прекрасный малый, называемый — Чарли (Карлуша), и на его рукахъ были счеты и все остальное. Брукъ держалъ превосходный столъ, за которымъ время проходило весело и пріятно. Обѣдали всегда при закатѣ солнца; Брукъ садился къ верхнему концу стола, и всѣ его домочадцы, до единаго, вслѣдъ за нимъ, по старшинству. Всѣ товарищи Брука были люди замѣчательные — всѣ путешествовали въ чужихъ краяхъ; и разговоръ безпрестанно оживлялся то занимательнымъ анекдотомъ, то разказомъ о какомъ-нибудь чудномъ приключеніи, то веселою пѣснью. Иногда въ это время приходили къ Бруку малайцы и китайскіе поселенцы: подойдутъ медленно къ своему европейскому раджѣ, и приложивъ пальцы къ его рукѣ, отойдутъ къ дальнѣйшему концу комнаты, гдѣ, сѣвъ на полъ, скрестивъ подъ себя ноги, просидятъ въ совершенномъ безмолвіи часа два, и потомъ медленно уберутся. Они всѣ оказывали Бруку одни и тѣ же знаки уваженія, т. е. подходили къ рукѣ. Малайцы всѣ бывали вооружены: у нихъ считается оскорбленіемъ особы раджи войти къ нему безъ криса.

Во время стоянія фрегата на якорѣ въ здѣшней рѣкѣ, капитанъ Кеппель, опасаясь, чтобъ яхта, ожидаемая изъ Сингапура съ письмами изъ Англіи, не сдѣлалась добычею разбойниковъ, отправилъ значительную партію волонтеровъ на прау, построенной для Брука въ Саравакѣ, въ крейсерство, для защиты яхты, къ окрестностямъ мыса Дату.

На другой день послѣ выхода ихъ въ открытое море, они замѣтили вдали три судна, и стали гнаться за ними. Преслѣдуемый суда, благодаря быстротѣ своего хода, успѣли уйти. Они показались, однакожь, послѣ сумерекъ, во второй и третій разъ, но Джолли Бэтчелеръ (Весельчакъ—Холостякъ, названіе данное Брукомъ своей прау) не могъ настичь ихъ. Уже было поздно, и англичане, уставъ и проголодавшись, пристали къ берегу, развели огонь, приготовили себѣ ужинъ, а потомъ, подтянувъ судно на веревкѣ къ скаламъ, нѣсколько отдаленнымъ отъ берега, легли отдохнуть, съ ружьями у изголовья, зарядивъ напередъ на всякій случай каждое. Поставивъ часовыхъ и назначивъ вахтеннаго офицера, они всѣ (съ часовыми вмѣстѣ, вѣроятно), уставъ отъ дневнаго труда, заснули! Часа въ три утра, когда луна только что поднялась, лейтенантъ Гентъ случайно проснулся, и увидѣлъ на палубѣ дикаря, махавшаго крисомъ, и раскидывавшаго ноги во всѣ стороны какъ водится въ военной пляскѣ, въ восторгѣ, вѣроятно, отъ того, что такъ легко овладѣлъ большою купеческою прау, и разсчитывая, быть можетъ, барыши, которые достанутся ему отъ продажи плѣнныхъ. Круглое лицо лейтенанта Гента, на которое падали лучи восходившей луны, показало разбойнику его ошибку. Онъ тотчасъ прыгнулъ за бортъ, и прежде чѣмъ лейтенантъ успѣлъ оправиться отъ своего изумленія и убѣдиться, что это происходило не во снѣ, а на яву, залпъ изъ двухъ или трехъ пушекъ, въ небольшомъ разстояніи отъ нихъ, и вредъ, причиненный ядрами и другими снарядами, которыми пушки

были заряжены, — онѣ изрѣзали всѣ снасти, — доказаль ему, что онѣ не ошибался. Англичане лежали, когда эта стрѣльба происходила, и оттого ни одинъ изъ нихъ не получилъ ранъ; но вскочивъ на ноги, они нашли себя въ опасномъ положеніи: — у обоихъ бортовъ судна, съ носу стояло по большой военной прау. Отвѣтить на огонь непріятели, подрѣзать канатъ, взяться за весла, и оттаванить, чтобъ выиграть мѣста, было дѣломъ одного мгновенія; но тутъ настала страшная минута: дѣло шло о жизни или смерти. Ни та, ни другая сторона не ожидала пощады; и проворная, меткая стрѣльба морскихъ солдатъ не давала разбойникамъ заряжать пушекъ. Илланунскія прау строятся съ толстыми досчатыми переборками, идущими поперегъ носовой части судна. Въ этихъ переборкахъ, сквозь которыя не пробьетъ пуля или картечь, сдѣланы отверстія для пушекъ, и ружейные выстрѣлы Англичанъ не производили желаемого дѣйствія до тѣхъ поръ, пока ядра ихъ не истребили перегородокъ. Послѣ этого, англійскія пули и картечь производили ужаснѣйшее кровопролитіе. Между тѣмъ, разбойники приближались, имѣя въ виду взять англійскую прау съ абордажа, а Джолли-Бэтчелеръ подался кормою назадъ, не желая такого близкаго сосѣдства. Увеличивъ разстояніе между своимъ судномъ и непріятельскими, Англичане положили весла, и, схвативъ ружья, открыли жаркую стрѣльбу: дѣло было коротко, но ужасно кровопролитно. Одно изъ разбойничьихъ судовъ начало тонуть, и Англичане сдѣлали попытку овладѣть имъ; второе, между тѣмъ, обогнуло скалистый

мысль, близъ котораго дѣло происходило, и спаслось. Третья прау, еще больше двухъ первыхъ, подоспѣла тутъ на помощь къ нему, послала свѣжихъ людей, и взявъ на буксиръ, успѣла уйдти съ нимъ отъ погони. Страшное зрѣлище представилось Англичанамъ, когда они вступили на побѣжденное судно; никто изъ разбойниковъ, находившихся на немъ, не ожидалъ отъ нихъ пощады, и потому всѣ, кто былъ еще въ состояніи двигать членами, бросились въ воду. Нѣкоторые изъ убитыхъ лежали поперегъ балокъ, держа еще въ рукахъ весла, а на днѣ прау, уже погружившемся фута на три въ воду, лежало восемнадцать или двадцать растерзанныхъ труповъ.

Между смертельно ранеными лежалъ молодой командиръ прау, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ былъ прострѣленъ пулею на вылетъ чрезъ легкія и послѣдняя минута его быстро приближалась. Онъ попытался было говорить, но кровь хлынула ручьемъ изъ устъ, а звука не было слышно. Нѣсколько разъ сряду онъ дѣлалъ то же усиліе, но каждый разъ приступавшая кровь заглушала голосъ умирающаго. Казалось, онъ желалъ сообщить что-то важное, и тѣнь досады и печали омрачала его чело, когда онъ чувствовалъ, что всѣ его усилія тщетны, и что его мужественная сила и смѣлый духъ исчезаютъ. Растроганные побѣдители осторожно подняли его, и этимъ нѣсколько облегчили страданія, потому что кровь перестала изливаться гортанью; но конецъ его былъ близокъ: онъ мужественно сложилъ на груди руки, обратилъ свои глаза на англійскихъ матросовъ, стояв-

шихъ вокругъ него , и , бросивъ олинъ , послѣдній взглядъ на океанъ — на поприще его отважныхъ подвиговъ , гдѣ онъ такъ часто сражался и побѣждалъ , — скончался , не испустивъ ни одного вздоха . Подчиненные этихъ разбойничьихъ начальниковъ даютъ имъ иногда поэтическія прозванія *матару* (солнца) , или *буланъ* (луны) ; и по превосходству своему во всѣхъ отношеніяхъ , какъ тѣлесныхъ , такъ и умственныхъ , вождь , окончившій свое земное поприще такимъ несчастнымъ образомъ , казалось , былъ достоинъ того или другого изъ этихъ именъ .

Послѣ этого происшествія , Мюда-Гассимъ просилъ капитана Кеппеля принять мѣры для истребленія разбойничьихъ притоновъ , существовавшихъ по берегамъ всѣхъ большихъ рѣкъ острова , обѣщая содѣйствовать ему . Въ слѣдствіе этого была снаряжена сильная шлюбочная экспедиція , съ тою цѣлю , чтобы сдѣлать нападеніе на разбойничье поселеніе въ Саребусъ . Покуда она приготовлялась , командиръ фрегата , сопровождаемый Брукомъ и многими офицерами , сдѣлалъ поѣздку внутрь саравакскихъ владѣній . Путешественники были свидѣтелями одного дейакскаго праздника ; вотъ его описаніе , составленное Кеппелемъ .

«Всходъ на гору , хотя крутой , какъ отвѣсная стѣна , поразилъ насъ своимъ предестнымъ видомъ . Мѣстъ для отдыха было , къ несчастію , немного ; за то , когда намъ удавалось остановиться , прохладный , свѣжій вѣтерокъ , обширность и разнообразіе вида , представлявшагося намъ , вполне вознаграждали насъ за трудъ и усталость . По обѣимъ сторонамъ , пѣнясь и журча ,

падала чрезъ скалы чистая струя студеной воды. Во время всхода, однакожь, мы должны были обратить все наше вниманіе на собственную безопасность, потому что на гору надо было карабкаться по деревяннымъ лѣстницамъ, да и по какимъ лѣстницамъ! Онѣ состоятъ изъ ствола дерева въ первобытномъ его видѣ, съ зарубками, находящимися на такомъ разстояніи одна отъ другой, что приходится сгибать тѣло, пока колѣно сойдется съ подбородкомъ, прежде, чѣмъ успѣешь переставить ногу съ одной ступени на слѣдующую. Предоставляю вамъ судить о трудности этого воздушнаго пути.

Такимъ образомъ, мы поднялись на высоту около 500 футовъ; Дейаки приняли насъ въ одной изъ своихъ крутыхъ залъ-палатокъ, обвѣшанной кругомъ внутри сотнями человѣческихъ головъ, высушенныхъ, по большей части, и сохранившихъ кожу и волосы. Гдѣ нѣкогда сверкали глаза, помѣщены теперь небольшія раковины, а изъ ушей выглядываютъ кисти высушенной травы. Онѣ представляютъ отвратительный, страшный видъ.

Насъ окружили жители, и я замѣтилъ, что, какъ у просвѣщенныхъ народовъ, такъ и у этого полудикаго племени, любопытство преобладаетъ преимущественно въ нѣжномъ полѣ; также, что молодые люди были пышно одѣты, и украшаютъ свои особы перьями, ожерельями, браслетами, серьгами, куртками изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, и другими разными суетными убранствами, между тѣмъ, какъ старшіе, мудрѣйшіе вожди имѣли на себѣ только то, чего необходимо

требовала благопристойность, и, какъ было очевидно, пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Мы переходили изъ дома въ домъ, не причиняя ни малѣйшей тревоги; всюду принимали насъ ласково и привѣтливо, приглашая садиться на семейную цыновку.

На наше счастье, мы посѣтили этихъ Дейаковъ во время одного изъ ихъ празднествъ (называемаго маугуть); вечеромъ, въ разныхъ частяхъ деревни, происходила пляска, пѣніе и пированіе. Въ одномъ изъ домовъ давали большой праздникъ, на которомъ женщины плясали съ мужчинами. Одежда женщинъ проста и любопытна: она состоитъ изъ легкаго полукафтана и коротенькой, узенькой юбки, обвѣшанной небольшими кусками мѣди, которые звенѣли и стучали другъ о друга, такъ что женщины плясали подъ свою собственную музыку. Движенія, подобно всѣмъ народнымъ пляскамъ, были красивы, но однообразны. Въ пляскѣ принимали участіе четверо мужчинъ, изъ которыхъ двое несли человѣческіе черепа, а двое другихъ свѣжія свиныя головы; женщины несли восковыя свѣчи, или желтый рисъ на мѣдныхъ блюдахъ. Они плясали въ одну линію, подвигаясь то впередъ, то назадъ, и неся головы и блюда обѣими руками; красивѣйшая часть пляски состояла въ томъ, что они поворачивали тѣло въ полуоборотъ, сперва на право, потомъ на лѣво, держа въ то же время головы на противоположной сторонѣ, какъ бы боясь, чтобъ кто-нибудь не подошелъ сзади и не отнялъ ихъ отвратительнаго сокровища. По временамъ, женщины становились на колѣни вмѣстѣ, а мужчины наклонялись

надъ ними. Ожерелья женщинъ состояли большею частію изъ зубовъ: самыя обыкновенныя — медвѣжьи, человѣческіе цѣнятся несравненно выше.

Въ одномъ изъ домовъ, расположенныхъ у оконечности деревни, хранятся святыни этого племени. Онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ круглыхъ камней и двухъ оленьихъ головъ. Если племени суждено быть побѣжденнымъ на войнѣ, то камни чернѣютъ, а если ему побѣдить, то они принимаютъ красный цвѣтъ: тотъ, который дотронется до нихъ, непременно умретъ; потеря ихъ влечетъ за собою гибель всего племени.

Объ оленьихъ головахъ рассказываютъ вещи еще болѣе любопытныя: одинъ молодой Дейакъ увидѣлъ во снѣ ночью, что ему предназначено сдѣлаться великимъ воиномъ. На другой день, онъ замѣтилъ двухъ оленей, переплывавшихъ чрезъ рѣку, и убилъ ихъ; тотчасъ настала буря, съ громомъ и молніею, и небо покрылось мракомъ; онъ скончался, но снова ожилъ, и сдѣлался руша-гуна (въ буквальномъ смыслѣ, *ползнымъ домою*) и вождемъ своего племени; олени оба живутъ до сего времени и не перестаютъ имѣть надзоръ за дѣлами племени. Головы передаются изъ рода въ родъ съ тѣхъ поръ, какъ эти Дейаки стали племенемъ и населяютъ гору. Передъ ними всегда ставятъ пищу, возобновляя ее отъ времени до времени. Въ круглой залѣ, гдѣ висѣли человѣческія головы, находился молодой вождь, именемъ Мета, отвѣчавшій съ очевидною гордостію и удовольствіемъ на всѣ наши вопросы относительно разныхъ череповъ, которые мы снимали съ крючковъ: два изъ нихъ принадлежали вожд-

дямъ одного племени, оказавшаго отчаянное сопротивление, и были покрыты смертельными ранами. Въ числѣ прочихъ трофеевъ, мы видѣли и поль-черепа, разрубленнаго вдоль, промежъ глазъ, точно такъ, какъ разрубаютъ головы животныхъ, чтобъ изъ нихъ вынуть мозги. Раздвоенный такимъ образомъ черепъ принадлежалъ одной старухѣ и былъ взятъ при экспедиціи, совершенной санджескими Дейаками въ сообществѣ съ другимъ племенемъ, потребовавшемъ свою долю этого трофея. Нашъ провожатый находилъ, казалось, особенное удовольствіе въ разказѣ о тѣхъ головахъ, которыя были сняты съ плечъ ихъ неприятелей во время сна — лице его пылало и онъ говорилъ съ очевиднымъ восторгомъ. Они полагаютъ верхъ военнаго искусства въ удачномъ исполненіи хитрости.»

По окончаніи приготовленій, маленькій флотъ вступилъ подъ паруса. Экспедиція состояла изъ фрегатскаго барказа, двухъ катеровъ и гички, большой прау, принадлежавшей Бруку и вооруженной тяжелыми орудіями («Джолли-Бэтчелеръ»), и обширной лодки для помѣщенія съѣстныхъ припасовъ. При экспедиціи находился значительный отрядъ Дейаковъ и Малайцевъ. Европейская часть войска состояла изъ восьмидесяти человекъ, подъ начальствомъ старшаго лейтенанта (въ англійской морской службѣ этотъ офицеръ имѣетъ исключительное право принимать начальство при подобныхъ случаяхъ); а капитанъ Кенпель съ Брукомъ сопровождали экспедицію на гичкѣ перваго, чтобъ быть свидѣтелями потѣхи. На пути ихъ вверхъ по

рѣкѣ, они часто слышали крики и видѣли явные признаки жаркаго пріема, которымъ разбойники готовились встрѣтить ихъ. Достигнувъ города Падди, перваго укрѣпленнаго мѣста, на которое намѣревались сдѣлать нападеніе, они нашли, что непріятель принялъ самыя дѣйствительныя мѣры предосторожности.

«Находясь на гичкѣ нѣсколько впереди отряда, рассказываетъ капитанъ Кеппель, — я могъ видѣть все, что ни происходило. Зрѣлище было до крайности занимательное. Мы не имѣли времени ни медлить, ни обдумывать: приливъ увлекалъ насъ быстро вверхъ по рѣкѣ; и еслибъ мы тогда захотѣли вернуться назадъ, намъ было бы это не легко. При быстромъ поворотѣ рѣки, мы (подлѣ меня сидѣлъ Брукъ) очутились вдругъ противъ крутой горы, возвышавшейся прямо надъ берегомъ. Кустарникъ былъ весь съ нея срубленъ и на его мѣстѣ развѣвалась длинная, густая трава. Когда мы приблизились къ берегу, изъ засады вдругъ выскочило нѣсколько сотъ дикарей, испустившихъ одинъ изъ своихъ страшныхъ военныхъ криковъ. Въ первый разъ я слышалъ эти звуки, и признаюсь, что никогда сердце мое не билось такъ трусливо въ груди, какъ въ эту минуту; никакой залпъ, ни ружейный, ни пушечный не въ состояніи былъ произвести на меня подобнаго дѣйствія: но мнѣ нѣкогда было думать. Я успѣлъ только выстрѣлить по нимъ изъ моего двухствольнаго ружья, когда они бросились внизъ по крутизнѣ; но быстрота теченія увлекла насъ и я ихъ не видалъ болѣе. Вскорѣ послѣ я услышалъ шумъ

выстрѣла изъ тяжелаго орудія на нашей прау, дѣйствіе котораго убѣдило ихъ, что и мы приняли предосторожности противъ внезапнаго нападенія.

«На вершинѣ горы, на крышѣ длиннаго зданія многіе воины плясали военную пляску. Такъ какъ мы добирались не до нихъ самихъ, а до ихъ укрѣпленій, то мы и попотчивали ихъ только нѣсколькими выстрѣлами и помчались дальше.

«Вскорѣ встрѣтилось намъ препятствіе, которое привело насъ сначала въ крайнее изумленіе: поперегъ всей рѣки былъ устроенъ барьеръ, состоявшій изъ двухъ рядовъ деревьевъ, уставленныхъ твердо въ тинистое дно; вершины ихъ были сплетены на крестъ и перевязаны тростникомъ; а вдоль вилы, составленной такимъ образомъ вершинами этихъ свай, лежали другія деревья, твердо прикрѣпленныя къ первымъ. Приближаясь быстро къ этому барьеру, я замѣтилъ въ нихъ небольшое отверстіе, сквозь которое прошелъ бы, мнѣ казалось, челнокъ; давъ ходу, я направилъ носъ моей гички прямо въ него и пробрался. Тутъ глазамъ моимъ представилось новое зрѣлище: передо мною стояли три грозныя крѣпостцы, которыя, не теряя времени, открыли пушечный огонь по моей несчастной гичкѣ. Къ моему счастью, непріятель не рассчитывалъ на то, что я проберусь, и выстрѣлы пролетали поверхъ нашихъ головъ, потому что ихъ орудія были наведены на барьеръ. Теченіе несло меня на непріятеля. Берега рѣки были покрыты воинами, испускавшими ужасные крики и бросавшимися яростно въ воду, въ надеждѣ овладѣть моею гичкою и нами.

Насилу удалось мнѣ поворотить, и мы стали грести противъ прилива. Пріятель мой Брукъ сѣлъ теперь на руль, между тѣмъ, какъ я и боцманъ производили довольно меткій огонь по амбразурамъ, съ тою цѣлью, чтобъ воспрепятствовать непріятелю, если возможно, зарядить орудія снова и дать время барказу, нашему передовому судну, навести на нихъ свою двѣнадцати-фунтовую пушку. Къ несчастію, барказъ навалило приливомъ на барьеръ, и пока онъ находился въ этомъ положеніи, непріятельскіе выстрѣлы ранили на немъ трехъ человѣкъ. При помощи нѣкоторыхъ изъ туземныхъ союзниковъ, тростниковыя веревки, связывавшія вершины свай, были скоро перерѣзаны; и признаюсь, я былъ доволенъ, когда увидѣлъ одинъ изъ катеровъ возлѣ себя. Прочія суда вскорѣ послѣдовали за нимъ, и барказъ открылъ убійственный огонь по ближайшему укрѣпленію. Между тѣмъ, г. д'Эйтъ выскочилъ на берегъ съ своими людьми у подошвы возвышенности, на вершинѣ которой стояла ближайшая крѣпостца, и мигомъ бросился на верхъ. Этотъ образъ военныхъ дѣйствій показался непріятелю до того новымъ и непостижимымъ, что онъ ударился бѣжать въ кустарникъ, пораженный паническимъ страхомъ, и наши передовые едва успѣли произвести одинъ залпъ по бездѣльникамъ.

«Въ тотъ вечеръ вся окрестная страна была освѣщена на разстояніи многихъ миль пожаромъ столицы, Падди, и деревень, лежавшихъ по ея сосѣдству. Наши союзники показали удивительную дѣятельность и проворство при поджиганіи и разграбленіи этихъ мѣстъ.

«Близъ Падди рѣка раздѣляется на двѣ вѣтви: одна направляется направо, другая налево. Крѣпостцы были весьма удобно расположены на выдающемся мысѣ, составленномъ этими вѣтвями. Мы взяли всѣ ихъ пушки и сожгли укрѣпленія (построенныя изъ свай).

«Рѣка въ этомъ мѣстѣ была такъ узка, что челобѣкъ, стоявшій на одномъ берегу, могъ легко перебросить копье на противоположную сторону; кустарникъ къ тому же былъ близокъ, и потому надо было держать ухо востро. Въ теченіе почти всей ночи было свѣтло, какъ днемъ, отъ пылавшихъ домовъ. Вечеромъ доктора Симсонъ и Трійчеръ отняли одному бѣднягѣ руку у самага плеча,—операція, въ настоящемъ случаѣ, не легкая, потому что она происходила на одной изъ нашихъ шлюпокъ.

«На другой день (12-го іюня) рано утромъ, наши суда, за исключеніемъ Джолли-Бэтчелера, обращеннаго теперь въ госпиталь, пошли вверхъ по обоимъ рукавамъ рѣки; туземный союзный нашъ отрядъ почти весь остался на мѣстѣ для довершенія дѣла разрушенія.

«Сегодня чуть было не случилось несчастія. — До насъ дошелъ слухъ, будто бы въ рѣку вошло нѣсколько большихъ судовъ, принадлежавшихъ, какъ полагали, саребусскимъ разбойникамъ, возвратившимся теперь съ крейсерства. Я зналъ, что имъ не напасть на нашихъ, находившихся въ Болингѣ, и не пройти мимо ихъ безъ нашего вѣдома, и потому не обратилъ большого вниманія на это извѣстіе, намѣреваясь послѣ

на гичкѣ поѣхать посмотрѣть на нихъ. Мы завтракали на Джолли-Бэтчелерѣ, какъ вдругъ услышали шумъ многихъ голосовъ, сопровождаемый боемъ въ тамъ-тамы, и вдругъ изъ-за изгиба рѣки показалась большая прау, наполненная дикарями. Она быстро приближалась къ намъ, влекомая сильнымъ теченіемъ, а за нею показались и другія. Мы бросили тарелки и ложки, и схватились за оружіе — чуть было даже не выстрѣлили по нимъ картечью изъ мѣднаго шести-фунтоваго орудія; но Виллемсонъ, единственный человекъ, умѣвшій различать эти племена по наружности, сказалъ, что они принадлежатъ къ дружественному племени Дейаковъ, съ рѣки Линчи, и идутъ къ намъ на помощь или, что еще было вѣроятнѣе, пришли за добычею и за головами своихъ непріятелей, съ которыми уже нѣсколько лѣтъ ведутъ войну. Находившіеся на передовой прау могли, однакожь, счесть себя счастливыми. Я уже отдалъ было приказаніе стрѣлять; но, къ счастью, порохъ былъ сдутъ съ затравки орудія. Не будь этого, ихъ бы погибло по крайней мѣрѣ пятьдесятъ человекъ изъ восьми до девяти-сотъ. Ихъ военная одежды — у нихъ каждый облачаетъ себя, смотря по своему вкусу, въ такой костюмъ, который, по его мнѣнію, наилучше украситъ его особу, а вмѣстѣ съ тѣмъ наведетъ болѣе ужаса на врага — представляли занимательное зрѣлище. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ щитомъ и горстію копій, а одинъ изъ десяти былъ снабженъ какого-нибудь рода огнестрѣльнымъ оружіемъ, болѣе опаснымъ для самого и для его сосѣдней, чѣмъ

для врага. Они носили коротенькія стеганыя куртки, способныя отразить ударъ деревяннаго копья.

Мы немедленно снабдили каждого изъ этихъ новыхъ союзниковъ узенькою полоскою бѣлаго миткаля, для ношенія на головномъ уборѣ въ видѣ отличительнаго знака, съ тою цѣлю, чтобъ наши, встрѣтаясь съ ними въ кустарникѣ, не приняли ихъ за враговъ. Мы назначили также пароль «Дату», который многіе изъ нихъ, до крайности боявшіеся бѣлыхъ, не переставали повторять. Начальникъ ихъ войска, Сериффъ Джафферъ, обѣщалъ присоединиться къ намъ съ самаго начала; но такъ какъ мы ихъ не видѣли при входѣ нашемъ въ устье рѣки, то и перестали думать о нихъ. Я счелъ за нужное отправить своихъ вверхъ по рукавамъ рѣки, чтобъ увѣдомить наши суда о прибытіи этого подкрѣпленія; иначе они, вѣроятно, напали бы на него немедленно при первомъ его появленіи.

«Въ десять часовъ до полудня, наши шлюбки возвратились, достигнувъ почти до истока праваго рукава. Лѣвый рукавъ нашли загороженнымъ деревьями, срубленными на берегу, и, судя по этимъ препятствіямъ, оставленнымъ неприятелемъ на нашемъ пути, мы заключили, что онъ по этой дорогѣ отступалъ. Шлюбки потому такъ скоро вернулись назадъ, что было съѣстныхъ припасовъ на одинъ только день; запасшись снова, послѣ полудня, онѣ отправились, пользуясь приливомъ. Лейтенантъ Хортонъ принялъ начальство надъ этимъ отрядомъ, при которомъ находился Брукъ. вмѣстѣ съ нашими было человекъ сорокъ туземцевъ, такъ что весь отрядъ состоялъ

изъ восьмидесяти или девяноста человѣкъ; наши были всѣ народъ смѣлый и проворный, хорошо вооруженный и не такого десятка, чтобъ затрудняться пустыми препятствіями. Такъ какъ, впрочемъ, крѣпостцы были уже истреблены, то мы не ожидали другихъ препятствій, кромѣ срубленныхъ деревьевъ поперегъ рѣки. Многочисленность врага насъ не утрашала, хотя было до шести тысячъ человѣкъ Дейаковъ и до шестисотъ Малайцевъ.

«Вечеръ наступилъ дождливый и туманный. Наши союзники возвратились съ берега на свои суда, собираясь ужинать; передовыя суда часа полтора уже какъ были отправлены, и я только что сѣлъ за столъ на Джолли-Бэтчелерѣ, какъ вдругъ тишина ночи была прервана выстрѣломъ съ барказа изъ двѣнадцати-фунтовой пушки. Вслѣдъ за этимъ раздался военный крикъ, грянувшій, казалось, изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ разомъ. Мнѣ тотчасъ пришло на умъ, что нашихъ друзей окружили. Идти къ нимъ на помощь на Джолли-Бэтчелерѣ было невозможно, по величинѣ и тяжести этой прау, а оставить безъ защиты нашихъ раненыхъ также не хотѣлось мнѣ. Я вскочилъ на свою гичку и, осмотрѣвъ наше оружіе, нѣсколько потерпѣвшее отъ сырой погоды, отправился отыскивать сражавшихся.

«Сумерки наступили, что въ тропическихъ климатахъ случается немедленно послѣ заката солнца. Отливъ начался и намъ пришлось грести противъ теченія. На пути моемъ вверхъ по рѣкѣ, я замѣтилъ, что деревья во многихъ мѣстахъ нависли надъ водою, а въ дру-

гихъ почти встрѣчались на пути; въ то же время, безпрестанная перестрѣлка доказывала мнѣ, что непріятель бодрствуетъ, имѣя при томъ на своей сторонѣ преимуще-ства темноты и знанія мѣстности. Во время слѣдованія по извилистому пути, мы слышали что крики раздавались то впереди, то сзади насъ. Уже часа два отыскивали мы себѣ дорогу; ощупью, когда неожиданная, быстрая ружейная стрѣльба показала намъ, что мы приближаемся къ мѣсту сраженія; пройдя, въ то же время, мимо нѣсколькихъ большихъ судовъ, вытянутыхъ на берегъ, я убѣдился, что мое первое предположеніе было основательно, что нашихъ окружилъ непріятель, и что намъ прійдется подраться прежде, чѣмъ успѣемъ присоединиться другъ къ другу. Желая заставить непріятели подумать, что я подвожу сильное подкрѣпленіе, я подождалъ до прекращенія стрѣльбы, и тогда велѣлъ трубачу играть «Рори О'Моръ» (извѣстная пѣсня), на что наши отвѣчали троекратнымъ ура, за которымъ послѣдовала мертвая тишина, еще непріятнѣе, — если это возможно, — чѣмъ дикій военный крикъ непріятели; я все еще оставался увѣренъ въ томъ, что врагъ лежитъ гдѣ нибудь между нами.

«Рѣка текла здѣсь быстро по каменистому дну. На одномъ мѣстѣ, гдѣ кустарникъ, покрывавшій берегъ, былъ срубленъ, я различилъ образы людей, ясно отражавшіеся въ водѣ. Я положилъ свое двуствольное ружье къ себѣ на колѣни, и продолжалъ грести. Достигнувъ этого мѣста на разстояніе выстрѣла, я окликнулъ находившихся и, не получивъ отвѣта,

послѣ втораго оклика, выстрѣлилъ, приказавъ предварительно держать ружья на готовѣ для отраженія перваго нападенія, если непріятель не отступитъ. На мой выстрѣлъ голосъ лейтенанта Хортона отвѣчалъ: «Мы здѣсь, капитанъ». Сначала я сильно безпокоился, боясь, не ранилъ ли кого. Они не слышали моего оклика, заглушеннаго, вѣроятно, шумомъ теченія рѣки по камнямъ и не окликнули меня сами, полагая, что я знаю, что они тутъ, и не желая обратиться на себя вниманіе врага, сидѣвшаго въ окрестномъ кустарникѣ. Они избрали для себя весьма выгодную позицію. Быстрота теченія смыла часть берега на правой сторонѣ рѣки, образовавъ родъ глубокаго залива, въ которомъ судна наши помѣщались довольно удачно. Надъ берегомъ, возвышавшимся отвѣсно на этомъ мѣстѣ, они очистили отъ кустарника пространство сажень въ тридцать. Лейтенантъ Гённелъ занималъ этотъ родъ арьеръ-поста съ семью морскими солдатами. Позиція эта была весьма важная, а съ тѣмъ вмѣстѣ и опасная, ибо кустарникъ кипѣлъ непріятельскими воинами, безпрестанно пускавшими копьа въ нашихъ, хотя послѣдніе стрѣляли только тогда, когда разбойники показывались изъ своей засады.

«Дождь не переставалъ, и наши съ трудомъ сохраняли свои ружья отъ сырости; много разъ въ теченіи этой безконечной ночи я замѣчалъ, какъ они то поднесутъ приклады къ плечу, то опять опустятъ, не выстрѣливъ, не желая тратить пороха по пустому. Непріятель безпрестанно бросалъ изъ кустарника копьа, которыя, впрочемъ, не долетали до насъ. Такъ про-

шла вся ночь, какъ для насъ, такъ и для тѣхъ, которые, не находясь на шлюбкахъ, стерегли противоположный берегъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я узналъ теперь, что туземцы пришли въ большомъ числѣ къ берегу, чтобы оттуда сдѣлать нападеніе на наши шлюбки; и такъ какъ дно рѣки состояло здѣсь изъ твердаго песка и глубина была незначительна, то они могли подойти къ намъ въ бродъ, не входя въ воду выше колѣнъ, на разстояніе двухъ-трехъ сажень. При первомъ нападеніи они потеряли много людей, и полагаютъ, что безпрестанныя вылазки ихъ во время ночи были сдѣланы скорѣе съ тою цѣлю, чтобъ унести своихъ убитыхъ и раненыхъ, чѣмъ для того, чтобъ снова напасть на нашъ твердый маленькій отрядъ, котораго быстрая и меткая стрѣльба удивила ихъ, вѣроятно, не мало, и въ которомъ не было ни одного человѣка, не готоваго защищать свою жизнь до послѣдней капли крови.

«Во время ночи непріятель срубилъ большія деревья, росшія влѣво отъ нашей позиціи, на разстояніи отъ нея около ста сажень. Они работали при факелахъ, и г-нъ Партриджъ, офицеръ, командовавшій барказомъ, производилъ по нимъ непрерывную меткую стрѣльбу изъ тяжелаго орудія, которымъ это судно было вооружено. Къ утру ядро упало, по видимому, подлѣ того самаго мѣста, гдѣ они работали; вмѣстѣ съ тѣмъ перелетѣла къ нимъ обыкновенная сигнальная ракета, возбудившая въ нихъ, какъ мы въ послѣдствіи узнали, болѣе страха и ужаса, чѣмъ что нибудь

другое. Они тотчасъ очистили мѣсто. Послѣднимъ ядромъ, пущеннымъ съ барказа, убило троихъ.

«Когда стало разсвѣтать, я нашель, что большое число нашихъ, совершенно изнуренныхъ, сидѣло и, держа ружья между колѣнами, спало, не смотря на дождь. Не думаю, чтобы кто нибудь изъ нихъ позабыль эту ночь. Тяжело раненныхъ было у насъ только двое туземцевъ и одинъ морской солдатъ: послѣдній былъ раненъ въ грудь пулею, которая остановилась въ плечѣ. Одинъ смѣлый молодой офицеръ, именемъ Дженкинсъ, уже отличившійся во время войны съ Китаемъ, принялъ на себя отвезти этого бѣднягу на Джолли-Бэт-тчелеръ, и исполнилъ эту услугу на гичкѣ, взявъ съ собою изъ команды только четырехъ мальчиковъ. Онъ возвратился къ намъ до разсвѣта.

«Когда разсвѣло, мы увидѣли разбойниковъ, собравшихся въ довольно значительномъ числѣ, нѣсколько повыше насъ. Они начали было стрѣлять, какъ бы для того, чтобы испытать, далеко ли хватаютъ ихъ винтовки, но близко не подходили; имъ, кажется, не нравилась меткая стрѣльба нашихъ молодцовъ. Черезъ нѣсколько времени начался приливъ, и мы стали приготовляться продолжать путь далѣе, вверхъ по рѣкѣ. На это они и не разсчитывали, ибо мы приближались теперь къ тому мѣсту, куда они перевезли свои семейства, вмѣстѣ съ тѣмъ имуществомъ, которое имъ удалось спасти, когда мы такъ неожиданно взяли ихъ крѣпостцы и овладѣли городомъ; вскорѣ они послали внизъ по рѣкѣ лодку съ бѣлымъ знаменемъ, которая остановилась на срединѣ пути между ихъ позиці-

ею и нашею. Мы тотчасъ отправили безоружнаго Малайца на встрѣчу къ посламъ, и послѣ краткаго разговора, они явились къ намъ. Послы изъявили готовность согласиться на наши условія. Я обѣщаль прекратить непріязненные дѣйствія на два часа, но сказалъ имъ, что переговоры могу вести только съ начальниками, особы которыхъ будутъ неприкосновенны. Свиданіе я назначилъ въ часъ пополудни.

«Отпустивъ пословъ, я воспользовался свободнымъ временемъ и, отправившись по рѣкѣ вверхъ, пробрался безъ большого затрудненія чрезъ барьеръ, устройствомъ котораго они такъ дѣятельно занимались во время ночи. Извѣстіе о перемиріи вскорѣ распространилось всюду, и когда я достигъ того мѣста, гдѣ находился непріятель, меня встрѣтили съ совершенною довѣрчивостію. Берега немедленно покрылись туземцами, и человѣкъ семьдесятъ или восемьдесятъ изъ нихъ тотчасъ положили свои копья и подошли къ моей гичкѣ, которую, вмѣстѣ съ ея командою, стали разсматривать съ величайшимъ любопытствомъ.

«Въ знойное время дня мы насладились купаніемъ подъ тѣнію деревъ, нависшихъ надъ рѣкою. Дно состояло изъ мелкаго песка и камешковъ, округленныхъ быстротою теченія.

«Въ назначенный часъ появились начальники. Они были пышно одѣты, но черты ихъ выражали изнуреніе и грусть. Брукъ, «Туанъ Безаръ» или «великій человѣкъ» велъ переговоры съ нашей стороны.

«Онъ объяснилъ имъ подробно, что наше нашествіе на ихъ страну, опустошеніе ихъ города и истребленіе

крѣпостей имѣло цѣлю не грабежъ или собственную выгоду нашу, а наказаніе за ихъ непрерывные и непростительные разбой; онъ напомнилъ имъ, что за два года предъ тѣмъ ихъ предупреждали, что англійское правительство не станетъ долѣе терпѣть тѣхъ грабительствъ и жестокихъ кровопролитій, которыми они тревожили страну и наносили такой значительный вредъ туземной торговлѣ.

«Они отвѣчали скромно и униженно; сознавались, что заслуживаютъ смерти и, если мы приговоримъ ихъ къ казни, будутъ готовы умереть, хотя они объясняли, что не отказались бы еще пожить. Они обѣщали навсегда отречься отъ разбойничьей жизни и предлагали намъ заложниковъ.

«Брукъ сталъ тогда имъ объяснять, что торговля приносила бы имъ несравненно больше выгодъ, чѣмъ разбой, и пригласилъ ихъ на дальнѣйшее совѣщаніе въ Саравакъ, гдѣ они на дѣлѣ увидятъ всѣ благотельныя послѣдствія, проистекающія отъ того образа дѣйствій, которымъ онъ имъ совѣтовалъ руководствоваться. Если же, съ другой стороны, онъ узнаетъ достоверно, что они учинили хотя одинъ разбой, то снова сдѣлаетъ нашествіе на ихъ страну, и занявъ ее, напуститъ на нихъ все враждебное имъ племя ливса-скихъ Дейаковъ, пока тѣ не искоренятъ и не истребятъ ихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка.

«На нѣкоторые другіе вопросы они отвѣчали, что хотя имѣли сношенія съ обитателями поселеній Пакоо и Рембасъ, и даже часто ходили вмѣстѣ съ ними въ крейсерство, но все же не могли принять на себя

отвѣтственность за ихъ поведеніе, и что какъ тѣ и другіе занимаютъ сильно укрѣпленныя позиціи, то они полагаютъ, что тѣ не откажутся отъ морского разбоя, если ихъ не посѣтятъ и не подвергнуть такому же наказанію. Они также объявили, что хотя впредь никогда не станутъ повиноваться приказаніямъ великихъ и сильныхъ вождей, Серифовъ Сагиба и Муллера, однако и не станутъ принимать участія ни въ какой экспедиціи противъ ихъ, также противъ своихъ старинныхъ союзниковъ, ихъ грозныхъ и кровожадныхъ сосѣдей на рѣкѣ Сакарранѣ.»

Подобныя экспедиціи, съ подобнымъ же успѣхомъ, были предприняты противъ города Пакоо и Ренбаса и противъ сильнаго пирата Серифа Сагиба, много вредившаго Сараваку. «Когда мы возвратились изъ этой экспедиціи, говоритъ Кеппель, то нашли судно Самарангъ у устья рѣки Моротабы, и съ Брукомъ прогостили нѣсколько дней сряду у его капитана, сэра Эдуарда Бельчера. Въ теченіе этого времени, мы посѣтили всѣ островки, лежащіе въ окрестностяхъ, открыли огромныя количества устрицъ и застрѣлили множество дикихъ свиней. Въ послѣдствіи, сопровождаемые шлюбками Самаранга, мы посѣтили лундскихъ Дейаковъ, которыхъ наше прибытіе привело въ восторгъ. Они задали, въ нашу честь, богатый пиръ, при которомъ снова совершили всю послѣднюю экспедицію на словахъ, и проплясали военную пляску со вновь пріобрѣтенными головами сакарранскихъ разбойниковъ. Нѣсколько попозже вечеромъ, два старшихъ вождя встали съ своихъ мѣстъ, и, прохаживаясь взадъ и впередъ

по длинной галереѣ, вступили другъ съ другомъ въ разговоръ, имѣвшій, какъ они говорили, цѣлю извѣстить женщинъ, дѣтей и тѣхъ изъ воиновъ, которые по бѣдности были принуждены оставаться дома, о всѣхъ подробностяхъ экспедиціи. Разговоръ этотъ состоялъ изъ вопросовъ слѣдующаго рода: что случилось съ такими-то изъ знаменитѣйшихъ сакарранскихъ вождей? какимъ образомъ были они истреблены? какъ встрѣтили свою смерть? кѣмъ были убиты? и проч. На всѣ эти вопросы послѣдовали самые удовлетворительные отвѣты, въ которыхъ они подробно описывали свою собственную храбрость и неустрашимость бѣлыхъ. Во время этого представленія, старые вожди, надѣвъ чрезъ правое плечо родъ перевязи, у нижняго конца которой болталась голова убитаго врага, ходили тяжелыми шагами взадъ и впередъ, стуча по полу своими мечами, пока, наконецъ, не пришли въ сильное волненіе. Долго ли оно продолжалось, никто изъ насъ не знаетъ: всѣ мы до одного заснули во время разсказа.»

Возвращеніе Брука и Кеппеля въ Саравакъ было салютовано пушечною пальбою; жители были въ восторгѣ, и Брукъ съ Кеппелемъ посѣтили Мюда-Гассима и старика вождя Тумангонга. «Войдя къ нему въ главный покой, говоритъ Кеппель, мы сѣли въ полукругъ на полъ, устланный цыновками, и три жены стараго вождя, вмѣстѣ съ ихъ родственницами, подошли къ намъ съ привѣтствіемъ. Онѣ были красиво и богато одѣты, въ саронгахъ, и носили чрезъ одно плечо шелковые шарфы. Каждая изъ этихъ дамъ, взявъ пооче-

редно гореть желтаго риса; осыпала имъ насъ, приговаривая какія-то таинственныя слова и выхваляя наши геройскіе подвиги; послѣ этого осыпала наши головы золотымъ пескомъ. Двѣ изъ нихъ носили прекрасныя имена Инды и Амины. Инда была молода, хороша собою и граціозна; и хотя мужъ не имѣлъ отъ нея дѣтей, однакожь, полагали, что она имѣла гораздо больше вліянія на него, нежели обѣ прочія жены. Слухъ носился будто бы она своенравнаго характера, и что Тумангонга крѣпко ея боится; но это, впрочемъ, было, можетъ быть, одною саравакскою сплетнею. Она держала свою долю золотого песка въ кускѣ писчей бумаги, изъ котораго взяла щепотку, и наклонившись ко мнѣ, чтобъ осыпать ею мою голову, поставила ко мнѣ на руку свою крошечную ножку. Послѣ этого обряда, мы (воины) пиروвали и курили вмѣстѣ. Дамы прислуживали намъ.»

Упрочивъ свою власть на твердомъ основаніи въ Саравакѣ и устроивъ кой какой порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ своихъ владѣній, Брукъ обратилъ свое вниманіе на то, что можетъ быть названо внѣшними политическими отношеніями. Онъ имѣлъ въ виду три весьма важныя цѣли, отъ достиженія которыхъ зависѣла безопасность его подданныхъ и удача его предположеній: — 1) Ему необходимо было исходатайствовать себѣ одобреніе и содѣйствіе англійскихъ властей на тѣхъ моряхъ, безъ чего все его мѣры могли остаться недѣйствительными, или, во всякомъ случаѣ, не принести прочнаго плода. 2) Ему должно было поставить себя на такую степень, чтобъ устрашить разбой-

ничьи племена и вождей борнейских береговъ, для сохраненія своихъ подданныхъ отъ ихъ набѣговъ, и наказать ихъ въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій съ ихъ стороны: этой цѣли нельзя было достигъ безъ содѣйствія его соотечественниковъ. 3) Надо было постараться приобрести вліяніе на султана Омара-Али, помощію котораго онъ могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ разбойничью партію, существовавшую въ столицѣ, и употребить власть его на пользу и защиту торговли и просвѣщенія. Въ надеждѣ достигъ послѣдней цѣли, Брукъ примирилъ съ Омаромъ-Али Мюда-Гассима и Будрудеена, и возвратилъ прежнюю власть этимъ принцамъ царской крови, преданнымъ ему и союзу съ Англіею. Послѣ этого событія, оба принца оставались вѣрны своимъ обѣщаніямъ, не смотря на всѣ старанія противной партіи подкупить, или угрозами утратить ихъ.

Мюда-Гассимъ принялъ титулъ мюда, или молодого султана, по приказанію Омара-Али, назначившаго его наслѣдникомъ престола. Повидимому, онъ находился въ большой милости у султана. Вдругъ однажды, среди ночи, убійцы, имѣвшіе при себѣ письменное повелѣніе султана, за царскою печатію, напали на дома Мюда-Гассима и Будрудеена и тѣхъ значительныхъ людей, которые были извѣстны своею преданностію англійскому правительству и содѣйствіемъ, оказываемымъ ему для искорененія морского разбоя. Въ теченіе нѣкотораго времени, Будрудеенъ мужественно сражался впереди всѣхъ; но, застигнутый совершенно въ располхъ, окруженный безчисленными врагами и тяжело

раненный, онъ, наконецъ, отступилъ, и, удалившись чрезъ женскіе покои, спасся въ отдаленную часть строенія, въ сопровожденіи своей сестры и другой молодой женщины, которымъ теперь было уже извѣстно, по крикамъ и восклицаніямъ черви, что нападеніе на Будрудеена совершается по повелѣнію его дяди, султана, которому онъ такъ долго и вѣрно служилъ. Тогда Будрудеенъ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ, Джафару, раскупорить боченокъ съ порохомъ, стоявшій посреди комнаты. Онъ немедленно исполнилъ это приказаніе и ждалъ дальнѣйшихъ повелѣній своего господина. Панджеранъ Будрудеенъ снялъ тогда съ пальца перстень, и, подозвавъ къ себѣ Джаффара, поручилъ ему, — давъ послѣднее наставленіе: бѣжать, безъ потери времени, къ морю, — если удастся достигнуть Саравака, то вручить перстень его другу Бруку, котораго просилъ не позабыть о немъ, и представить его дѣло на судъ англійской королевы. Лишь только Джаффаръ вышелъ изъ дома, панджеранъ Будрудеенъ поджегъ порохъ, и, вмѣстѣ съ обѣими женщинами, взлетѣлъ на воздухъ.

Мюда-Гассимъ погибъ также отъ своей руки. Сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ окружили домъ его, подожгли его во многихъ мѣстахъ и произвели общее нападеніе. Въ суматохѣ Мюда-Гассимъ успѣлъ спастись на ту сторону рѣки, съ нѣкоторыми изъ своихъ братьевъ, съ женою и дѣтьми, и, защищаемый горстію людей, собранныхъ имъ поспѣшно, нѣсколько времени отражалъ нападеніе врага. Одолѣваемый, наконецъ, многочисленностію своихъ непріятелей, онъ принуж-

день былъ отступить, потерявъ всё свои орудія, порохъ и имущество, и попался во власть своихъ противниковъ. Нѣкоторые изъ его братьевъ уже были застрѣлены, другіе тяжело ранены, и послѣдняя надежда оставалась на милосердіе султана, къ которому онъ отправилъ нарочныхъ просить о пощадѣ. Получивъ рѣшительный отказъ, и видя свою гибель неизбежною, онъ отступилъ на судно, случившееся у берега рѣки, и, поставивъ боченокъ пороха въ каюту, призвалъ тута оставшихся братьевъ и сыновей своихъ и взлетѣлъ съ ними вмѣстѣ на воздухъ. Взрывъ, однакожь, не убилъ Мюда-Гассима: но, не желая попасться живымъ въ руки врага, онъ разбилъ себѣ черепъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Джафферъ, слуга Будрудеена, съ неимовѣрнымъ трудомъ спасся, и въ теченіе нѣсколькихъ дней скрывался въ разныхъ частяхъ столицы: наконецъ, убѣжище его было открыто, и его привели къ султану, который, замѣтивъ перстень у него на рукѣ, отнялъ его, и выгналъ его самого изъ своего присутствія. Послѣ этого, Джафферъ нашель себѣ убѣжище у панджерана Мюда-Мухаимеда, брата Мюда-Гассима, который, получивъ нѣсколько опасныхъ ранъ, успѣлъ спасти свою жизнь бѣгствомъ, и былъ окончательно взятъ подъ защиту султана, его дяди. Султанъ открыто объявилъ, что онъ убилъ раджу Мюда-Гассима и прочихъ членовъ его фамиліи за то, что они были преданы Англичанамъ и намѣривались поступать сообразно съ условіями, заключенными ими съ послѣдними, и содѣйствовать къ искорененію разбоя. Онъ сталъ также строить крѣпостцы, и не скры-

валъ своего намѣренія отражать силою всякое покушеніе приблизиться къ столицѣ. По прибытіи англійскаго корабля Хэззардъ, онъ отправилъ внизъ по рѣкѣ на суднѣ подъ флагомъ Мюда-Гассима двухъ панджерановъ, подъ видомъ дружбы, но именно для того, чтобъ пригласить капитана на берегъ, и тамъ убить его. Народъ открыто говорилъ на улицахъ столицы и на базарахъ о своемъ намѣреніи вырѣзать команду всякаго купеческаго судна, которое появится на ихъ берегахъ. Султанъ отправилъ также къ панджерану Макотѣ человека съ повелѣніемъ, за его собственною подписью, убить измѣною или отравить ядомъ Брука; а въ томъ случаѣ, когда ему не удастся исполнить этого приказанія, возмутить народъ въ Саравакѣ и выгнать его изъ страны.

Печаль, гнѣвъ и негодованіе, съ которыми саравакскій раджа принялъ эти извѣстія объ убійствѣ его друзей, — убитыхъ за то собственно, что были его друзьями, — легко можно себѣ представить. Настало время для принятія рѣшительныхъ мѣръ, насталъ переломъ въ состояніи дѣла Брука. Слухъ объ убійствѣ, о грозномъ ударѣ, нанесенномъ англійской власти, и о личной опасности Брука распространился съ быстротою мысли по всѣмъ англійскимъ портамъ на востокѣ. Офицеры капитана Менде одѣвались на балъ въ Калькуттѣ, когда свѣдѣнія дошли до «столицы дворцовъ»; немедленно велѣно было всѣмъ собраться на судно, и лишь только капитанъ убѣдился въ справедливости слуха, то пароходъ «Изида» отправился уже внизъ по рѣкѣ Гугли.

Главнокомандующій самъ лично отправился на мѣсто дѣйствій. Небольшой, но достаточно сильный флотъ былъ отправленъ въ Саравакъ, съ наставленіемъ взять Брука на одно изъ судовъ, для собственной его безопасности, и сдѣлать нападеніе на нѣкоторые пункты. Этотъ отрядъ вскорѣ вошелъ въ рѣку, ведущую въ столицу, которую нашелъ удивительно хорошо укрѣпленною. Когда суда стали подыматься вверхъ по рѣкѣ — идя медленно по извилистому, опасному фарватеру — то по нимъ открыли жестокой огонь изъ двухъ весьма удачно расположенныхъ баттарей: но послѣ четверти часовой канонады съ брига, канонерскія лодки были отправлены взять приступомъ высоты, на которыхъ онѣ стояли. Это порученіе было живо исполнено, потому что канонада была произведена такъ удачно, что нападавшимъ оставалось только войти въ укрѣпленія чрезъ незащищаемыя амбразуры. Непріятельскіе артиллеристы отступили въ кустарникъ, и матросы успѣли только произвести по нимъ нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Больше и не было почти никакой драки. Султанъ съ своимъ охраннымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пяти-сотъ воиновъ, отступилъ въ сильной позиціи, расположенной верстъ за тридцать, внутри страны — куда не проникалъ еще ни одинъ Европеецъ, и которую жители считали неприступною. За нимъ, впрочемъ, отправили въ погоню сильный отрядъ, прибывшій, послѣ неимовѣрныхъ трудностей, къ укрѣпленной позиціи, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ она была покинута бѣглецами, не успѣвшими захватить мѣдныя пушки, которыми она

была вооружена. Послѣ этого крѣпостцу сожгли до основанія. Эти рѣшительныя мѣры образумили Омара-Али. Онъ убѣдился въ томъ, что во внутренность его владѣній можно проникнуть, и что можно даже взять самого султана въ плѣнъ. Этого-то и хотѣлось Бруку. Побѣдители, лишивъ теперь Омара-Али возможности болѣе вредить имъ, не стали его преслѣдовать, а дозволили ему возвратиться въ свою столицу съ тѣмъ, чтобъ онъ наказалъ виновныхъ панджерановъ, прекратилъ морской разбой между своими подданными, и, вообще, исполнилъ свои обѣщанія. Онъ возвратился съ присмирѣвшимъ духомъ; а въ послѣдствіи, въ 1846 году, отдалъ Англичанамъ островъ Лабуанъ, расположенный у входа въ рѣку Бруне, въ разстояніи сорока миль отъ столицы, для основанія тамъ приморскаго и торговаго поселенія. Изъ этой позиціи Англичанамъ легко держать въ страхѣ разбойничью партію, такъ какъ никакое вооруженное судно не можетъ отправиться изъ столицы въ море безъ вѣдома живущихъ на островѣ Лабуанѣ. Теперь Англичане прочнымъ образомъ утвердились въ Лабуанѣ, гдѣ основана колонія, а Брукъ все еще управляетъ Саравакомъ. Благодаря его стараніямъ, жители сѣверо-западнаго берега Борнео совершенно оставили свое свирѣпое морское разбойничество, начинаютъ принимать христіанство, просвѣщаться и заниматься торговлей. Такъ, мало по малу, исполнились благодѣтельныя намѣренія великодушнаго и благоразумнаго англичанина.

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

(Окончаніе.)

IV.

Семилѣтняя война. — Начало ея. — Ходъ войны до 1760 года. — Неудачи Фридриха.

Марія Терезія не могла забыть потери Саксоніи, да и другимъ державамъ непріятно было возраставшее величіе Пруссіи; особенно недовѣрчиво смотрѣла на ея возвышеніе императрица Елисавета Петровна. Саксонскій министръ Брюль успѣлъ поддержать и усилить ненависть обѣихъ государынь къ Фридриху. Уже въ 1746 году между Россіей и Австріей былъ заключенъ союзъ, по которому Россія обязывалась помогать Маріи Терезіи къ возвращенію Силезіи въ томъ случаѣ, если Фридрихъ нарушитъ Дрезденскій миръ, объявивъ войну Россіи, Австріи, Польшѣ и Саксоніи (двѣ послѣднія находились подъ властью Августа III). Секретарь дрезденскаго кабинета, подкупленный прусскимъ королемъ, далъ знать Фридриху о замыслахъ враговъ. И такъ какъ въ то время англійскій король Георгъ II

заклучилъ союзъ съ Пруссіей, то Марія Терезія искала союза съ Франціей, гдѣ царствовалъ тогда Людовикъ XV. Ей стоило многихъ хлопотъ и усилій, чтобы устроить это дѣло, наконецъ союзъ былъ заключенъ въ Версали.

Между тѣмъ Австрія и Россія стали уже готовить огромныя силы войскъ; Фридрихъ не сомнѣвался, что военная гроза скоро разразится надъ нимъ. Поэтому онъ рѣшился начать войну прежде, чѣмъ его враги окончатъ свои приготовленія. Онъ сталъ принуждать Августа III заключить съ нимъ союзъ; но Августъ, рассчитывавшій на помощь Австріи, отказалъ Фридриху, и Пруссаки, въ числѣ 60000, заняли Саксонію и самый Дрезденъ. Главною цѣлью Фридриха было овладѣть государственнымъ саксонскимъ архивомъ; тамъ хранились бумаги, которыя могли доказать, что противъ Фридриха составлялись грозныя тайныя союзы, и оправдать его въ началіи войны. Августа въ то время не было въ Дрезденѣ; его супруга, которая не хуже Фридриха понимала важность бумагъ, велѣла ихъ собрать и спрятала ихъ у себя въ спальнѣ; она уже собиралась отослать ихъ въ Варшаву, какъ вдругъ явился прусскій офицеръ. Въ надеждѣ, что онъ не осмѣлится оскорбить ее, женщину, королеву, дочь императора и тещу французскаго наслѣднаго принца, она стала передъ ящикомъ съ бумагами и наконецъ сѣла на него. Но всякое сопротивленіе было напрасно. Королева отдала бумаги посланному, и Фридрихъ велѣлъ немедленно напечатать важнѣйшіе документы о тайныхъ переговорахъ и намѣреніяхъ Австріи и Саксоніи на счетъ

Пруссіи. Теперь стало ясно, что король прусскій былъ обиженъ и начатиемъ войны старался только предотвратить гибель, которая была ему подготовлена.

Между тѣмъ, саксонское войско, въ числѣ 17000, заняли крѣпкую позицію между Пирной и Кенигсштейномъ. Въ этой неприступной позиціи Фридрихъ долженъ былъ ихъ осаждать, какъ въ крѣпости, въ теченіи четырехъ недѣль. Онъ надѣялся взять ихъ голодомъ, если только Австрійцамъ не удастся освободить своихъ союзниковъ. Уже фельдмаршалъ Броунъ, съ сильною австрійскою арміею приближался къ Пирнѣ; чтобъ уничтожить его планъ, Фридрихъ оставилъ свое осадное войско и поспѣшилъ въ Богемію. При городкѣ Ловозицѣ встрѣтились обѣ арміи. Гористое мѣстоположеніе затрудняло дѣйствія австрійскаго войска. Утромъ часовъ въ семь началась пушечная пальба, но густой туманъ, разсѣявшійся только въ полдень, мѣшалъ дѣйствіямъ обоихъ полководцевъ. Сраженіе началось только въ три часа по полудни. Отличный маневръ предводителя Пруссаковъ герцога Бевернскаго, принявшаго въ штыки непріятеля лѣвымъ своимъ крыломъ, рѣшилъ сраженіе въ пользу Пруссаковъ. Но король радовался этой побѣдѣ только въ половину. — Броунъ былъ еще несовсѣмъ разбитъ и все таки еще сильнѣе Фридриха. На полѣ битвы лежало болѣе прусскихъ нежели австрійскихъ труповъ. Непритель защищался умно и храбро; Фридрихъ видѣлъ, что передъ нимъ уже не тѣ Австрійцы, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ Силезскія войны. Но и войска Фридриха заслуживали удивленія по своему порядку, присутствію

духа и храбрости. «Я теперь знаю, что могутъ сдѣлать мои войска», сказалъ тогда Фридрихъ въ одномъ изъ манифестовъ; и въ письмѣ къ фельдмаршалу Шверину онъ говорилъ: «никогда еще войска мои, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь ими командовать, не оказывали такихъ чудесъ храбрости». Такой похвалою чувство чести было сильно возбуждено въ прусскихъ войскахъ.

Послѣ этой побѣды Саксонцамъ, измученнымъ голодомъ и холодомъ, которымъ неудалось и пробиться сквозь прусскія войска, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ положить оружіе. Они и сдались въ числѣ 14000. Офицеровъ отпустили, взявъ честное слово не сражаться противъ Пруссіи; солдатъ, по общему тогдашнему обычаю, принудили вступить въ прусскую службу; но при первомъ удобномъ случаѣ, цѣлыя полки Саксонцевъ, вѣрные своему королю, бѣжали въ Польшу.

Въ слѣдующемъ 1757 году противъ Фридриха поднялась половина Европы. Франція смотрѣла на вторженіе Фридриха въ Саксонію, какъ на нарушеніе условій Вестфальскаго міра, и считала себя въ правѣ принять участіе въ войнѣ противъ Пруссіи; кромѣ того она сумѣла возстановить противъ Фридриха и Швецію. Россія выставила 100000 армію, союзные Австріи князя Нѣмецкой имперіи — 60000; многочисленныя войска стремились изъ австрійскихъ владѣній. Фридрихъ видѣлъ, что въ эту войну ему придется сражаться противъ 500000 войска, которому, напрягая всѣ свои силы, онъ могъ противопоставить

только 200000. Враги его замышляли низвести его до титула курфирста и оставить ему только маркграфство Бранденбургское. Союзниками Фридриха были только ландграфъ Гессенъ-Касельскій и герцоги Брауншвейгскій и Готскій, которымъ онъ предоставилъ отражать французовъ. Противъ русскихъ онъ могъ отрядить только 14000, подъ предводительствомъ Левальда, а противъ Шведовъ всего 4000.

Пруссаки вступили въ Богемію четырьмя отрядами, вытѣснили Австрійцевъ изъ всѣхъ пунктовъ, наконецъ всѣ отряды соединились при Прагѣ. Фридрихъ хотѣлъ поразить непріятели быстрымъ натискомъ. Напрасно опытный Шверинъ совѣтовалъ королю сперва ознакомиться съ мѣстностью и дать отдохнуть измученному войску. Фридрихъ настаивалъ на немедленное нападеніе и говорилъ: «вздоръ, вздоръ, мы сего дня же должны сдѣлать нападеніе. Свѣжія рыбы — хорошія рыбы!» Шверинъ, какъ бы предупрежденный зломъ предчувствіемъ, надвинулъ шляпу на глаза и запальчиво отвѣтилъ: «ну, если ужь непременно нужно сегодня драться, такъ я сейчасъ атакую непріятели тамъ, гдѣ его увижу!»

Король начертилъ планъ сраженія, и войска выстроились. Уже на походѣ оказалось, что болотистая и гористая мѣстность представляла неожиданныя препятствія. Притомъ отлично поставленныя непріятельскія батареи встрѣтили пруссаковъ такимъ страшнымъ огнемъ, что они ложились рядами, и нападеніе съ ихъ стороны было уже невозможно. Храбрый генералъ Цитенъ едва могъ вести свои всегда столь хра-

брыя войска. Человѣческая храбрость была безсильна противъ пушекъ. Лучшіе полки уже не существовали, задніе ряды лѣзли по трупамъ своихъ товарищей и въ свою очередь ложились на полѣ битвы. Наконецъ войска смутились: никто не хотѣлъ идти впередъ. Тогда семидесятилѣтній Шверинъ вырвалъ знамя изъ рукъ бѣгущаго знаменщика и, съ крикомъ: «сюда дѣти!» повелъ войска противъ губительныхъ орудій. Въ самомъ пылу сраженія, подъ четырьмя картечными выстрѣлами онъ погибъ, держа въ рукахъ знамя съ изображеніемъ чернаго орла на серебряномъ полѣ. Генераль Мантейфель поднялъ знамя и повелъ дальше по кровавому пути воодушевленныхъ воиновъ. Принцъ Генрихъ соскочилъ съ лошади, пѣшкомъ повелъ свою бригаду на врага, и взялъ батарею. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій смялъ лѣвое крыло Австрійцевъ и гонялъ его съ горы на гору. Побѣда долго казалась невозможною, но когда фельдмаршалъ Броунъ былъ смертельно раненъ и отнесенъ за фронтъ, въ австрійскомъ войскѣ распространились страхъ и смятеніе. Тогда Фридрихъ прорвалъ центръ непріятеля и тѣмъ рѣшилъ сраженіе. Часть разбитаго войска бросилась въ Прагу. Но и прусское войско было тоже очень ослаблено: 16000 человекъ выбыли изъ строя убитыми и ранеными. Фридрихъ обложилъ Прагу и началъ ее бомбардировать.

Пять недѣль король осаждалъ Прагу, но не видя успѣха, рѣшился идти противъ австрійскаго генерала Дауна, въ томъ убѣжденіи, что побѣда надъ нимъ поведетъ за собой сдачу Праги.

Нетерпѣніе разстроило Фридриха и онъ былъ сердитъ на лучшихъ своихъ генераловъ. Король начертилъ отличный планъ сраженія. Сначала все шло хорошо, но вдругъ Фридрихъ отступилъ отъ начертаннаго плана, а также и нѣкоторые генералы стали дѣйствовать не по даннымъ приказаніямъ. Непрiятельскія пушки произвели значительный ущербъ въ лѣвомъ крылѣ прусской пѣхоты. Тогда четыре саксонскіе полка врубились въ это лѣвое крыло и начали бить Пруссаковъ, не давая никому пощады. Остатки лѣваго крыла, бросивъ орудія, бѣжали къ правому крылу. Доведенный почти до отчаянія, Фридрихъ собралъ человекъ сорокъ бѣгущихъ и съ музыкой повелъ ихъ на непрiятельскую батарею; но австрiйскія ядра настигли и этихъ немногихъ. Онъ какъ будто бы этого не зналъ и все-таки ѣхалъ дальше. Наконецъ какой-то маіоръ спросилъ его: «Ваше Величество, неужели Вы хотите одни взять батарею?» Не отвѣчая ему ни слова, король остановился, оглянулся, посмотрѣлъ на батарею въ подзорную трубу и медленно поѣхалъ на правое крыло.

Пруссаки отступили къ Нимбургу, куда король уже прискакалъ во весь опоръ. На дорогѣ къ Нимбургу, онъ долженъ былъ на минуту остановиться, чтобъ напоить измученныхъ коней. Старый, окровавленный кавалеристъ принесъ ему напитокъ изъ ведра, въ которомъ поили лошадей, и сказалъ: «напейтесь-ка, Ваше Величество; пусть сраженіе будетъ сраженіемъ: хорошо, что Вы живы; Господь Богъ силенъ, такъ Онъ вѣрно даруетъ намъ побѣду.»

Въ этомъ сраженіи 30000 Пруссаковъ сражалось съ 60000 Австрійцевъ. Пруссаки потеряли 13000 человекъ, 45 пушекъ и изъ прекраснаго лейбъ-полка осталось только 250 человекъ. Вечеромъ, въ день битвы, король сидѣлъ въ Нимбургѣ на колодезномъ срубѣ, погруженный въ грустное раздумье и чертя палкой по песку. Наконецъ онъ всталъ и съ принужденной веселостью сталъ давать приказанія. Увидѣвъ остатки любезной своей гвардіи, Фридрихъ прослезился. «Дѣти, сказалъ онъ, сегодня былъ день тяжелый для васъ.» «Къ сожалѣнію, отвѣчали они, нами плохо сегодня распорядились.» «Ну, потерпите немножко, продолжалъ Фридрихъ, ужь я это все поправлю.» Такъ высказывалось въ прусскомъ войскѣ неудовольствіе на короля.

Фридрихъ принужденъ былъ снять осаду Праги. Несчастіе шло къ нему со всѣхъ сторонъ, Русскіе вторглись въ Пруссію и производили тамъ страшныя опустошенія. Французская армія, подъ предводительствомъ генерала д'Этре, разбила въ западной Германіи Англичанъ, подъ начальствомъ герцога Кумберлендскаго. Другая французская армія, подъ командою маршала Субиза, вторглась въ Тюрингію; Русскіе побили прусскаго фельдмаршала Левальда при Гроссегерсдорфѣ, въ восточной Пруссіи.

Всѣ эти несчастія запали глубоко въ сердце Фридриха. Щеки его впали, весь онъ такъ исхудалъ, что, возвращаясь изъ Богеміи, при проѣздѣ черезъ Лейпцигъ, едва былъ узнанъ народомъ. Сонъ его былъ безпокоенъ, часто невольныя слезы выступали на гла-

захъ; къ довершенію всѣхъ бѣдствій, онъ въ то же время потерялъ свою мать. Но какъ не велики были его горести и бѣдствія Пруссіи, онъ рѣшился не отдаваться живымъ въ руки побѣдителей и никогда не заключать мира, унижительнаго для королевства.

Войско Субиза должно было вытѣснить Пруссакъ изъ Саксоніи. Съ 8000 солдатъ Субизъ взялъ Готу и расположился ужинать въ герцогскомъ замкѣ со своими офицерами, какъ вдругъ храбрый прусскій генераль Зейдлицъ напалъ на него съ 1800 Пруссаками, обратилъ французовъ въ бѣгство и занялъ съ своей свитой мѣсто Субиза за столомъ въ герцогскомъ замкѣ. При этомъ Пруссаки взяли въ плѣнъ не солдатъ, но множество парикмахеровъ, актеровъ, поваровъ и камердинеровъ, захватили много ящиковъ съ пудръ-мантелями, шлафроками, зонтиками, духами, помадою и т. п. Такая роскошь царствовала при французскомъ войскѣ.

Соединившись съ войскомъ нѣмецкихъ князей, Субизъ имѣлъ подъ командой до 60000 человекъ и двинулся въ Саксонію. Фридрихъ съ 22000 поспѣшилъ ему на встрѣчу и расположился укрѣпленнымъ лагерьмъ при деревнѣ Росбахѣ, не вдалекѣ отъ Лейпцига. Французамъ показалось легко окружить этотъ небольшой отрядъ Пруссаковъ, и притомъ еще такъ, что самъ король не будетъ имѣть возможности уйти. Когда Французы пошли къ Пруссакамъ въ обходъ, Фридрихъ преспокойно остался въ палаткѣ и сѣлъ обѣдать, при веселыхъ звукахъ идущихъ въ обходъ Французовъ. Французы, не знакомые еще съ быстро-

той прусскихъ движеній, изумились такой безпечности. Только въ два часа отданъ былъ королемъ приказъ снять палатки, черезъ нѣсколько времени все войско было подъ ружьемъ.

Внезапно горы огласились громомъ прусскихъ батарей, принцъ Генрихъ, братъ Фридриха, напалъ на лѣвое крыло французской пѣхоты; а Зейдлицъ, герой этого дня, съ своей кавалеріей обратилъ въ бѣгство французскую конницу и затѣмъ напалъ въ тылъ пѣхотѣ. Между непріятелями обнаружилось смятеніе. Войско нѣмецкихъ князей, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, бѣжало, французы же держались часа полтора. Перестрѣлка пѣхоты длилась какихъ нибудь полчаса. Благодаря наступившей темнотѣ, французы спаслись отъ конечнаго пораженія. На слѣдующій день Пруссаки взяли еще 7000 плѣнныхъ; остальные бѣжали до самого Рейна. Кромѣ того Пруссакамъ досталось 63 пушки и 22 знамени и штандарты. Эта веселая побѣда стоила имъ только 91 убитыхъ и 271 раненыхъ (*). Вся Германія торжествовала побѣду прусскаго короля надъ иностраннымъ войскомъ.

Фридрихъ пошелъ съ арміею въ Силезію, гдѣ

(*) Главная честь этой побѣды принадлежитъ генералу Зейдлицу. Фридрихъ очень уважалъ его и часто былъ къ нему снисходителенъ. Такъ однажды на маневрахъ король сказалъ ему: любезный Зейдлицъ, я полагаю, что вашъ полкъ лучше сидитъ въ стременахъ, чѣмъ вся остальная моя кавалерія — Ваше Величество, отвѣчалъ Зейдлицъ, онъ сидитъ въ стременахъ также, какъ сидѣлъ при Росбахѣ.

его присутствіе было необходимо. Генераль Винтерфельдъ, любимецъ короля, былъ разбитъ и палъ на полѣ битвы, крѣпость Швейдницъ сдалась австрійцамъ; войско герцога Бевернскаго было побѣждено втрое сильнѣйшимъ непріателемъ. Наконецъ Бреславль былъ занятъ непріателемъ. Соединившись съ остатками войска герцога Бевернскаго, онъ имѣлъ подѣ командой всего 28000. Прибытіе Фридриха не страшило Австрійцевъ, потому что они были втрое сильнѣе его и называли его маленькій отрядъ берлинскимъ карауломъ. Фридрихъ понималъ, что для удержанія Силезіи подѣ своею властію слѣдовало въ этотъ же походъ вытѣснить изъ его непріателя.

Вслѣдствіе этого король рѣшился, какъ ни смѣлъ былъ подобный планъ, сражаться съ австрійцами на жизнь или на смерть. Онъ собралъ своихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ и сказалъ имъ слѣдующее: «я долженъ рѣшиться на этотъ шагъ, иначе все погибло; мы должны или побѣдить или умереть. Такъ я думаю, такъ и поступлю. Извѣстите объ этомъ рѣшеніи всѣхъ офицеровъ. Приготовьте людей къ скорому выступленію и скажите имъ, что я считаю себя въ правѣ требовать отъ нихъ безусловнаго послушанія. Если они считаютъ себя Пруссаками, такъ пусть покажутъ сегодня, что достойны этого имени. Если же между ними найдутся такіе, которые побоятся раздѣлить со мной опасность, то тѣ могутъ получить отставку сейчасъ же, безъ малѣйшаго упрека съ моей стороны.» Геройскій отвѣтъ на эту рѣчь былъ ясно отпечатанъ на лицѣ слушателей. Прежде, чѣмъ офицеры разошлись,

Фридрихъ строго прибавилъ: «тотъ кавалерійскій полкъ, который не тотчасъ врубится въ непріятеля послѣ команды, я сейчасъ послѣ сраженія сниму съ лошадей и отправлю куда нибудь гарнизономъ. Тотъ батальонъ, который станетъ, — лишится знамени и шпагъ, и послѣ сраженія я обрѣжу ему обшлага на мундирахъ. И такъ будьте здоровы, господа; или мы скоро побьемъ непріятеля или больше никогда не увидимся.»

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе. Войско съ нетерпѣніемъ ожидало сигнала къ нападенію. Тѣ, которые участвовали въ Росбахской битвѣ, рассказывали о своихъ подвигахъ не участвовавшимъ въ ней, и всѣ были воодушевлены единственно лицезрѣніемъ своего предводителя, потому что ни одинъ полководецъ не имѣлъ такого довѣрія въ войскѣ, какъ Фридрихъ. Австрійцы, подъ предводительствомъ принца Карла, двигались на Пруссаковъ; оба войска встрѣтились при деревнѣ Лейтенѣ. Австрійцы растянулись почти на цѣлую нѣмецкую милю.

Тогда герой начерталъ планъ битвы, которая должна была рѣшить его судьбу. Планъ этотъ былъ чудомъ военнаго искусства и былъ въ точности выполненъ. Чтобъ не быть обойдену непріателемъ, Фридрихъ выбралъ тѣсный строй. Правое его крыло атаковало лѣвое крыло непріятеля, удачно обошло его и отбросило назадъ; лѣвое крыло Пруссаковъ оставалось въ бездѣйствіи. Послѣ кровопролитной битвы, Лейтенъ остался за Пруссаками, а потомъ и правое крыло непріятеля должно было отступить. Битва продолжалась всего три часа; болѣе 20000 австрійцевъ

было взято въ плѣнь; Пруссаки забрали 130 пушекъ, 300 фуръ. Австрійское войско было совершенно разсѣяно.

Фридрихъ посѣшилъ съ отрядомъ гусаръ въ Лиссу, а утомленное войско оставилъ на полѣ сраженія. Измученные голодомъ и стужей, храбрые воины расположились на отдыхъ; кругомъ слышались стоны раненыхъ. На каждомъ шагѣ попадался трупъ. Темнота ночи дѣлала эту величественную сцену еще страшнѣе. Вдругъ одинъ изъ солдатъ громко запѣлъ: благодареніе Богу, и въ ту же минуту музыканты заиграли молитву и все войско повторило ее.

Между тѣмъ Фридрихъ, прибывши въ Лиссу, увидѣлъ, что она занята австрійцами, которые и начали немедленно стрѣлять по прибывшимъ. Король поѣхалъ на мостъ, ведущій къ замку, и сказалъ своей свитѣ: «господа, за мной, я знаю здѣсь выходъ!»

У воротъ замка встрѣтило ихъ множество австрійскихъ офицеровъ. Такъ какъ конвой короля былъ не великъ, то онъ рисковалъ быть захваченнымъ въ плѣнь или убитымъ послѣ такой славной побѣды. Съ самымъ спокойнымъ лицомъ прошелъ онъ между австрійцами и сказалъ: «Bon soir, messieurs; вы вѣроятно меня не ожидали сюда? Можно еще здѣсь пристроиться?» Австрійцы отвѣчали ему благоговѣйнымъ молчаніемъ. Прибывшіе вскорѣ генералы Фридриха вывели его изъ затрудненія и забрали Австрійцевъ въ плѣнь.

Лейтенской побѣдой Фридрихъ снова подчинилъ своей власти всю Силезію, за исключеніемъ Швейдница.

Кровавый походъ окончился. Много тысячъ было уже убито, но никто изъ воюющихъ не думалъ о мирѣ. Марія Терезія вооружилась сильнѣе, чѣмъ прежде, и побуждала союзниковъ своихъ къ дѣятельному продолженію войны. Русскія войска снова вступили въ Прусскія владѣнія, а Французскія, подѣ начальствомъ графа Клермона, опять появились въ Германіи. О войнѣ написаны были различныя сочиненія, читавшіяся съ жадностью: Фридрихъ сталъ идоломъ нѣмцевъ, народнымъ героемъ. А между тѣмъ король, по недостатку средствъ, долженъ былъ ухудшить монету. Помощь ему явилась изъ Англіи, которая обѣщала ему ежегодно четыре милліона въ видѣ вспомогательной суммы. Впрочемъ противники его также поистощились, и Фридрихъ говорилъ: «тотъ заключитъ лучшій миръ, у кого въ карманѣ останется послѣдній талеръ.»

Походъ 1758 года былъ открытъ отличнѣмъ прусскимъ полководцемъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, который въ февралѣ началъ дѣйствія и выгналъ французовъ изъ Ганновера и Гессена. Онъ взялъ 13000 въ плѣнъ, и къ марту мѣсяцу Французы были отгнаны за Рейнъ.

Взявъ Швейдницъ приступомъ, Фридрихъ обратился къ Моравіи и пошелъ на Ольмюцъ. Но осада этой крѣпости была безуспѣшна и Фридрихъ принужденъ былъ отступить; отступление это среди непріятели было отлично выполнено и по справедливости считается образцовымъ въ военномъ искусствѣ.

Фридрихъ пошелъ на Русскихъ, которые съ варварствомъ все истребляли на пути и жестоко обраща-

лись съ жителями. Русскіе разгромили и сожгли крѣ-
пость Кюстринъ и ограбили значительную часть Помераніи. Когда Фридрихъ прибылъ сюда, и жители въ
рубищахъ, покрытые ранами, изнуренные голодомъ,
встрѣтили его, видъ ихъ бѣдствій взволновалъ его
душу. «Дѣти! сказалъ онъ, выслушавъ ихъ жалобы,
я не могъ прійти къ вамъ, ранѣе. Но успокойтесь:
я опять отстрою Кюстринъ, вы снова будете счастли-
вы!» Онъ приказалъ раздать имъ 20000 талеровъ на
первое обзаведеніе. Когда Фридрихъ осматривалъ полу-
разрушенныя укрѣпленія Кюстрина, комендантъ явился
къ нему съ повинною головою, извиняясь въ своихъ
ошибкахъ и въ томъ, что не успѣлъ принять необходи-
мыхъ мѣръ къ удержанію непріятели. «Замолчи, ска-
залъ ему Фридрихъ строго. Не ты виновать, а я,
потому что сдѣлалъ тебя комендантомъ.»

При Цорндорфѣ, недалеко отъ Кюстрина, король
далъ сраженіе русскимъ, которыми командовалъ гене-
раль Ферморъ. Русскихъ было 50000, а Пруссаковъ
только 37000. Въ десять часовъ утра началась страш-
ная битва, которая прекратилась только въ десять
часовъ вечера, и то потому, что обѣимъ сторонамъ,
не доставало силъ продолжать это кровавое сраженіе.

Въ этой битвѣ Фридрихъ убѣдился, что онъ ко-
мандуетъ уже не такимъ войскомъ, которое оказывало
чудеса храбрости при Прагѣ и Лейтенѣ. Пѣхота лѣ-
ваго крыла прусской арміи такъ колебалась, что еслибъ
не удивительная храбрость кавалеріи, битва была бы
вѣроятно проиграна. Храбрый Зейдлицъ въ этомъ сра-
женіи вторично оказалъ услугу Фридриху, который

прямо говорилъ, что единственно ему обязанъ успѣхъ. День былъ ужасный; около 30000 труповъ покрывало поле сраженія; пруссаковъ убито было 10000. Фридрихъ хотѣлъ истребить своего лютаго врага — Русскихъ, и Пруссаки кричали: «мы не даемъ пощады!» — «И мы также!» было грознымъ отвѣтомъ Русскихъ. Прусскія орудія клали цѣлые ряды Русскихъ, Зейдлицъ страшно врубился въ нихъ, а Русскіе не отступали. Яростно били Пруссаки Русскихъ прикладомъ, штыками, а они все-таки держались; если Пруссаки хотѣли, чтобъ они падали, то ихъ не только нужно было застрѣлить, но застрѣленныхъ то еще и повалить. Даже раненые, валявшіеся по землѣ, яростно умерщвляли другъ друга. Нашли тяжело раненаго Русскаго, лежавшаго подлѣ умирающаго Пруссака и кусавшаго его. Темнота ночи и истощеніе обѣихъ сторонъ положили конецъ рѣзни, и Русскіе отступили. Бѣшенство грабежа и жестокость Русскихъ до такой степени заглушали въ Пруссакахъ всякое человѣческое чувство, что крестьяне и солдаты, вмѣстѣ съ убитыми, за-живо погребли многихъ тяжело раненыхъ Русскихъ. Русскіе потеряли 130 пушекъ и отступили къ Польшѣ.

Фридрихъ спѣшилъ на помощь своему брату Генриху, находившемуся въ Саксоніи въ большой опасности. При приближеніи Фридриха, австрійскій маршалъ Даунъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ; напротивъ его, при деревнѣ Гохкирхенъ, близъ Бауцена, сталъ король. Позиція его была очень невѣрная, и генералы говорили королю объ опасности, которую она пред-

ставляетъ. Зейдлицъ сказалъ: «если Австрійцы насъ здѣсь не атакуютъ, то ихъ стоитъ повѣсить.» Фридрихъ смѣясь отвѣчалъ: «не оттакуютъ, потому что боятся насъ больше висѣлицы!» Три дня Пруссаки спокойно простояли въ своей позиціи, такъ что рѣшено было въ слѣдующую ночь снять посты, но тогда осмѣянный непріятель рѣшился привести въ исполненіе свой давно задуманный планъ мщенія Пруссакамъ. Прусское войско и самъ король спали спокойнымъ сномъ, только конница Цитена оставалась въ сѣдлѣ. Непріятель тихо ночью подошелъ къ селу Гохкирху и ожидалъ только пяти часовъ — времени, назначеннаго къ нападенію. Перестрѣлка форпостовъ и шумъ въ лагерьъ разбудили испуганныхъ Пруссаковъ. Они выбѣжали изъ палатокъ, но ничего не было видно, слышалось только наступленіе. Въ первое время, когда въ деревнѣ поднялся ужасный пороховой дымъ, Пруссаки думали, что непріятель овладѣлъ большой баттареей, обстрѣливавшей главный фассъ непріятеля, и что этой баттареей онъ истреблялъ всѣхъ Пруссаковъ, спѣшившихъ въ это мѣсто. Смятеніе было страшное. Самая ужасная давка была въ деревнѣ. Гохкирхъ запылалъ и освѣщалъ эту страшную картину. Между тѣмъ фельдмаршалы старались водворить порядокъ въ смущенномъ войскѣ. Зейдлицъ и Цитенъ носились съ своей конницей повсюду, побили много враговъ и захватили много плѣнныхъ, изъ которыхъ часть, благодаря темнотѣ ночи, немедленно и ушла. Въ деревнѣ войска старались утвердиться, но невозможно было сопротивляться подъ непріятельскими баттареями.

Храброму Францу Брауншвейгскому картечью оторвало голову; фельдмаршалъ Кейтъ палъ сраженный двумя картечами; Принцъ Морицъ Дессаускій, тяжело раненный, былъ отнесенъ за фронтъ. Маіоръ Ланге, подобно древнему Леониду, съ 600 пруссаками мужественно защищалъ деревенскую церковь отъ восьми батальоновъ австрійскихъ гренадеръ. Только подошедшіе къ неприятелю другіе четырнадцать баталіоновъ заставили отступить его маленькій отрядъ. И тутъ еще храбрый Ланге хотѣлъ пробиться, но былъ убитъ, и большая часть его отряда истреблена.

День не принесъ пользы, потому что непроницаемый туманъ замѣнилъ ночную темноту. При всемъ томъ надо удивляться порядку Пруссаковъ и присутствію духа ихъ предводителей: при всемъ преимуществѣ, которое имѣлъ неприятель, уронъ его былъ не такъ незначителенъ, какъ можно было полагать. Почти до десяти часовъ Пруссаки старались удержать за собой поле сраженіе, но наконецъ король приказалъ отступить. Разумѣется, лагерь и обозы спасти было нельзя, равно какъ и пушки, которыхъ большая часть (101 пушка) была захвачена неприятелемъ. Но отступленіе разбитаго войска совершалось въ такомъ порядкѣ, что неприятель не посмѣлъ его преслѣдовать. Тогда австрійскій полководецъ возвратился въ свой лагерь и казалось, что онъ и не одержалъ побѣды.

Король около одиннадцати часовъ стоялъ на холмѣ и съ грустью смотрѣлъ на проходящіе остатки своихъ

батальоновъ, изъ которыхъ онъ лишился 9000. Но обратясь къ офицерамъ, онъ принялъ веселый видъ. Когда мимо его проходили артиллеристы, то онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «канонеры, гдѣ вы оставили ваши пушки?» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «чортъ ихъ унесъ сегодня ночью.» — «Такъ мы ихъ отнимемъ днемъ, не правда ли?» — «Да, отвѣчали они: — правда; еще они должны намъ дать барышъ за это!»

Фридрихъ однако сумѣлъ уничтожить выгоды побѣды австрійцевъ; ему удалось въ концѣ года возвратить Силезію и Саксонію. Въ Саксоніи онъ даже расположился съ своимъ братомъ Генрихомъ на зимнія квартиры, Австрійцы удалились въ Богемію.

Враги Фридриха однако ревностно продолжали войну. Русскіе явились подъ предводительствомъ Салтыкова, и австрійскій фельдмаршалъ Доунъ, которому Папа прислалъ за побѣду при Гохкирхѣ освященную шляпу и шпагу, выступалъ съ новыми силами. Казалось, многочисленныя силы грозили раздавить храбраго Фридриха. На этотъ годъ онъ хотѣлъ самъ ждть врага.

Когда Русскіе, подъ командой Салтыкова, подошли къ Одеру, то король послалъ генерала Веделя, чтобъ отрѣзать соединеніе Русскихъ съ Австрійцами, которыми командовалъ Лаудонъ (*). Но Ведель былъ

(*) Лаудонъ происходилъ изъ шотландской фамиліи, поселившейся въ Лифляндіи. Получивъ отличное военное образованіе, Лаудонъ началъ свою военную карьеру въ русской

разбить при селѣ Каѣ, неподалеку отъ Цюллихау, и Австрійцы и Русскіе могли безпрепятственно соединиться.

Фридрихъ спѣшилъ изъ Силезіи на защиту маркграфства Бранденбургскаго и, какъ бы предчувствуя несчастье, написалъ завѣщаніе и взялъ съ брата торжественное обѣщаніе, на случай своей смерти, ни въ какомъ случаѣ не заключать постыднаго мира.

На Одерѣ было у него 40000 войска. Онъ перевелъ ихъ черезъ рѣку и увидѣлъ на высотахъ между Франкфуртомъ и Кунерсдорфомъ окопавшихся и защищенныхъ множествомъ пушекъ Австрійцевъ и Русскихъ. Однако, несмотря на ихъ видимое превосходство, онъ рѣшился атаковать ихъ на другой же день. Такъ и было; эта несчастная для Пруссаковъ битва началась въ одиннадцать часовъ утра. Очень неудобная мѣстность, которую недостаточно изслѣдовали, и невыносимо жаркій день затрудняли нападеніе выше всякихъ ожиданій. Непрiятельскія пушки, которыми были усеяны высоты, наносили страшный ущербъ осаждающимъ. Цѣлыя роты ложились подъ ихъ выстрѣлами. Но и тутъ прусская храбрость превозмогла
службѣ. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и предложилъ свои услуги Фридриху; но король отвернулся отъ него съ слѣдующими словами: наружность этого человѣка мнѣ не нравится. Лаудонъ отправился въ Вѣну, принять былъ въ службу капитаномъ и, благодаря блестящимъ заслугамъ, все возвышался. Уже будучи старикомъ, отличился онъ въ войнѣ противъ Турокъ. Онъ умеръ въ 1790 году.

всѣ препятствія и въ шесть часовъ лѣвое крыло Русскихъ было опрокинуто, а батареи ихъ взяты. Король отправилъ въ Берлинъ курьера съ вѣстью объ одержанной побѣдѣ.

Но между тѣмъ правое крыло Русскихъ стояло еще твердо, а Австрійцы и совсѣмъ еще не были въ дѣлѣ. Многіе генералы совѣтовали Фридриху прекратить сраженіе, чтобъ дать отдохнуть людямъ, и ждать, потому что вѣроятно ночью Русскіе отступятъ. Но король, желавшій разъ навсегда покончить съ ненавистнымъ ему врагомъ, упорно настаивалъ на продолженіе битвы.

Счастіе отвернулось отъ Фридриха. Усталые Пруссаки должны были снова штурмовать высоты, которыя были заняты Лаудономъ съ свѣжимъ войскомъ; на штурмующихъ часто лился смертельный дождь изъ сотни орудій. Пруссаки, утомленные, должны были сражаться съ свѣжими австрійскими войсками. Король велѣлъ конницѣ идти въ атаку. Зейдлицъ два раза отказывался исполнить это приказаніе, ссылаясь на неудобство и мѣста и времени, но когда король съ гнѣвомъ повторилъ приказаніе въ третій разъ, то Зейдлицъ устремился съ конницею на неприятельскіе шанцы. Но убійственныя картечи неприятельскія валили и людей и лошадей. Зейдлицъ тяжело раненый въ правую руку упалъ съ лошади и отнесенъ былъ за фронтъ.

Король еще разъ собралъ сколько могъ пѣхоты и повелъ ее на врага, но напрасно. Ряды пустѣли, безпорядокъ былъ всеобщій. Австрійская конница довер-

шила поражение. Пруссаки бѣжали, а не отступили, какъ при Коллинѣ или Гохкирхенѣ. Каждый старался спасти себя. Имъ грезилось преслѣдованіе, хотя его и не было. Тщетно старался король, видѣвшій бѣгство на всѣхъ пунктахъ, выстроить нѣсколько батальоновъ. Онъ самъ былъ подъ страшнымъ огнемъ. Подъ нимъ было убито двѣ лошади и когда онъ сядился на третью, то ружейная пуля раздробила золотой фугляръ, лежавшій у него въ карманѣ. Покинутый войскомъ, Фридрихъ съ отчаяніемъ произнесъ: «неужели не убьетъ меня ни одна проклятая пуля?» Онъ видѣлъ, что непріятель взялъ не только артиллерию, но и все, что пруссаки оставили, стараясь спасти только жизнь свою. Между тѣмъ къ королю подскочилъ отрядъ австрійской кавалеріи, и еслибъ не подоспѣлъ въ это время Притвицъ съ гусарами, то австрійцы или убили бы короля, или взяли бы его въ плѣнъ. Бдучи съ Притвицомъ, король много разъ восклицалъ: «Притвицъ, я пропалъ!» и на спинѣ этого вѣрнаго товарища написалъ въ Берлинъ къ министру своему Финкенштейну извѣстныя слова:

«Все погибло, спасайте королевскую фамилію; прощайте навсегда!»

Послѣ битвы у Фридриха оставалось только 5000 человекъ; другіе разсѣялись или лежали въ крови. Между послѣдними былъ поэтъ Клейстъ, тяжело раненый кортечью; онъ былъ до-нога раздѣтъ казаками и брошенъ въ болото; тамъ найденъ, отвезенъ во Франкфуртъ, гдѣ и умеръ. Австрійцы взяли 165 пушекъ. Злополучный монархъ, не раздѣваясь, бросился на со-

дому въ полуразрушенной крестьянской избѣ; вокругъ его, на голой землѣ, расположились его адъютанты. Когда на слѣдующее утро офицеръ доложилъ ему, что спасли нѣсколько пушекъ, онъ вскричалъ: «ложь! у меня больше нѣтъ пушекъ!» Къ нему боялись близко подходить, такъ онъ былъ страшенъ. Въ этотъ день онъ спросилъ стараго полковника Моллера, отчего его войска не такъ все дѣлаютъ, какъ прежде. Кроткій Моллеръ боязливо отвѣчалъ, что это можетъ быть провидѣніе наказываетъ по грѣхамъ его за то, что онъ съ нѣкотораго времени не молится. Съ того же дня введено было въ войскѣ прежнее богослуженіе.

Всѣ думали, что послѣ кунерсдорфскаго сраженія Русскіе и Австрійцы пойдутъ на Берлинъ, завладѣютъ всѣмъ маркграфствомъ и такимъ образомъ окончатъ войну въ восемь дней. Однако этого не было. Русскіе не хотѣли завоевывать для Австрійцевъ. Когда Доунъ требовалъ этого отъ Русскаго главнокомандующаго, то Салтыковъ отвѣчалъ ему: «я выигралъ два сраженія и, для дальнѣйшихъ дѣйствій, жду только отъ васъ извѣстія, что и вы столько же сдѣлали. Вѣдь невыгодно, чтобъ войска моей государыни дѣйствовали одни.» Несогласіе союзниковъ между собой было счастіемъ для Фридриха и спасло маркграфство. Русскіе отошли въ Польшу, Австрійцы въ Богемію.

Но вскорѣ послѣ того Доунъ вторгнулся въ Саксонію и взялъ даже Дрезденъ. Фридрихъ послалъ генерала Финка съ 15000 войска въ деревню Максентъ, близъ Пирны, давъ ему порученіе обойти Австрійцевъ и отрѣзать ихъ отъ Богеміи. Умный генералъ чув-

своавалъ всю опасность порученія и дѣлалъ королю различныя представленія объ этомъ предметѣ, по тщету. Онъ былъ окруженъ непріателемъ и, лишившись 4000 человекъ, долженъ былъ сдаться съ остальными, совершенно также, какъ три года тому назадъ должны были сдаться Саксонцы.

Когда Доунъ съ торжествомъ привелъ прусскихъ плѣнныхъ въ Дрезденъ, то жители города, увидавъ, что плѣнъ Саксонцевъ отомщенъ, приняли фельдмаршала съ громкою радостью. Такъ несчастливъ былъ для Фридриха походъ 1759 года!

V.

Вторая половина семилѣтней войны (съ 1760 года). — Последние вѣ годы. — Гувертсбургскій миръ. — Дальнѣйшее царствование Фридриха. — Смерть его.

Положеніе Фридриха было ужасно; въ послѣдній походъ онъ лишился всего своего войска, и хотя его многочисленныя вербовщики прошли по всему государству, хитростью и силой набирая рекрутовъ, они все-таки не могли составить армію, способную замѣнить его прежнюю, отлично обученную пѣхоту. Недостатокъ въ офицерахъ былъ такъ великъ, что офицерскія мѣста давались кадетамъ. Чтобы имѣть деньги, Фридрихъ часто налагалъ контрибуціи на Саксонію и снова уменьшилъ достоинство монеты. Страна была опустошена непріателемъ. Гражданскіе чиновники не получали жалованья. Но Фридрихъ не уступалъ.

Однако, обстоятельства опять не позволили ему вести войну наступательную. Онъ рѣшился самъ защищать Саксонію; а защиту Силезіи и Маркграфства предоставилъ генералу Фуке и принцу Генриху. Но вскорѣ Фридрихъ получилъ извѣстіе, что Фуке былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Лаулономъ при Ландгутѣ. Фридрихъ скрылъ смущеніе, произведенное на него этой новостью, и сказалъ офицерамъ: «Фуке взятъ въ плѣнъ, но его плѣнъ дѣлаетъ честь и ему, и намъ; онъ велъ себя какъ герой.» Вскорѣ послѣ того Австрійцы взяли крѣпость Глацъ. Вѣсть эта была новымъ громовымъ ударомъ для Фридриха. Но онъ и тутъ не обнаружилъ унынія и сказалъ: «Пусть ихъ! когда заключимъ миръ, то вѣдь они все-таки отдадутъ намъ крѣпость. Мы должны идти въ Силезію, чтобъ не потерять всего.»

И такъ онъ пошелъ въ Силезію, имѣя спереди и позади себя Австрійцевъ. Среди многихъ опасностей Пруссаки благополучно пришли въ Силезію и стали лагеремъ близъ Лигница.

Противъ нихъ, по ту сторону Каубаха, стояли соединенныя силы Доуна и Лаудона и заграждали Пруссакамъ путь къ Богеміи и Швейдницу. А имъ именно туда-то и нужно было идти, такъ какъ припасовъ было у нихъ только на нѣсколько дней и главные склады были въ этихъ мѣстахъ. Фридрихъ никогда не былъ въ болѣе опасномъ положеніи. Онъ долженъ былъ ожидать участи генерала Финка, потому что, кромѣ втрое сильнѣйшаго непріятеля, по ту сторону Одера, неподалеку отъ Бреславля, стоялъ фельд-

маршалъ Салтыковъ съ 60000 войска; его удерживали въ отдаленіи несогласія съ Доуномъ. Король, ожидавшій каждый день, что будетъ окруженъ, долженъ былъ каждую ночь мѣнять свою позицію, чтобы вводить въ заблужденіе медлившаго Доуна. Однажды ночью онъ тихо снялся съ прежняго лагеря, который Австрійцы за день передъ этимъ прилежно наблюдали, и отступилъ на высоты далеко отъ фальшивыхъ сторожевыхъ огней. Войско легло отдыхать съ оружіемъ въ рукахъ и такъ какъ людямъ было запрещено пѣть, то они болтали между собой. Но и врагъ не оставался въ эту ночь празднымъ. Онъ задумалъ выкинуть съ Фридрихомъ такую же штуку, какъ при Гохкирхенѣ и Лаудонъ двинулся въ полночь со всѣмъ войскомъ, чтобы занять высоты, которыя, — что ему было извѣстно, — не заняты были Пруссакими. Въ два часа ночи утренній патруль замѣтилъ непріятели. Встревоженный маіоръ побѣжалъ къ королю. «Что такое?» спросилъ проснувшійся Фридрихъ. — «Ваше Величество, непріатель близко!» — «Лошадь,» крикнулъ Фридрихъ. Генералы отправились къ своимъ постамъ. — Каково будетъ дѣло, любезный Шенкендорфъ? спросилъ король генерала, который долженъ былъ первый напасть на непріятели. «А вотъ я спрошу своихъ солдатъ,» отвѣчалъ Шенкендорфъ. «Что гренандеры, какъ вы думаете, будете вы сражаться какъ честные ребята?» — «О да,» было ему всеобщимъ отвѣтомъ, «если вы будете нами командовать.» Шенкендорфъ былъ раненъ однимъ изъ первыхъ. Но его гренандеры отомстили во сто кратъ за своего начальника. Лаудонъ, удивленный, что такъ

попался и будучи не въ состояніи при утренних сумеркахъ разглядѣть настоящую позицію Пруссаковъ, испыталъ участь Фридриха при Гохкирхенѣ, съ тою разницею, что былъ разбитъ въ болѣе короткое время, чѣмъ король. Въ пять часовъ утра все было кончено, непріятель потерялъ 10000 убитыми и ранеными, 6000 было взято въ плѣнъ, отняты 82 пушки. Доунъ былъ слишкомъ далеко, чтобъ помочь своимъ, и притомъ за противнымъ вѣтромъ онъ не слышалъ и выстрѣловъ.

Вскорѣ послѣ этого сраженія Фридрихъ пошелъ на соединенныя войска Русскихъ и Австрійцевъ, которыя, подъ предводительствомъ Тотлебена, взяли даже Берлинъ.

Въ Берлинѣ страшные гости гостили уже три дня, какъ вдругъ извѣстіе, что идетъ Фридрихъ, выжило ихъ оттуда. Услышавъ объ отступленіи союзниковъ изъ Берлина, Фридрихъ пошелъ немедленно въ Саксонію, чтобъ снова покорить эту страну. Лаудонъ стоялъ при Торгау, защищенный шанцами, и Фридриху нечего было больше дѣлать, какъ оттаковать его тутъ же. Фридрихъ колебался вступить въ подобную битву, онъ собралъ своихъ генераловъ и спросилъ ихъ мнѣніе. Всѣ молчали. Наконецъ старый Цитенъ твердо и громко сказалъ: «все возможно, да только трудно.» Вслѣдствіе этого рѣшено было дать сраженіе и отданъ былъ приказъ къ нападенію.

Прусское войско раздѣлилось на двѣ половины; съ одной изъ нихъ Фридрихъ положилъ штурмовать лагерь непріятельскій спереду, а другая, подъ командой Цитена, должна было зайти непріятелю въ тылъ. Дол-

гій путь задержалъ нападеніе до двухъ часовъ по полудни. Несчастное недоразумѣніе въ самомъ началѣ сраженія грозило бѣдой королевскому войску. Дѣло было въ томъ, что по ту сторону лагеря послышалась вдругъ сильная пальба, которая и заставила предположить, что Цитень, уже на мѣстѣ. — Чтобъ быстрѣе поддержать Цитена, король не выждалъ, пока его войско построится какъ было назначено, и повелъ на непріятеля только нѣсколько баталіоновъ. Непритель встрѣтилъ нападающихъ громомъ 200 орудій; — множество изъ свиты короля было убито на мѣстѣ и самъ Фридрихъ утверждалъ, что онъ никогда не слыхивалъ подобнаго грома. Люди наступающихъ батальоновъ такъ и валились; подходившія подкрѣпленія имѣли ту же участь. Ни пѣхота, ни конница не могла выдержать картечей, которыми ихъ осыпалъ непритель. Справа и слѣва около короля ядра врывались въ землю, такъ что лошадь его не стояла на мѣстѣ. Однимъ выстрѣломъ его задѣло въ грудь, но шуба и сюртукъ смягчили ударъ. День былъ ужасенъ; съ каждою четвертью часа надежды Фридриха на побѣду слабѣли. Наступила ночь, а непрительскіе шанцы не были взяты, такъ что Австрійцы отправили уже въ Вѣну курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ.

По наступленіи темноты въ войскѣ слѣбалось страшное смятеніе. Пруссаки стрѣляли по Пруссакамъ, Австрійцы по Австрійцамъ и самъ король былъ постоянно въ опасности попасться въ руки какому нибудь непрительскому отряду. Противъ темноты длинной и

холодной ноябрьской ночи въ Торгауской степи, которая рѣшилась сдаться той изъ враждующихъ сторонъ, въ пользу которой рѣшится побѣда, — зажжены были огни. Десять тысячъ раненыхъ должны были провести эту холодную ночь на сырой землѣ въ собственной крови.

Между тѣмъ по ту сторону австрійскаго лагеря часовъ до десяти слышалась канонада. Цитень овладѣлъ высотами и привелъ непріятеля въ такое смущеніе, что Доунъ, раненый въ ляшку, въ полночь перевелъ черезъ Эльбу свое въ конецъ разстроенное войско. Въ это время Фридрихъ проводилъ въ маленькой сельской церкви самую длинную ночь. Другого мѣста ему не было, потому что всѣ избы были наполнены ранеными. Онъ сидѣлъ на ступеняхъ алтаря и при слабомъ мерцаніи лампы писалъ приказанія и составлялъ на завтра планъ новаго нападенія. Отъ времени до времени онъ посылалъ узнать скоро ли разсвѣтетъ; наконецъ, при первыхъ лучахъ свѣта онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ деревню. Вдали онъ увидѣлъ всадниковъ въ бѣлыхъ плащахъ. То былъ Цитень съ свитой. Подѣхавъ къ королю, онъ ему доложилъ, что непріятель разбитъ и отступаетъ. Потомъ, обратившись къ своимъ кавалеристамъ, закричалъ: «Ребята! нашъ король одержалъ побѣду, да здравствуетъ нашъ великій король!» Всѣ единодушно отвѣчали: «да, да здравствуетъ король! Но да здравствуетъ и отецъ нашъ Цитень, король гусаровъ!»

Фридрихъ не забылъ поблагодарить свои войска за преданность и наградилъ ихъ по возможности. Они

были довольны, шутили и вообще были съ нимъ очень коротки: они его иначе не называли, какъ Фрицъ, а иные даже были съ нимъ на ты.

Самъ онъ смотрѣлъ на эту побѣду какъ на минутную помощь, благодаря которой онъ могъ снова расположиться въ Саксоніи на зимнихъ квартирахъ.

VI.

Последніе годы войны. — Гувертсбургскій миръ (1763).

Изнеможенный герой въ прошедшемъ году дѣлалъ попытку къ заключенію мира, но попытка эта была яростно отвергнута его врагами. Обѣ Государыни мевѣ, чѣмъ когда нибудь, думали о мирѣ, въ надеждѣ совершенно его обезсилить. И дѣйствительно, положеніе Фридриха было тяжело. Враги укрѣпились въ Саксоніи и Силезіи; вспомогательныя суммы Англіи перестали высылаться послѣ смерти Георга II, недостатокъ въ людяхъ и въ деньгахъ все увеличивался.

Фридрихъ предоставилъ защиту Саксоніи предусмотрительному принцу Генриху, о которомъ онъ въ послѣдствіи говорилъ, что это единственный изъ его генераловъ, никогда не дѣлавшій ошибокъ. Защиту Силезіи Фридрихъ принялъ на себя. Онъ не могъ предупредить соединенія Австрійцевъ съ Русскими и, имѣя 50000 войска, долженъ былъ сразиться съ 130000, которыя бы его совершенно подавили, еслибъ Лаудонъ могъ распорядиться всѣми этими силами. Но зависть

русскаго фельдмаршала Бутурлина спасла короля; онъ такъ отлично укрѣпился подъ Швейдницомъ, что его лагерь походилъ на крѣпость. По ночамъ прусское войско стояло подъ ружьемъ, днемъ отдыхало. Фридрихъ представлялъ себѣ будущее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Печальное его настроеніе было такъ сильно, что онъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, забылъ, что онъ король, и предался дружбѣ. Часто искалъ онъ утѣшенія въ палаткѣ Цитена. Когда Фридрихъ съ отчаяніемъ восклицалъ: «Не будетъ ничего хорошаго, не можетъ быть,» — храбрый Цитень отвѣчалъ съ мужественной увѣренностью, что все кончится благополучно. Фридрихъ, не имѣвшій никакого основанія надѣяться на благополучный исходъ, однажды съ насмѣшкой спросилъ Цитена, что не пріобрѣли ли ужь онъ себѣ новаго союзника. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Цитень, «у насъ есть только прежній, тамъ, наверху, Который насъ не оставитъ.» — «Ахъ,» простоналъ король, «Онъ нынче ужь не творитъ чудесъ!» — «И не нужно ихъ,» продолжалъ Цитень, «Онъ все-таки за насъ и не дастъ намъ погибнуть.»

Когда наконецъ Русскій фельдмаршалъ, несогласіемъ своимъ съ Лаудономъ мѣшавшій предпріятіямъ противъ Пруссаковъ, долженъ былъ удалиться изъ страны, то Фридрихъ смотрѣлъ на это удаленіе, какъ на чудо небесное, и, вспомнивъ свой разговоръ съ Цитеномъ, сказалъ генералу: «А вѣдь вы тогда были правы и вотъ Союзникъ сдержалъ слово.»

Когда Фридрихъ оставилъ свой лагерь, то Лаудону удалось овладѣть въ располхъ Швейдницомъ. Черезъ

нѣсколько времени послѣ этого Русскіе взяли крѣпость Кольбергъ въ Помераніи. Такимъ образомъ въ этотъ походъ Фридрихъ лишился половины Силезіи и Помераніи; положеніе его было самое бѣдственное; едва могли достать рекрутъ, лошадей, съѣстныхъ припасовъ и снарядовъ. Подобное положеніе навело Фридриха на мысль о самоубійствѣ и только мужество гражданъ и крестьянъ поддержало короля и войско.

Въ этой крайности Фридрихъ уже обратился къ турецкому султану и старался убѣдить его вторгнуться въ Венгрію и въ Русскія владѣнія; но его спасла смерть Императрицы Елисаветы Петровны. Петръ III, вступившій послѣ нея на престолъ Русскій, былъ другъ и ревностный почитатель Фридриха. Онъ не только прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія противъ Пруссіи, но даже отдалъ въ распоряженіе короля русскій 20000 корпусъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого счастливаго событія былъ миръ съ Швеціей. Фридрихъ хотѣлъ уже обратить всѣ свои силы на Австрійцевъ, какъ внезапная смерть Петра III измѣнила обстоятельства. На престолъ русскій вступила Екатерина II, которая хотя и не была въ дружбѣ съ Фридрихомъ, но и не хотѣла снова начинать войны съ нимъ, а удовольствовалась тѣмъ, что отозвала изъ Пруссіи свое войско.

Но Фридрихъ три дня держалъ втайнѣ приказъ, данный русскому фельдмаршалу. Это, если не содѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, присутствіе Русскихъ продержало Австрійцевъ въ бездѣйствіи. Вскорѣ послѣ отбытія Русскихъ войскъ, Фридрихъ взялъ Швейдницъ.

Въ Саксоніи Пруссаки сражались съ численно превосходнымъ войскомъ Австрійцевъ. Перемиріе съ Австріей, дало Пруссакамъ возможность побить имперскія войска и далеко гнать ихъ предъ собой, такъ что Баварія и Франція устрашились и многіе имперскіе князья отказались отъ войны. Также и Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій удачно дѣйствовалъ противъ Французовъ. Всѣ державы, участвовавшія въ войнѣ, изнемогали и склонялись къ миру. Марія Терезія вилѣла, что ей одной не возвратитъ Силезіи. По этому въ концѣ 1762 года въ замкѣ Губертсбургѣ были начаты мирныя переговоры, которые въ слѣдующемъ году и были подписаны Австрією, Силезіей и Саксонією. Фридрихъ удержалъ за собой Силезію и обѣщалея подать голосъ въ пользу Іосифа II, сына Маріи Терезіи. Саксонію возвратили Августу III.

Когда кончилась война, Фридрихъ торжественно вступилъ въ Берлинъ послѣ шестилѣтняго отсутствія. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, и когда король въ открытомъ экипажѣ проѣзжалъ съ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ по улицамъ, народъ привѣтствовалъ его криками радости. Онъ былъ тронутъ этими знаками привязанности и нѣсколько разъ повторилъ: «Да здравствуетъ мой любезный народъ! да здравствуютъ мои дѣти.»

Разрушительныя слѣдствія страшной войны чувствовалась не въ одномъ государствѣ. Франція и Швеція были близки къ банкротству, государственный долгъ Англіи значительно увеличился; Саксонія, истер-

занная Французами и неприятелемъ, считала ущербъ отъ войны отъ 70 до 80 милліоновъ талеровъ; въ Гессенѣ и Вестфалии цѣлыя деревни опустѣли. Но конечно, болѣе всѣхъ пострадало прусское королевство. Берлинъ былъ нѣсколько разъ разграбленъ, и населеніе его значительно уменьшилось; въ Померани и Неймаркѣ многія села были обращены въ развалины. Поля оставались необработанными, потому что былъ недостатокъ въ хлѣбѣ для посѣва, скотъ и въ рабочихъ рукахъ. Опустошенія, произведенныя казаками и кроатами, обратили цвѣтушія страны въ пустыни. Въ иныхъ мѣстахъ полевыми работами занимались только женщины. Около 15000 домовъ истреблено было огнемъ. Но какъ ни пострадала Пруссія, война была очень полезна для ея будущаго. Одержавъ верхъ надъ половиной Европы, Фридрихъ утвердилъ положеніе Пруссіи въ ряду могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ.

И по заключеніи мира Фридрихъ прежде всего позаботился поставить свои военныя силы на такую степень, чтобы никакой врагъ не осмѣлился нарушить едва установившееся спокойствіе его государства. При концѣ войны прусское войско состояло большей частью изъ перебѣжчиковъ, чужеземцевъ и молодыхъ туземцевъ—крестьянъ. Послѣднихъ немедленно по окончаніи войны возвратили ихъ плачущимъ родителямъ. Множество чужестранцевъ осталось безъ мѣста. Едва насчитывалось въ иныхъ полкахъ сто человекъ, служившихъ сначала войны. Новыхъ солдатъ нужно было

учить снова и ихъ учили со всей строгостію, съ соблюденіемъ строжайшей дисциплины. Офицерскія мѣста давали только дворянству, для образованія котораго учреждены кадетскіе корпуса и военные школы. Фридрихъ довелъ свое войско до 200000.

Не менѣе заботился король о возстановленіи промысловъ и мирныхъ занятій, прекратившихся вслѣдствіе войны. Хлѣбъ, купленный къ походу, былъ розданъ для поѣва самымъ бѣднымъ; лошади, купленные для артиллеріи и для военного обоза, были также отданы земледѣльцамъ.

Подати были прощены въ Силезіи на шесть мѣсяцевъ, въ Помераніи, Неймаркѣ на два года. Наличными суммами король помогъ провинціямъ, чтобы погасить сдѣланные долги и заплатить требуемыя врагами контрибуціи. Тѣмъ изъ отцевъ семейства и фабрикантамъ, которые особенно пострадали во время войны было дано вспомошествованіе изъ государственной казны. Сумма, которую Фридрихъ роздалъ провинціямъ, простиралась до 24 милліоновъ талеровъ. Сумма была взята не изъ казны, а изъ капитала, собраннаго бережливостію короля. Относительно своей казны онъ могъ сказать: «государство богато, но я бѣденъ,» и въ своемъ завѣщаніи онъ написалъ: «моя казна принадлежитъ не мнѣ, а государству.» Благодаря заботливости короля, испепеленные города и села поднялись изъ своихъ развалинъ. Народонаселеніе росло чрезъ позволеніе селиться въ государствѣ выходцамъ изъ другихъ странъ.

Преклонныя лѣта не уменьшили дѣятельности государя, его заботливость даже увеличилась. «Сонъ мой» писалъ онъ, «требуетъ труда и дѣятельности; тѣло и духъ склоняются передъ долгами. Не то нужно, чтобы я жилъ, нужно, чтобы я былъ дѣятеленъ.» Въ письмѣ къ другу онъ говоритъ: «Ты справедливо полагаешь, что я много работаю. Я дѣлаю это для того, чтобы жить; по моему, ничто не имѣетъ такого сходства со смертію, какъ бездѣйствіе.»

Послѣ Губетсбургскаго мира Фридрихъ долгое время избѣгалъ войны. Когда въ 1772 году былъ первый раздѣлъ Польши, то Фридрихъ безъ войны получилъ восточную Пруссію (исключая Данцига и Торна).

Послѣ Франца I-го на престолъ германской имперіи вступилъ сынъ его Іосифъ II. Въ 1777 году этотъ государь выразилъ притязаніе на часть Баваріи, курфирствъ которой, Максимилианъ Іосифъ, умеръ въ дѣтствѣ: новый курфирствъ Карлъ Теодоръ, вынужденный Іосифомъ, призналъ эти притязанія, но Герцогъ Карлъ Пфальцъ Цвейбрихенскій, какъ будущій наслѣдникъ Баваріи, возсталъ противъ притязаній Іосифа II и просилъ помощи у Фридриха. Король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прекратить исканія Іосифа къ увеличенію своихъ владѣній, и вторгся въ Богемію (1778). Война эта, называемая войной за баварское наслѣдство, кончилась очень скоро. Въ 1779 году былъ заключенъ миръ въ Тешенѣ, по которому Іосифъ II отказался отъ своихъ притязаній и удовольствовался только небольшими землями.

Иосифъ однако не оставилъ плана присоединить Баварію къ Австріи и старался въ послѣдствіи обмѣнять ее на большую часть Нидерландовъ. Но и тутъ возсталъ противъ него Фридрихъ и помѣшалъ исполненію этого плана заключеніемъ союза съ Ганноверомъ, Саксоніей и другими нѣмецкими государствами.

Такъ Фридрихъ, который въ первой половинѣ своей жизни стремился къ завоеваніямъ, во вторую половину ея дѣятельно заботился о сохраненіи мира въ Германіи. Впрочемъ заключеніе этого союза князей было послѣднимъ важнымъ событіемъ его политической дѣятельности.

Въ своей частной жизни онъ до самой смерти сохранилъ тотъ же порядокъ, котораго онъ держался въ молодыхъ лѣтахъ. Таже опредѣленность занятій, тоже постоянство въ правильномъ исполненіи обязанностей, почти таже быстрота движеній господствовали у него и въ преклонныя лѣта, также, какъ господствовали въ то время, когда онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Въ день своей смерти онъ еще читалъ присланныя къ нему письма. Хотя въ старости онъ позволялъ себѣ спать больше, чѣмъ прежде, все-таки сонъ никогда не похищалъ у него утреннихъ часовъ; во время смотровъ и путешествій онъ не позволялъ себѣ никакихъ перемѣнъ ради спокойствія. Въ концѣ жизни онъ сталъ очень невнимателенъ къ своему костюму. Мундиръ у него былъ большею частью поношенный, сапоги, которые онъ надѣвалъ вставая и снималъ ложась, имѣли уже красный отливъ и небрежно падали внизъ. Въ

наружности и манерахъ онъ сохранилъ прежнюю простоту и допускалъ къ своимъ услугамъ не много служителей. Лицо у него было выпачкано въ испанскомъ нюхательномъ табакѣ, которымъ были наполнены двѣ табакерки, лежавшія всегда у него въ карманѣ. Только по его огненному взгляду, который не могъ изобразить ни одинъ художникъ, можно было въ немъ узнать прежняго красавца короля. Любовь къ литературнымъ трудамъ осталась у него и въ старости; но къ нѣмецкому языку онъ все-таки не могъ привыкнуть.

За столъ свой Фридрихъ приглашалъ немногихъ друзей, оставшихся у него отъ молодыхъ лѣтъ; съ храбрыми генералами минувшей войны, каковы Фуке, Цитенъ и другіе, онъ сохранялъ дружбу; онъ часто посѣщалъ ихъ, дѣлалъ имъ подарки и часто приглашалъ къ себѣ въ гости. Однажды Цитенъ задремалъ за королевскимъ столомъ и когда сосѣди хотѣли его разбудить, то король сказалъ: «оставьте его, пусть спитъ; онъ довольно бодрствовалъ за насъ.»

Но съ лѣтами все расла пагубная его привычка во все вмѣшиваться; на старости онъ сдѣлался недо-вѣрчивъ и придирчивъ къ своимъ слугамъ и строже наблюдалъ за ними. Ему было шестьдесятъ четыре года, когда онъ заболѣлъ водяною и скончался. Последніе дни проводилъ онъ, сидя въ креслѣ, но все-таки занимался по разнымъ частямъ управленія и писалъ письма. Онъ скончался въ ночь съ 16 на 17 Августа 1786 года. Извѣстіе о его смерти поразило горестью его по подданныхъ; строгость и мелкая при-

дирчивость его были забыты при воспоминаніи объ истинно великихъ дѣлахъ его. Фридрихъ утвердилъ силу и могущество Пруссіи, и за это исторія справедливо называетъ его *великимъ*.

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(продолженіе).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОБРАЯ ПЕЧАТЬ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОНД РАЙОНА СТОЛА

(на странице)

(подписано)

ХІІІ.

АСТРОЛОГЪ.

Заботы и приключенія лились на молодого Шотландца съ быстротою прилива во время полнолунія. Его вскорѣ потребовали къ лорду Крауфорду, у котораго, къ удивленію своему, онъ увидѣлъ короля. Послѣ нѣсколькихъ словъ касательно чести и довѣренности, которыми хотять его удостоить, ему объявили, что его, съ четырьмя другими подъ его начальствомъ, избрали для сопровожденія графинь де-Круай къ двору епископа литтискаго, самымъ спокойнымъ и безопаснымъ, но въ тоже время самымъ тайнымъ образомъ. Дорварду отдали свитокъ, въ которомъ были написаны наставленія, какъ держать путь, гдѣ останавливаться (вообще въ пустынныхъ деревняхъ, уединенныхъ монастыряхъ и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ городовъ), — наконецъ вообще означены были предосторожности, которыя онъ долженъ былъ принимать, особенно приближаясь къ границамъ Бургундіи. Его снабдили нужными совѣтами на счетъ того, что ему должно будетъ говорить и какъ поступать, чтобъ выдержать роль дворецкаго двухъ знатныхъ англійскихъ дамъ, ѣздившихъ на поклоненіе мощамъ св. Мартина Турскаго, и готовившихся посѣтить священный городъ Кельнъ.

Послѣ этого, Людовикъ ХІ, въ сопровожденіи не-

терпѣливаго Квентина, направился къ отдѣльной башнѣ замка дю-Плесси, въ которой, съ большими удобствами и роскошью, жилъ знаменитый астрологъ, поэтъ и философъ, Галеотти Марти, или Марціусъ, или Мартивалле, итальянецъ. Галеотти долго пользовался большимъ почетомъ при дворѣ знаменитаго Матѳея Корвина, венгерскаго короля, отъ котораго его нѣкоторымъ образомъ переманилъ къ себѣ Людовикъ, завидовавшій тому, что венгерскій государь пользуется обществомъ мудреца, столь извѣстнаго своимъ умѣньемъ читать въ небесахъ приговоры судебъ.

Мартивалле наслаждался всѣми удовольствіями двора, и пока не сдѣлался дороднымъ, отличался во всѣхъ воинственныхъ забавахъ и гимнастическихъ упражненіяхъ; онъ превосходно владѣлъ и оружіемъ всякаго рода.

Покои этого придворнаго и воинственнаго мудреца были отдѣланы и меблированы гораздо пышнѣе всѣхъ, какіе видѣлъ Квентинъ въ королевскомъ дворцѣ; рѣзныя и прочія украшенія библіотеки, такъ же, какъ и великолѣпіе обоевъ, выказывали изящный вкусъ ученаго итальянца. Изъ кабинета его одна дверь вела въ спальню, другая въ башенку, служившую ему обсерваторію. Большой дубовый столъ, стоявшій посреди комнаты, былъ покрытъ богатымъ турецкимъ ковромъ, нѣкогда украшавшимъ палатку паши и добытымъ послѣ великаго сраженія при Язяхъ, гдѣ астрологъ сражался рядомъ съ доблестнымъ поборникомъ христіанства, отважнымъ королемъ венгерскимъ. На столѣ лежало

множество разныхъ математическихъ и астрологическихъ инструментовъ, сдѣланныхъ изъ богатѣйшихъ матеріаловъ и самой вычурной работы.

Галеотти былъ высокій, полный, но величавый мужчина, уже значительно пожилой; привычка къ тѣлеснымъ упражненіямъ, отъ которой онъ теперь не отсталъ еще, не могла преодолѣть природнаго расположенія его къ дородности, усиленнаго занятіями сидячей жизни и наслажденіями изяществомъ изысканной трапезы. Черты его, хотя уже нѣсколько огрубѣвшія, были благородны и величавы, длинная окладистая черная борода придавала ему еще болѣе привлекательности. На немъ былъ халатъ изъ драгоцѣннѣйшаго генуэзскаго бархата, съ широкими рукавами, украшенными золотыми застѣжками и опушенными соболимъ мѣхомъ. Станъ астролога обхватывался широкимъ поясомъ изъ пергамента, на которомъ были изображены знаки зодіака. Галеотти всталъ и поклонился королю съ видомъ человѣка, привыкшаго къ такому высокому обществу и вовсе нерасположеннаго, даже въ присутствіи его, унижать достоинство, которое въ тѣ времена особенно старались принимать на себя изслѣдователи таинственныхъ наукъ.

— Вы заняты, отецъ мой, сказалъ король: — и, если не ошибаюсь, этимъ новоизобрѣтеннымъ искусствомъ размножать рукописи посредствомъ машинъ. Могутъ ли вещи такого механическаго и земнаго свойства занимать мысли человѣка, предъ которымъ небо развернуло свои завѣтныя письма?

— Братъ мой, отвѣчалъ Мартивалле: — потому

что житель кельи долженъ называть этимъ именемъ даже короля французскаго, когда онъ удостоиваетъ его своимъ посѣщеніемъ, какъ ученикъ, — вѣрь мнѣ, что, размышляя о послѣдствіяхъ этого изобрѣтенія, я предвижу, какъ бы по сочетанію небесныхъ созвѣздіи, самыя важныя и грозныя переменны. Когда я подумаю, какими медленными и ограниченными пособіями снисходилъ къ намъ до сихъ поръ потокъ науки; какъ трудно пріобрѣтать ихъ самымъ пламеннымъ искателямъ знанія; какъ легко пренебрегаютъ ими тѣ, кто хоть сколько нибудь помышляетъ о житейскихъ удобствахъ; какъ легко потокъ этотъ можетъ совратиться съ своего пути или быть изсушеннымъ вторженіями варварства, — могу ли безъ изумленія смотрѣть впередъ, на судьбу грядущихъ поколѣній, къ которымъ знаніе будетъ нисходить какъ первый и второй дождь, непрерываемое ничѣмъ, неистощимое, безпредѣльное: оно будетъ оплодотворять однѣ почвы, затоплять другія, переменитъ всѣ общественныя отношенія, будетъ устанавливать и ниспровергать вѣрованія, воздвигать и разрушать царства...

— Стой, Галеотти, сказалъ король: — произойдутъ ли эти переменны въ наши дни?

— Нѣтъ, царственный братъ мой; изобрѣтеніе это похоже на молодое дерево, которое теперь еще только посажено, но въ грядущихъ поколѣніяхъ принесетъ плоды такіе же гибельные, но и такіе же драгоценные, какъ плоды садовъ Эдема — именно, плоды познанія добра и зла.

Послѣ минутнаго молчанія Людовикъ сказалъ астро-

логу: — Продолжалъ ли ты заниматься гороскопомъ, который я къ тебѣ послалъ и о которомъ ты уже далъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія? Я привелъ сюда того, кого онъ касается, чтобъ ты приложилъ къ дѣлу рукогаданіе. Время не терпитъ.

Дородный мудрецъ поднялся съ своего сѣдалища и, приблизясь къ молодому воину, устремилъ на него свои быстрые черные глаза, какъ будто внутренно перебирая и анатомируя каждую малѣйшую особенность лица его. Краснѣя и смутясь такимъ разсматриваніемъ со стороны человѣка, котораго наружность была такъ величественна и повелительна, Квентинъ потупилъ глаза и поднялъ ихъ только по звучному приказанію астролога: — Смѣло смотри вверхъ и протяни мнѣ руку.

Разсмотрѣвъ его ладонь, по обычаю таинственныхъ гадателей, Мартивалле отвелъ короля на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Царственный братъ, сказалъ онъ: — Физіомія этого юноши, вмѣстѣ съ линіями, начертанными на его ладони, въ дивной степени подтверждаютъ выводъ, основанный на часѣ его рожденія, такъ же точно, какъ и мнѣніе, которое ты съ разу возымѣлъ о немъ, въ слѣдствіе собственнаго знанія твоего въ нашихъ высокихъ наукахъ. Все обѣщаетъ, что этотъ юноша будетъ храбръ и счастливъ.

— И вѣренъ? возразилъ король: — потому что доблесть и счастье не всегда сходятся съ вѣрностью.

— И вѣренъ, отвѣчалъ астрологъ: — въ глазахъ и во взглядѣ его мужественная твердость, а жизнен-

ная линия обозначена глубоко и ясно, что показывает честную и прямодушную привязанность къ тѣмъ, кто ему благодѣтельствуетъ или довѣряетъ. Но...

— Но что? сказалъ король: — отецъ Галеотти, зачѣмъ ты остановился? Слухъ мой привыкъ къ жестокимъ совѣтамъ и не оскорбляется ими, — говори.

— Въ такомъ случаѣ, государь, скажу безъ околичностей, что если въ даваемомъ вами этому юношѣ порученіи есть что нибудь такое, что, однимъ словомъ, можетъ потревожить щекотливую совѣсть, — не вѣряйте ему этого... или по крайней мѣрѣ вѣрьте не раньше, какъ давъ ему прослужить нѣсколько лѣтъ въ вашей службѣ, чтобъ онъ сдѣлался такимъ же неразборчивымъ, какъ и другіе.

— И объ этомъ ты не рѣшался говорить мнѣ, добрый Галеотти? И ты думалъ, что, сказавъ это, оскорбишь меня? возразилъ король. — Увы, я знаю, ты хорошо понимаешь, что стезя политики не всегда можетъ сходиться (такъ, какъ бы должно было быть въ частной жизни) съ отвлеченными понятіями о религіи и нравственности. Для чего мы, владыки земные, строили бы церкви и монастыри, путешествовали на богомолье, подвергались покаяніямъ и совершали набожные обѣты, отъ которыхъ другіе избавляютъ себя, еслибъ общее благо и польза нашихъ государствъ не заставляли насъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя оскорбляютъ нашу совѣсть, какъ людей и христіанъ? Но небо милосердо; церковь, эта неизмѣримая сокровищница благъ, заступничество Амбренской Богоматери и святыхъ угодниковъ будутъ убѣдительно,

безконечны и всемогущи. — Съ этими словами онъ положилъ свою шапку на столъ, набожно преклонилъ колѣни передъ украшавшими ее образками и съ благоговѣніемъ произнесъ: — *Sancte Huberte, Sancte Juliane, Sancte Martine, Sancte Rosalia, Sancti quotquot adestis, orate pro me peccatore!* Потомъ ударилъ себя въ грудь, всталъ, снова надѣлъ шапку и продолжалъ: — Будь увѣренъ, добрый отецъ, сколько бы ни было въ нашемъ порученіи такого, на что ты сейчасъ намекалъ, выполненіе не будетъ ввѣрено такому юношѣ, и онъ даже не будетъ знать объ этой части нашего намѣренія.

— Можно также имѣть нѣкоторыя опасенія насчетъ опрометчивости этого молодого воина...

— Будетъ ли слѣдующая полночь благопріятнымъ часомъ для начала опаснаго путешествія? сказалъ король. — Смотри, вотъ твои астрономическія таблицы: видишь ли положеніе луны относительно Сатурна и восхожденіе Юпитера? По моему, — хоть я все-таки больше полагаюсь на твое высокое знаніе, — это предвѣщаетъ успѣхъ тому, кто отправляетъ экспедицію въ подобный часъ.

— Тому, кто ее отправляетъ, отвѣчалъ астрологъ послѣ краткаго молчанія: — такое сочетаніе дѣйствительно обѣщаетъ успѣхъ; но мнѣ кажется, что такъ какъ Сатурнъ соединяется съ солнцемъ, то должно опасаться несчастія и гибели для *посланныхъ*; отсюда я заключаю, что путешествіе можетъ быть опасно и даже пагубно для тѣхъ, кому предстоитъ оно. Такое

неблагопріятное сочетаніе заключаетъ въ себѣ, по моему мнѣнію, предвѣстіе плѣна и насилія.

— Насиліе и плѣнъ постигнуть посланныхъ, сказалъ король: — но успѣхъ увѣнчаетъ желанія посылающаго... не такъ ли, ученый отецъ?

— Совершенно такъ, отвѣчалъ астрологъ.

Король замолчалъ, не желая дать дальнѣйшихъ объясненій на счетъ того, сколько рѣчь звѣздочета (внушенная астрологу вѣроятно догадкою, что порученіе, о которомъ шло дѣло, было сопряжено съ опасностью) — сколько эта предвѣщательная рѣчь согласовалась съ его настоящимъ намѣреніемъ, которое, какъ извѣстно читателю, состояло въ томъ, чтобъ предать графиню Изабеллу де-Круай въ руки Гильйома де-ла Марка, вельможи весьма знатнаго рода, но низведеннаго своими преступленіями на степень простого предводителя разбойниковъ, отличавшагося буйнымъ нравомъ и звѣрскою храбростію.

Потомъ Людовикъ поручилъ Галеотти узнать, посредствомъ сочетаній созвѣздій, какой день будетъ благопріятенъ, для личнаго свиданія съ противникомъ, съ которымъ онъ имѣетъ весьма важный споръ, — споръ, который, вѣроятно, долженъ будетъ рѣшиться или закономъ, или оружіемъ.

— Благодарю, ученый отецъ. Вотъ, между прочимъ, кое что для увеличенія вашей любопытной бібліотеки, заключилъ Людовикъ, получивъ отвѣтъ астролога.

Онъ положилъ подъ одинъ изъ томовъ маленькій

кошелекъ съ золотомъ, потому что, бережливый даже въ своихъ суевѣрїяхъ, Людовикъ считалъ астролога достаточно привязаннымъ къ своей службѣ пенсіями, которыя онъ ему назначилъ, и полагалъ себя въ правѣ пользоваться его науками за умѣренную цѣну, даже въ важныхъ случаяхъ.

Сказавъ это, король вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи своего молодого тѣлохранителя. Не успѣли они выйдти, какъ астрологъ далъ волю чувствамъ, совершенно непохожимъ на тѣ, которыя, повидимому, одушевляли его въ присутствіи Людовика XI. — Скаредный рабъ! сказалъ онъ, взвѣсивая кошелекъ въ рукѣ — будучи человѣкъ до крайности расточительнымъ, онъ почти безпрестанно нуждался въ деньгахъ. — Низкій скряга! Жена лодочника дала бы больше, чтобъ узнать, благополучно ли мужъ ея переправится черезъ какой нибудь узкій заливъ. Переманивъ меня отъ двора щедрого Матѳея, гдѣ Гунны и Турки, христіане и невѣрныя, царь московскій и ханъ татарскій въ запуски осыпали меня подарками, — онъ воображаетъ, что я останусь жить въ этомъ старомъ замкѣ, какъ снегирь въ клѣткѣ, и пѣть, когда ему вздумается свиснуть, за сѣмь и воду? — Нѣтъ! — я открою или приищу себѣ лекарство. Кардиналъ Балю политикъ и щедръ; вопросъ этотъ перейдетъ къ нему, и его высокопреосвященство самъ будетъ виноватъ, если звѣзды не заговорятъ такъ, какъ бы ему хотѣлось.

Негодующій мудрецъ пересчиталъ золотыя монеты (ихъ было только десять), опустил ихъ въ привѣшенный къ поясу большой кошель, который помощники

его въ мотовствѣ обыкновенно опорожняли гораздо быстрѣе, нежели звѣздочетъ со всѣмъ своимъ искусствомъ успѣвалъ наполнять его.

XIV.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Избѣгая разговоръ съ кѣмъ бы то ни было (такъ ему приказали), Квентинъ Дорвардъ поспѣшно началъ вооружаться въ крѣпкую, но простую броню съ наручами и набедренниками, а голову покрылъ добрымъ стальнымъ шишакомъ безъ забрала. Сверхъ латъ онъ надѣлъ красивое замшевое полукафтанье, украшенное по швамъ шитьемъ и приличное первостепенному прислужнику знатнаго дома.

Все это принесъ въ его комнату Оливье, который съ своею спокойною и вкрадчивою улыбкою увѣдомилъ Квентина, что дядя его нарочно поставленъ на часы, чтобъ не имѣлъ случая разспрашивать своего племянника касательно этихъ таинственныхъ приготовленій. «Ваше извиненіе будетъ передано почтенному дядюшкѣ, сказалъ Оливье, улыбаясь снова: — а когда вы воротитесь, любезный сынъ, исполнивъ возложенное на васъ пріятное порученіе, я не сомнѣваюсь, что васъ найдутъ достойнымъ повышенія, и вы избавитесь отъ нужды отдавать кому бы то ни было отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что подниметесь выше тѣхъ, которые должны будутъ отдавать отчетъ вамъ самимъ.»

Такъ говорилъ Оливье Чортъ, вѣроятно, рассчитывая мысленно, что бѣдный юноша, котораго руку онъ такъ дружески пожималъ, встрѣтитъ плѣнь или смерть въ предпринимаемомъ имъ путешествіи. Къ ласковымъ словамъ, Оливье прибавилъ небольшой кошелекъ съ золотомъ, посылаемый Квентину въ подарокъ королемъ на необходимыя путевыя издержки.

За нѣсколько минутъ до полуночи, Дорвардъ, согласно съ данными ему приказаніями, отправился на второй дворъ и остановился у Дофиновой Башни, которая служила мѣстомъ жительства графинямъ де-Круай. Тутъ онъ нашелъ людей и лошадей, назначенныхъ для свиты, двухъ вьючныхъ муловъ, нагруженныхъ багажемъ, трехъ верховыхъ коней для графинь и вѣрной ихъ камеристки, и статнаго боевого коня для самого себя, съ окованнымъ сталью сѣдломъ, блиставшимъ при свѣтѣ проглядывавшей по временамъ луны. Всадники неподвижно сидѣли на коняхъ, и при томъ же лунномъ свѣтѣ, Квентинъ съ удовольствіемъ разсматривалъ, что они были въ полномъ вооруженіи и держали въ рукахъ длинныя копья. Ихъ было только трое; одинъ изъ нихъ шепнулъ Квентину съ сильнымъ гасконскимъ удареніемъ, что проводникъ присоединится къ нимъ, когда они минуютъ Туръ.

Наконецъ, маленькая дверь, ведшая изъ башни во дворъ, отворилась, и оттуда вышли три женщины, въ сопровожденіи одного мужчины, завернутаго въ плащъ. Онѣ молча сѣли на приготовленныхъ для нихъ лошадей, а спутникъ ихъ пошелъ впередъ, отдавая царль и дѣлая условленные знаки бдительнымъ часо-

вымъ, мимо которыхъ имъ приходилось проѣзжать. Такимъ образомъ, онѣ наконецъ очутились внѣ этой грозной ограды и черезъ четверть часа были уже близъ города Тура.

Луна, высвободившаяся изъ облаковъ, которыми она до того времени была подернута, проливала цѣлое море свѣта на великолѣпное мѣстоположеніе. Путешественники увидѣли величавую Лоару, катившую свои царственныя струи по богатѣйшей равнинѣ Франціи въ берегахъ, украшенныхъ башнями, террасами, оливковыми деревьями и виноградниками. Передъ глазами ихъ показались стѣны города Тура, древней столицы Турэни, съ башнями и зубчатыми бойницами.

Молодой Шотландецъ не могъ удержаться отъ удивленія. Привыкшій къ пустыннымъ, хотя и живописнымъ, видамъ своихъ родныхъ горъ, и къ бѣдности, высказывающейся даже въ самомъ величавомъ мѣстоположеніи Шотландіи, онъ съ восторгомъ разсматривалъ картину, которую природа и искусство украсили богатѣйшими дарами. Квентинъ былъ вызванъ изъ этого минутнаго самозабвенія голосомъ старшей дамы, поднимавшимся теперь по крайней мѣрѣ октавою выше того кроткаго тона, которымъ она прощалась съ королемъ Людовикомъ; она изъявляла желаніе говорить съ начальникомъ отряда. Давъ шпоры своему коню, Квентинъ почтительно представился дамамъ и долженъ былъ выдержать допросъ графини Амелины.

— Какъ васъ зовутъ и какого вы званія? — Онъ сказалъ то и другое.

— Совершенно ли вамъ извѣстна дорога?

Квентинъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ притязаній на подробныя свѣдѣнiя, но что ему даны полныя инструкци, и что на мѣстѣ перваго роздыха онъ долженъ найти проводника, во всѣхъ отношенiяхъ способнаго руководить ихъ въ дальнѣйшемъ пути; въ ожиданiи этого, присоединившiйся къ нимъ всадникъ, который будетъ въ маленькомъ отрядѣ ихъ четвертымъ, долженъ проводить ихъ до перваго роздыха.

— Почему именно васъ избрали для этой должности, господинъ-стрѣлокъ? сказала дама: — Мнѣ сказали, что вы тотъ же самый молодой человекъ, который недавно стоялъ на часахъ въ галереѣ, гдѣ мы встрѣтили французскую принцессу. Вы, кажется, слишкомъ молоды и неопытны для такой обязанности; да притомъ, вы во Францiи иностранецъ и даже говорите по французски, какъ чужеземецъ.

— Я обязанъ повиноваться повелѣнiямъ короля, сударыня, и не имѣю права разсуждать о нихъ, отвѣчалъ молодой воинъ.

— Вы благороднаго происхожденiя?

— Могу смѣло утверждать это.

— Не тотъ ли вы самый, сказала младшая изъ дамъ, въ свою очередь, нѣсколько робкимъ голосомъ: — котораго я видѣла въ гостинницѣ, когда меня потребовали для прислуживанья королю?

Понизивъ голосъ, Квентинъ отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, тетушка, сказала графиня Изабелла, обратясь къ своей родственницѣ: — мы должны быть безопасны подъ защитою этого молодого

дворянина; онъ, по крайней мѣрѣ, не смотритъ такимъ человѣкомъ, которому можно было бы съ увѣренностью поручить исполненіе какого нибудь плана вѣроломной жестокости противъ двухъ безпомощныхъ женщинъ.

— Клянусь честью, сударыня, возразилъ Дорвардъ: — клянусь славою моего дома, костями моихъ предковъ, что не могу быть виновенъ въ измѣнѣ и жестокости противъ васъ, даже, еслибъ за это мнѣ предложили всю Шотландію и Францію вмѣстѣ!

Тутъ между женщинами завязался разговоръ и Квентинъ, съ вѣжливостью человѣка благовоспитаннаго, поѣхалъ впередъ, какъ будто за тѣмъ, чтобъ сдѣлать проводнику нѣсколько вопросовъ на счетъ дороги.

Наконецъ стало свѣтать; луна давно уже закатилась подъ горизонтъ; разсвѣтъ началъ озарять востокъ и отражаться въ маленькомъ озерѣ, по берегу котораго ѣхалъ поѣздъ. Озеро находилось среди обширной равнины, покрытой разбросанными деревьями, рощицами и кустарниками, но которую почти можно было назвать открытою, такъ что нетрудно было видѣть предметы довольно ясно. Квентинъ взглянулъ на ѣхавшаго подлѣ него всадника и въ тѣни, отбрасываемой на его лицо широкими полями нахлобученной шляпы, похожей на *sombrero* испанскаго крестьянина, узналъ веселыя черты того самого Питиъ Андре, котораго пальцы, вмѣстѣ съ пальцами его степеннаго товарища Труазешелля, недавно еще такъ дѣятельно хлопотали около его горла. Движимый отвращеніемъ,

не безъ примѣси страха (потому что въ Шотландіи смотрять на палача почти съ суевѣрнымъ ужасомъ), Дорвардъ инстинктивно повернулъ голову лошади направо и, давъ ей шпоры, заставилъ сдѣлать полувольтъ, отдѣлившій его на нѣсколько шаговъ отъ этого ненавистнаго спутника.

— Го, го, го, го! воскликнулъ Питтъ Андре: — клянусь Богоматерью Лобнаго мѣста, нашъ молодой воинъ вспомнилъ, видно, стараго знаконца. — Что, товарищъ? Вы вѣдь не злопамятны, надѣюсь? Каждый добываетъ себѣ хлѣбъ въ этой сторонѣ. Никому не должно стыдиться того, что ему случилось побывать въ моихъ рукахъ: я дѣлаю свое дѣло такъ, что могу въ этомъ поспорить съ любымъ молодцомъ, который когда либо привязывалъ живое бремя къ мертвому дереву. И со всѣмъ тѣмъ, Богъ такъ милосердъ, что допускаетъ меня быть такимъ веселымъ малымъ — ха, ха, ха!...

Съ этими словами, онъ также повернулъ свою лошадь, чтобъ занять промежутокъ, оставленный между ними Шотландцемъ. — Полноте, сеньйоръ стрѣлокъ, началъ онъ снова: — какія между нами неудовольствія! Что до меня, я всегда исполняю свою обязанность безъ малѣйшей злобы и съ веселымъ сердцемъ; никогда не люблю я такъ человѣка, какъ въ то время, когда надѣну ему на шею тѣсное ожерелье, чтобъ посвятить его въ рыцари ордена святого Патибуларія, какъ капелланъ нашего профоса, достойный отецъ Ваконельдьябло, обыкновенно называетъ святого патрона объѣздной стражи уголовного судьи.

— Назадъ , гнусная тварь ! воскликнулъ Квентинъ, видя, что совершатель правосудія снова хочетъ къ нему приблизиться: — или ты введешь меня въ искушеніе показать тебѣ , какое разстояніе должно быть между людьми благородными и мерзавцемъ!

— О-го, да какой вы горячій! возразилъ Птиль Андре: — еслибъ вы сказали « между людьми честными, » тутъ еще было бы нѣсколько правды; но что до людей *благородныхъ*, нечего сказать, мнѣ каждый день приходится имѣть съ ними дѣло — такое же короткое и близкое, какъ и тогда, когда вы были въ моихъ рукахъ. Но миръ съ вами, оставайтесь одни! Я было хотѣлъ предложить бутылку оверньскаго, чтобъ смыть всякое неудовольствіе — да вѣдь вы, вѣроятно, погнушаетесь моею вѣжливостью... Такъ и быть! Будьте грубіяномъ сколько вамъ угодно — я никогда не ссорюсь съ своими знакомыми — моими скакунчиками, моими веселыми плясунами, моими миленькими забавниками, какъ мясникъ Жакъ называетъ своихъ овецъ, наконецъ съ тѣми, у которыхъ, какъ у вашей милости, на лбу ясно отпечатано: *пенька...* Нѣтъ, нѣтъ! пусть они обходятся со мною какъ хотятъ, я все-таки готовъ имъ служить: вы сами увидите, — когда въ другой разъ побываете въ рукахъ Птиль Андре, — что онъ умѣетъ прощать обиды.

Сказавъ это, подмигнувъ значительно въ подтвержденіе своихъ словъ и прицелкнувъ, какъ прицелкиваютъ всадники въ поощреніе лѣнливымъ лошадямъ, Птиль Андре переѣхалъ на другую сторону дороги, оставя молодому Шотландцу полную свободу перева-

ривать въ своемъ гордомъ желудкѣ насмѣшки, которыми онъ его мучилъ. Квентинъ сначала чувствовалъ сильное желаніе переломить на ребрахъ негодяя древко своего копья; но онъ обуздалъ свой гнѣвъ, вспомнивъ, что ссора съ человѣкомъ такого званія не принесла бы ему чести никогда и нигдѣ, и что въ особенности теперь подобнаго рода запальчивость была бы съ его стороны противна его обязанности и повела бы за собою самыя гибельныя слѣдствія. Размышленія эти были прерваны крикомъ обѣихъ дамъ: — Оглянитесь назадъ, оглянитесь назадъ! Ради самаго неба, не оставляйте насъ! за нами погоня!

Квентинъ поспѣшно оглянулся и увидѣлъ скакавшихъ къ нимъ двухъ всадниковъ, которые скоро должны были догнать его отрядъ. — Я думаю сказалъ онъ: — это кто нибудь изъ стражи уголовного судьи дѣлаетъ объѣздъ по лѣсу. — Посмотри, что тамъ такое, прибавилъ онъ, обратясь къ Штитъ Андре.

— Это, почтенный государь мой, отвѣчалъ онъ: — ни ваши товарищи, ни мои — ни стрѣлки, ни объѣздчики: я вижу на нихъ шлемы съ опущенными забралами и стальные нагрудники...

— Благородныя дамы, сказалъ Дорвардъ: — поѣзжайте впередъ — но не такъ скоро, чтобъ могли подумать, будто вы бѣжите; однако такъ, чтобъ воспользоваться задержкою, которою я попытаюсь приостановить нашихъ преслѣдователей.

Графиня Изабелла взглянула на молодого Шотландца и прошептала что-то своей теткѣ, которая обратилась къ Квентину: — Мы полагаемся на васъ, пре-

красный стрѣлокъ, и скорѣе готовы подвергнуться какой бы то ни было опасности въ вашемъ обществѣ, нежели ѣхать впередъ съ этимъ человѣкомъ, котораго лицо, какъ мнѣ кажется, не предвѣщаетъ ничего добраго.

— Пусть будетъ по вашему, графиня, сказалъ Квентинъ: — за нами скажутъ только двое; хоть они и рыцари, что видно по ихъ латамъ, однако, если у нихъ злыя намѣренія, они узнаютъ, какъ шотландскій дворянинъ сѣмѣетъ исполнить свой долгъ въ присутствіи и для защиты такихъ особъ, какъ вы. — Кто изъ васъ, продолжалъ онъ, обратясь къ своимъ подчиненнымъ: — хочетъ стать подлѣ меня и сломать копье съ однимъ изъ этихъ храбрецовъ?

Двое изъ его отряда по видимому колебались, но третій, Бертранъ Гюйо, клялся, что, будь это хоть рыцари круглаго стола короля Артура, онъ сразится съ ними въ честь Гасконіи!

Между тѣмъ два рыцаря подскакали къ поѣзду. На обоихъ всадникахъ была полная броня изъ полированной стали, но безъ всякаго девиза, по которому можно было бы узнать ихъ. Одинъ изъ нихъ, когда они приблизились, закричалъ Квентину: — Посторонитесь, господинъ оруженосецъ! мы хотимъ освободить васъ отъ должности, которая выше вашего сана и званія. Вы хорошо сдѣлаете, если передадите этихъ дамъ нашему попеченію; намъ приличнѣе служить имъ, тѣмъ болѣе, что подъ вашею защитою онѣ все равно, что плѣнницы.

— Въ отвѣтъ на ваше требованіе, господа, возра-

зиль Дорвардъ: — знайте, во первыхъ, что я исполняю обязанность, возложенную на меня моимъ теперешнимъ государемъ; а во вторыхъ, какъ бы недостойнъ я ни былъ, дамы желаютъ остаться подъ моею защитою.

— Прочь, сударь! вскричалъ одинъ изъ витязей: — неужели ты, странствующій нищій, вздумаешь противиться посвященнымъ рыцарямъ?

— Непремѣнно буду противиться вашему дерзкому и противозаконному требованію; а если есть какое-нибудь различіе въ нашемъ званіи, что еще не доказано, ваша невѣжливость устранила его. Обнажайте мечи, или, если хотите сражаться на копьяхъ, очищайте себѣ ристалище!

Пока рыцари повернули своихъ лошадей и отъѣзжали назадъ шаговъ на полтораста, Квентинъ, взглянувъ на дамъ, преклонился къ самой лукѣ сѣдла, какъ будто прося ихъ благосклоннаго взгляда; онѣ махали ему въ знакъ одобренія платками, а между тѣмъ нападающіе отдалились на разстояніе, которое имъ было нужно.

Крикнувъ Гасконцу, чтобъ онъ не робѣлъ, Дорвардъ далъ шпоры своему коню, и четыре бойца на всемъ скаку встрѣтились посрединѣ раздѣлявшаго ихъ поприща. Сшибка была пагубна бѣдному Гасконцу: противникъ его, направившій свое копье прямо въ лицо Бертрана Гюйо, незащищенное забраломъ, попалъ ему въ глазъ и пронзилъ голову, такъ что бѣднякъ повалился на землю мертвый.

Квентинъ, имѣвшій ту же невыгоду, уклонился

такъ ловко, что непріятельское копье, слегка опаравъ ему лицо, прошло надъ правымъ плечомъ; тогда какъ собственное его копье, поразивъ противника прямо въ грудь, повергло его съ коня. Квентинъ соскочилъ на землю, чтобъ снять шлемъ съ павшаго непріятели; но другой рыцарь, до тѣхъ поръ неговорившій ни слова, видя несчастіе своего товарища, соскочилъ съ лошади еще скорѣе Квентина и, перешагнувъ черезъ своего лежавшаго безъ чувствъ сподвижника, воскликнулъ: — Во имя Бога и св. Мартина, садись на коня, пріятель, и убирайся съ своими женщинами! *Ventre Saint gris*, онѣ уже и то надѣлали довольно хлопотъ сегодня утромъ!

— Съ вашего позволенія, господинъ рыцарь, отвѣчалъ Квентинъ, которому не нравился угрожающій тонъ этого совѣта: — я сперва посмотрю, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, чтобъ узнать кому должно будетъ отвѣчать за смерть моего товарища.

— До этого ты никогда не доживешь! сказалъ рыцарь. — Убирайся съ миромъ, молодецъ! Если мы были такъ глупы, что помѣшали вашему путешествію, такъ намъ же хуже, потому что ты надѣлалъ больше зла, нежели сколько можно было бы искупить смертью всего твоего отряда, не исключая и тебя самого. — Но ужь если тебѣ этого непременно *хочется* (потому что Квентинъ обнажилъ мечъ и приближался къ нему), такъ вотъ тебѣ съ лихвою!

Сказавъ это, онъ нанесъ Шотландцу такой ударъ по шлему, о какомъ онъ (хотя и воспитанный въ странѣ добрыхъ ударовъ) читалъ только въ романсахъ и бал-

ладахъ. Мечъ рыцаря спустился на него какъ перунъ, отбилъ оружіе, поднятое молодымъ воиномъ для защиты головы, и разрубилъ его стальной шлемъ до того, что даже коснулся волосъ на головѣ Квентина, не сдѣлавъ ему, однако, дальнѣйшаго вреда. Шотландецъ, оглушенный, ошеломленный и повергнутый на одно колѣно, былъ на мгновеніе во власти рыцаря, еслибъ тому вздумалось нанести другой такой же ударъ. Но, можетъ быть, щадя молодость Дорварда, удивляясь его храбрости, или изъ великодушнаго желанія честнаго боя, рыцарь удержался и не воспользовался своимъ преимуществомъ. Дорвардъ, однако, пришелъ въ себя, вскочилъ на ноги и напалъ на своего непріятеля со всею стремительностью человѣка, рѣшившагося побѣдить или умереть, и со всѣмъ присутвіемъ духа, необходимымъ для битвы съ такимъ грознымъ противникомъ. Не желая подвергать себя снова ужаснымъ ударамъ рыцаря, онъ старался пользоваться преимуществомъ ловкости и быстроты, которыя увеличивались отъ сравнительной легкости его вооруженія, и принялся утомлять своего противника быстрыми и неожиданными нападеніями съ разныхъ сторонъ, съ такою ловкостью и стремительностью, что рыцарь, въ тяжелой бронѣ своей, не могъ безъ значительной усталости защищаться отъ жаркихъ атакъ молодого Шотландца.

Напрасно этотъ великодушный противникъ громко кричалъ Квентину, что такъ какъ уже не осталось никакого повода продолжать бой, то онъ не хотѣлъ бы быть вынужденнымъ нанести ему какой-нибудь

вредъ. Внимая только внушеніямъ пылкаго желанія искупить стыдъ своего временнаго пораженія, Дорвардъ неумолимо продолжалъ нападать на рыцаря съ быстройю молніею, грозилъ ему то лезвеемъ, то остриемъ меча, и всегда слѣдя съ величайшимъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ противника, въ превосходной силѣ котораго онъ имѣлъ грозное доказательство, старался, въ случаѣ нужды, отскочить въ бокъ или назадъ изъ-подъ страшныхъ его ударовъ.

— Чтобъ чертъ побрала этого упрямаго, самонадѣяннаго дурака, который не можетъ успокоиться, пока его не свалить! пробормоталъ рыцарь, и, перемѣнивъ родъ сраженія, сталъ въ оборонительную позицію, какъ будто довольствуясь только отраженіемъ ударовъ, безпрестанно направляемыхъ на него Квентиномъ, и внутренно рѣшившись кончить единоборство однимъ ударомъ, лишь только усталость или какое-нибудь ошибочное движеніе молодого воина дадутъ ему къ тому случай. Вѣроятно, онъ и успѣлъ бы исполнить свое намѣреніе, но судьба расположила иначе.

Бой былъ въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ къ мѣсту сраженія подѣхалъ отрядъ всадниковъ, и кто-то изъ нихъ воскликнулъ: «остановитесь, именемъ короля!» Бойцы отступили назадъ — и Квентинъ съ удивленіемъ увидѣлъ своего начальника, лорда Крауфорда, въ головѣ отряда, прервавшаго такимъ образомъ ихъ единоборство. Въ числѣ новоприбывшихъ былъ также Тристанъ Пустынный съ двумя или тремя изъ своихъ подчиненныхъ — всего набралось всадниковъ до двадцати.

XV.

ПРОВОДНИКЪ.

Рыцарь, сбросивъ съ себя шлемъ, поспѣшно отдалъ свой мечъ лорду Крауфорду, говоря: — Крауфордъ, я сдаюсь; но подите сюда, дайте шепнуть вамъ одно слово: ради самого Бога, спасите герцога орлеанскаго!

— Какъ? что? герцога орлеанскаго! воскликнулъ шотландскій баронъ: — какъ это случилось, во имя лукаваго врага? — Да это навѣчно погубить бѣдняка въ мнѣнїи короля.

— Не спрашивайте, сказалъ Дюнуа (потому что это былъ Дюнуа): — всему я виноватъ. Смотрите, онъ сдѣлалъ движеніе. Я выступилъ только за тѣмъ, чтобъ захватить ту красавицу, сдѣлаться владѣльцемъ, женившись на ней, — и вотъ что изъ этого вышло. Осадите назадъ эту сволочь, чтобъ никто его не видѣлъ! — Съ этими словами, онъ поднялъ забрало шлема у орлеанскаго и брызгалъ ему въ лицо водою, которую зачерпнулъ въ близъ лежащемъ озерѣ.

Квентинъ Дорвардъ, между тѣмъ, стоялъ какъ оглушенный: такъ быстро сыпались на него новыя приключенія. Теперь, какъ ему ясно показало блѣдное лицо его перваго противника, онъ низвергъ на землю перваго принца королевской крови и помѣрялся мечемъ съ первымъ воиномъ Франціи, знаменитымъ Дюнуа: оба эти подвига были, конечно, почетны; но можно

ли ихъ будетъ назвать услугою королю, и такъ ли онъ ихъ прійметъ, — это еще былъ вопросъ нерѣшенный.

Между тѣмъ, герцогъ пришелъ въ себя и былъ въ состояннн сидѣть и видѣть происходившее между Крауфордомъ и Дюнуа. Дюнуа съ жаромъ доказывалъ старому Шотландцу, что нѣтъ никакой нужды упоминать имени благороднѣйшаго изъ орлеанскихъ, когда онъ, Дюнуа, готовъ взять всю вину на свои плечи и утверждать, что герцогъ послѣдовалъ за нимъ только изъ дружбы.

Лордъ Крауфордъ продолжалъ слушать, не поднимая глазъ, и только вздыхалъ по временамъ, покачивая головою; наконецъ, онъ сказалъ: — Ты знаешь, Дюнуа, что ради отца твоего и ради самого тебя я охотно готовъ оказать тебѣ услугу.

— Для себя я не прошу ничего, отвѣчалъ Дюнуа: — мечъ мой у тебя, и я твой плѣнникъ — чего еще надобно?... Но дѣло идетъ объ этомъ благородномъ принцѣ, единственной надеждѣ Франціи, если Богъ призоветъ къ себѣ дофина. Онъ пріѣхалъ сюда только за тѣмъ, чтобъ сдѣлать мнѣ одолженіе и помочь въ такомъ дѣлѣ, которое одобрялъ отчасти самъ король.

— Дюнуа, возразилъ Крауфордъ: — еслибъ другой кто сталъ меня увѣрять, что ты втянулъ благороднаго принца въ такую бѣду изъ личныхъ видовъ, я бы сказалъ ему, что онъ лжетъ. А теперь, хоть ты и самъ мнѣ это доказываешь, я едва могу вѣрить, чтобъ ты говорилъ правду.

— Благородный Крауфордъ, сказалъ Людовикъ

Орлеанскій, уже совсѣмъ оправившійся отъ обморока: вы такъ похожи характеромъ на друга своего Дюнуа, что должны отдать ему справедливость. Я привлеку его сюда противъ его желанія; я причиною, что онъ принялъ участіе въ необдуманномъ и опрометчивомъ предпріятіи. — Смотрите на меня всѣ, кто захочетъ, прибавилъ онъ, вставъ на ноги и обратясь къ стражѣ: — я Людовикъ Орлеанскій, готовый перенести наказаніе за свое безуміе. Я увѣренъ, что король будетъ справедливъ и обратитъ весь свой гнѣвъ на меня одного. А такъ какъ французскій принцъ не долженъ отдавать своего меча никому, — ни даже вамъ, благородный Крауфордъ, — то прощай, добрая сталь!

Съ этими словами онъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ и бросилъ его далеко въ озеро. Оружіе пронеслось въ воздухѣ, какъ молнія, и утонуло въ прозрачныхъ водахъ, которыя скоро слились надъ нимъ. Всѣ стояли въ удивленіи и нерѣшимости: такъ высокъ былъ санъ виновнаго и такъ уважаемъ былъ его характеръ; но всѣ были внутренно убѣждены, что слѣдствія его необдуманнаго поступка, принимая въ соображеніе виды короля на Людовика Орлеанскаго, вѣроятнѣе всего должны погубить его.

— Дюнуа первый прервалъ молчаніе тономъ обиженнаго, недостойнаго довѣренностью друга: — Вотъ! вашему высочеству угодно было бросить отъ себя лучшій свой мечъ въ то самое утро, когда вы рѣшились пренебречь королевскою милостью и дружбою Дюнуа!

— Любезный родственникъ! возразилъ герцогъ: —

развѣ я показаль намѣреніе пренебречь твоею дружбой, сказавъ правду, когда это было нужно для твоей безопасности и для моей чести?

— Какое вамъ было дѣло до моей безопасности, государь и кузень мой, желаль бы я знать? сказалъ Дюнуа сердито: — что вамъ за надобность, во имя самого Бога, мѣшать мнѣ, если я имѣль намѣреніе быть повѣшеннымъ или удавленнымъ, или брошеннымъ въ Луару, заколотымъ, колесованнымъ, подвѣшеннымъ за живо въ желѣзной клѣткѣ, или за живо погребеннымъ въ какой нибудь ямѣ замка, или чтобъ со мной поступили какимъ бы то ни было способомъ, какимъ заблагоразсудилось бы королю Людовику?... Вамъ нечего хмуриться и мигать, показывая на Тристана-Пустынника: я вижу этого мерзавца также хорошо, какъ и вы. Но со мною, можетъ быть, и не поступили бы такъ строго, — такъ нечего было и думать о моей безопасности. А что до вашей собственной чести — клянусь румянцемъ стыдливости св. Магдалины! мнѣ кажется, что почетнѣе было бы не подвергаться подвигу сегодняшняго утра или скрыть это дѣло. Вотъ, ваше высочество были вышибены изъ сѣдла дикимъ шотландскимъ мальчикомъ.

— Стойте, стойте! сказалъ лордъ Крауфордъ: — его высочеству тутъ еще нечего стыдиться. Не въ первый разъ шотландскій мальчикъ поражаетъ доброе копьё... Я доволенъ тѣмъ, что этотъ малой хорошо вель себя.

— Не стану спорить, возразилъ Дюнуа: — однако, еслибъ милордъ пріѣхаль сюда немножко попозже,

такъ немудрено, что очистилась бы ваканція въ спискѣ вашихъ стрѣлковъ.

— Да, да, отвѣчалъ лордъ Крауфордъ: — я уже прочиталъ твое рукодѣлье на этомъ разсѣченномъ шишакѣ. — Эй, кто нибудь! взять у этого молодца шишакъ и дать ему шапку, которая лучше защитила бы ему голову своимъ стальнымъ подбоемъ, нежели этотъ хламъ. — А между тѣмъ, позвольте замѣтить вамъ, милордъ, что и на вашей стальной бронѣ я читаю добрыя шотландскія письма. — Но, Дюнуа, я долженъ просить тебя и герцога орлеанскаго сѣсть на коней и ѣхать со мною, потому что мнѣ поручено доставить васъ въ одно мѣсто, котораго бы я самъ никогда вамъ не назначилъ.

— Могу ли сказать хоть одно слово этимъ дамамъ, милордъ Крауфордъ? сказалъ герцогъ орлеанскій.

— Ни полслова, отвѣчалъ лордъ Крауфордъ. — Я такъ люблю ваше высочество, что не допущу васъ до такого безразсудства. — Потомъ онъ прибавилъ, обратясь къ Дорварду: — Ты, молодой человѣкъ, исполнилъ свою обязанность какъ слѣдуетъ. Отправляйся далѣе по данному тебѣ порученію.

— Съ вашего позволенія, милордъ, сказалъ Триставъ съ обычною своею грубостью: — юноша этотъ долженъ искать себѣ другого проводника. Я не могу обойтись безъ Птитъ Андре, когда очень вѣроятно, что ему скоро будетъ работа.

— Молодому человѣку, сказалъ выѣхавшій въ это время впередъ Птитъ Андре: — остается только дер-

жаться дороги, которая прямо лежитъ передъ нимъ; она приведетъ его къ мѣсту, гдѣ онъ найдетъ чело-вѣка, назначеннаго ему въ проводники. — Я бы и за тысячу червонцевъ не согласился отстать отъ своего начальника на сегодняшній день! Мнѣ случалось таки вѣшать многихъ рыцарей, и дворянъ, и богатыхъ сановниковъ, и бургомистровъ къ нимъ на при-дачу — даже графы и маркизы пользовались моимъ рукодѣльемъ — но, гм!... Онъ посмотрѣлъ на герцога, какъ будто намекая, что пробѣлъ въ его спи-скѣ будетъ пополненъ принцемъ крови. — Го-го-го! Птитъ Андре, твое имя будутъ читать въ лѣтописяхъ Франціи!

— И ты позволяешь своимъ мерзавцамъ говорить подобныя рѣчи въ присутствіи такихъ особъ? сказалъ Крауфордъ, строго глядя на Тристана.

— Почему вы его сами не остановите, милордъ? отвѣчалъ угрюмо Тристанъ.

— Потому что изъ всѣхъ, кто здѣсь есть, одна только твоя рука можетъ побить его, не унижая этимъ своего достоинства.

— Такъ управляйте вашими людьми, милордъ, а я буду отвѣчать за своихъ, возразилъ уголовный судья.

Лордъ Крауфордъ готовъ былъ дать ему гнѣвный отвѣтъ, но, какъ будто одумавшись, обернулся спи-ною къ Тристану и, попросивъ Дюнуа и герцога орле-анскаго ѣхать съ нимъ рядомъ по обѣ стороны, сдѣ-лалъ прощальный знакъ дамамъ и сказалъ Квентину: — Да благословить тебя Богъ, дитя мое! Ты началъ

свою службу доблестно, хотя и въ самомъ злополучномъ дѣлѣ. — Онъ уже готовъ былъ тронуться, когда Квентинъ услышалъ, что Дюнуа шепнулъ Крауфорду: — Ты везешь насъ въ Плесси?

— Нѣтъ, несчастный и опрометчивый другъ мой, отвѣчалъ Крауфордъ со вздохомъ: — въ Лошъ.

— Въ Лошъ!...

Имя замка, или скорѣе темницы, болѣе страшной, нежели самъ Плесси, поразило слухъ молодого Шотландца смертельнымъ ужасомъ. Онъ слыхалъ, что Лошъ предназначался для исполненія тѣхъ тайныхъ жестокостей, которыми даже Людовикъ стыдился осквернять внутренность своего собственнаго мѣстопребыванія. Въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, однѣ подземныя темницы были расположены подъ другими, и о многихъ не знали даже сами тюремщики: то были могилы для живыхъ, въ которыя опускали людей на весь остатокъ ихъ существованія, чтобъ они провели его тамъ, дыша нечистымъ воздухомъ и питаясь хлѣбомъ и водою. Въ этомъ страшномъ замкѣ были также тѣ ужасныя мѣста заточенія, называемыя *клетками*, въ которыхъ злополучному плѣннику нельзя было ни стоять прямо, ни вытянуться во всю длину своего тѣла, — изобрѣтеніе, какъ говорятъ, кардинала Балю (*). Немудрено, что одно названіе такого мѣста ужасовъ и убѣжденіе, что онъ отчасти содѣйствовалъ отправленію туда двухъ знаменитыхъ жертвъ, поразило

(*) Который самъ просидѣлъ въ такой клеткѣ больше одиннадцати лѣтъ.

сердце молодого Шотландца такою горестью, что онъ ѣхалъ нѣсколько времени повѣсивъ голову, потупя взоры и погруженный въ самыя горестныя размышленія.

Когда онъ снова очутился въ головѣ своего маленькаго отряда, графиня Амелина нашла случай сказать ему: — Мнѣ кажется, храбрый защитникъ нашъ, вы сожалѣете о побѣдѣ, одержанной вами сейчасъ въ защиту нашей чести?

Въ вопросѣ этомъ заключалось что-то похожее на иронию, но Квентинъ былъ такъ благоразуменъ, что отвѣчалъ просто и откровенно: — Я не могу сожалѣть ни о чемъ, что сдѣлано для защиты такихъ дамъ, какъ вы; но мнѣ кажется, что будь это не вредно вашей безопасности, я бы лучше согласился пасть отъ меча такого славнаго воина, какъ Дюнуа, нежели быть причиною заключенія этого знаменитаго рыцаря и его несчастнаго родственника, герцога Орлеанскаго, въ страшныхъ темницахъ.

— Такъ это былъ герцогъ Орлеанскій? сказала старшая дама, обратясь къ своей племянницѣ: — Я догадывалась, не смотря на разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ битвы... Видишь ли, племянница, чѣмъ бы мы могли быть, еслибъ этотъ лукавый и скаредный король позволилъ намъ жить открыто при своемъ дворѣ? Первый принцъ французской королевской крови и доблестный Дюнуа, котораго имя столько же славно, какъ имя его героя-отца!.. Этотъ молодой дворянинъ, конечно, исполнилъ свой долгъ храбро и благородно; но, по моему, отчасти жаль, что онъ не палъ съ

честью, потому что его неумѣстная храбрость помѣшала этимъ высокимъ похитителямъ.

Графиня Изабелла отвѣчала твердымъ, почти недовольнымъ тономъ, и съ такимъ жаромъ, какого Квентинъ никогда еще не замѣчалъ въ ней: — Тетушка, еслибъ я не была увѣрена, что вы шутите, я сказала бы, что ваши слова обнаруживаютъ неблагодарность къ нашему благородному защитнику, которому мы обязаны, можетъ быть, больше, нежели вы думаете. Еслибъ этимъ рыцарямъ удалось ихъ безразсудное предпріятіе и они разбили бы отрядъ нашъ, — развѣ не ясно, что намъ пришлось бы раздѣлять плѣнь ихъ, когда прибыла бы королевская стража? Что касается до меня, я оплакиваю храбраго, павшаго за насъ, и скоро закажу паннихиды за упокой души его; я увѣрена, прибавила она съ большею робостью: — что оставшіяся въ живыхъ прійметъ мою искреннюю признательность.

Когда Квентинъ обернулся къ графинѣ Изабеллѣ, чтобъ отблагодарить ее за такой лестный отзывъ, она увидѣла кровь, текшую еще по щекѣ его, и воскликнула съ глубокимъ чувствомъ: — Святая Дѣва, онъ раненъ, онъ въ крови! Скорѣе съ коня! вамъ надобно перевязать рану!

Не смотря на всѣ доказательства Дорварда, что рана его вовсе незначительна, онъ долженъ былъ слѣзть съ лошади, усѣсться на прибережьи озера и снять шлемъ, тогда какъ графини де-Круай, которыя по обычаю, еще тогда не устарѣвшему, имѣли нѣкоторыя познанія въ врачебномъ искусствѣ, обмыли его

рану, остановили кровь и перевязали ему щеку платкомъ младшей графини, чтобъ не допустить прикосновенія къ ранѣ воздуха — такъ тогда предписывали правила.

Путешественники снова продолжали путь и Квентинъ уже ѣхалъ рядомъ съ дамами, въ общество которыхъ казался безмолвно принятымъ. Однако, онъ говорилъ мало, преисполненный внутреннимъ чувствомъ благодарности къ прекрасной графинѣ за ея нѣжное участіе. Изабелла говорила еще меньше, такъ что разговоръ поддерживала только тетка ея, не показывавшая желанія прекратить его; для посвященія молодого стрѣлка въ правила и поступки рыцарства, рассказала ему всѣ подробности гафлингемскаго турнира, на которомъ она раздавала награды побѣдителямъ.

Не очень занятый описаніемъ этого торжества (сознаемся съ горестью), или геральдическими украшеніями разныхъ французскихъ и германскихъ рыцарей, о которыхъ графиня распространялась съ безжалостною точностью, Квентинъ началъ беспокоиться о томъ, не проѣхалъ ли онъ мѣсто, въ которомъ долженъ былъ найти проводника. Такое обстоятельство было бы для путешественниковъ большимъ несчастіемъ, и еслибъ оно случилось, то могли бы произойти весьма важныя послѣдствія.

Пока Квентинъ размышлялъ, не лучше ли будетъ отправить назадъ кого нибудь изъ своего отряда, чтобъ увѣриться, не ошибся ли онъ, — вдругъ онъ услышалъ звукъ рога и, взглянувъ по направленію, откуда раздался этотъ звукъ, увидѣлъ всадника, весьма скоро

къ нимъ приближавшагося. Малый ростъ, дикость, неукротимость и мохнатость коня его напомнили Дорварду о горной породѣ шотландскихъ лошадей; но члены приближавшагося къ нимъ коня были тоньше, и, хотя онъ казался такимъ же бойкимъ и горячимъ, но движенія были быстрѣе, нежели у горныхъ лошадей квентиновой родины. Въ особенности, голова животнаго, которая у шотландскихъ *попи* большею частію неуклюжа, была маленькая и красивая, шея граціозная, скулы тонкія, ноздри раздувались, а большіе глаза блестѣли яркимъ огнемъ.

Наружность всадника была еще необыкновеннѣе, нежели наружность лошади, на которой онъ ѣхалъ, хотя конь его и не походилъ на коней французскихъ. Всадникъ управлялъ лошадыю очень искусно, сидѣлъ въ сѣдлѣ опустивъ ноги въ широкія стремяна, походившія на лопаты и повѣшенныя такъ коротко, что колѣни чуть не находились на одной высотѣ съ сѣдельною лукою. На немъ была небольшая красная чалма, съ грязнымъ перомъ, прикрѣпленнымъ серебряною пряжкой; полукафтанье, зеленаго цвѣта, вычурно-обшитое золотыми галунами; очень широкіе бѣлые шальвары, также не очень чистые, подобранные ниже колѣнъ; загорѣлыя ноги всадника, совершенно босыя, только опутывались шнурками, которыми привязаны были сандалии; онъ не носилъ шпоръ, потому что углы широкихъ стремянъ его были такъ остры, что могли бы привести въ повиновеніе любую лошадь. За яркимъ малиновымъ кушакомъ заткнуты были съ правой стороны кинжалъ, а съ лѣвой корот-

кая кривая мавританская сабля; на замаранной перевязи висѣлъ черезъ плечо рогъ, которымъ онъ и возвѣстилъ о своемъ приближеніи. Лицо незнакомца было темносмугло и загорѣло отъ солнца, глаза черные, пронизательные, борода рѣдкая, ротъ и носъ красивые, и вообще лицо его могло бы даже показаться привлекательнымъ, еслибъ не окружалось черными косичками, въ которыя заплетены были волосы, и еслибъ физіономія не выражала дикости и изнуренія, отчего скорѣе и напоминала дикаря, нежели жителя страны просвѣщенной.

— Опять цыганъ! сказали дамы одна другой. — Святая Марія, ужели король опять довѣряется этимъ бродягамъ?

«Я разспрошу его, если вамъ угодно, сказала Квентинъ: — и постараюсь испытать его вѣрность, сколько будетъ возможно.»

Дорвардъ, также, какъ и графини де-Круай, по одеждѣ и наружности всадника узналъ, что онъ принадлежалъ къ племени бродягъ, съ которыми его самого чуть не смѣшала посмѣшность Труазешелля и Птитъ-Андре: поэтому онъ опасался довѣриться чело-вѣку, принадлежавшему къ числу этихъ ненадежныхъ скитальцевъ. — Ты насъ ищешь? былъ первый вопросъ Квентина.

Незнакомецъ кивнулъ головою.

— А зачѣмъ?

— Чтобъ провести васъ во дворецъ того... лит-тихскаго.

— Епископа?

Цыганъ снова кивнулъ.

— Чѣмъ ты докажешь, что мы должны тебѣ вѣрить?

— Старинною пѣсней и ничѣмъ болѣе, отвѣчалъ цыганъ:

— Пажъ убилъ вепря,

А перъ этимъ хвасталъ.

— Вѣрный знакъ, сказалъ Квентинъ: — Веди насъ, пріятель; я сейчасъ еще поговорю съ тобою. Подъѣхавъ къ дамамъ, онъ сказалъ: — Я увѣренъ, что человѣкъ этотъ дѣйствительно ожидаемый нами проводникъ, потому что онъ выговорилъ условленное слово, извѣстное, какъ мнѣ кажется, только королю и мнѣ. Но я постараюсь разспросить его подробнѣе, чтобъ узнать, до какой степени на него можно положиться.

XVI.

БРОДЯГА.

Квентинъ снова подѣхалъ къ цыгану и сказалъ ему въ то время, когда тотъ, свѣшившись на конѣ, старался разсмотрѣть незнакомыхъ ему особъ: — Мнѣ кажется, пріятель, ты будешь слѣпымъ проводникомъ, если станешь пристальнѣе смотрѣть на хвостъ своей лошади, нежели на уши.

Цыганъ, услыхавъ голосъ Дорварда, быстро

услѣлся на конѣ въ естественномъ положеніи и отвѣчалъ:

— Да еслибъ я и дѣйствительно былъ слѣпъ, такъ и тогда могъ бы провести васъ вдоль и поперегъ всей Франціи и сосѣднихъ съ нею странъ.

— Однако, ты не французскій уроженецъ?

— Нѣтъ.

— Изъ какой же ты страны?

— Не изъ какой.

— Какъ? у тебя нѣтъ отечества? сказалъ Шотландецъ.

— Да, отвѣчалъ проводникъ. — Я Зингаро, Богемецъ, Цыганъ, Египтянинъ, или какъ тамъ еще Европейцамъ на ихъ разныхъ языкахъ угодно называть насъ, — но у меня нѣтъ отечества.

— Ты христіанинъ?

Цыганъ покачалъ головою.

— Собака! вскричалъ Квентинъ (въ тѣ времена католицизмъ не отличался вѣротерпимостью): — Ты поклоняешься Мухаммеду?

— Нѣтъ! былъ равнодушный и лаконическій отвѣтъ проводника, который, повидимому, не обидѣлся и не казался удивленнымъ запальчивостью молодого человѣка.

— Такъ ты язычникъ, что ли?

— У меня нѣтъ никакой религіи, отвѣчалъ цыганъ.

Дорвардъ отшатнулся. Хоть онъ и слышалъ о Сарацинахъ и язычникахъ, но ему никогда не приходило въ голову, чтобъ могли существовать люди,

которые никому не поклоняются. Онъ наконецъ нѣсколько опомнился отъ своего удивленія и спросилъ проводника, гдѣ онъ обыкновенно живетъ.

— Гдѣ случится, отвѣчалъ цыганъ: — У меня нѣтъ постоянного жилища.

— Гдѣ же ты берегаешь свое имущество?

— Кромѣ одежды, которая на мнѣ, и коня, на которомъ я ѣзжу, у меня нѣтъ имущества.

— Однакожь, ты одѣтъ щеголемъ и ѣдишь молодцомъ, сказалъ Дорвардъ: — Какъ же ты существуешь?

— Я ѣмъ, когда голоденъ, пью, когда чувствую жажду, и не имѣю другихъ способовъ къ существованію, кромѣ тѣхъ, которые наслѣтъ мнѣ случай.

— Подъ чьими законами живете вы?

— Я не признаю надъ собою ни чьей власти, кромѣ той, которая мнѣ нравится, или которая идетъ къ моимъ потребностямъ.

— Кто вашъ предводитель? кто повелѣваетъ вами?

— Отецъ нашего племени, когда я считаю за нужное повиноваться ему, отвѣчалъ скиталецъ: — иначе, у меня нѣтъ повелителей.

— Такъ у васъ, сказалъ удивленный Шотландецъ: — нѣтъ ничего, чѣмъ соединяются между собою другіе люди: у васъ нѣтъ ни законовъ, ни предводителей, ни постоянныхъ способовъ существованія, ни дома, ни крова?.. У васъ, — да сжалится надъ вами небо! — нѣтъ отечества, и, — да просвѣтитъ и помилуетъ васъ небо! — нѣтъ Бога?... Что же остается вамъ, лишеннымъ правительства, домашняго счастья и религіи?

— Свобода! отвѣчалъ цыганъ. — Я не пресмыкаюсь ни передъ кѣмъ, не повинуюсь никому, никого не почитаю. Я иду куда хочу, живу какъ могу, умру, когда пробьетъ мой часъ.

— Но тебя могутъ казнить немедленно, если только это вздумается судьямъ.

— Пусть такъ, возразилъ цыганъ: — отъ этого я могу только умереть скорѣе.

— Тебя могутъ бросить въ темницу: гдѣ же тогда свобода, которою ты хвастаешь?

— Въ моихъ мысляхъ, которыхъ не могутъ сковать никакія узы, между тѣмъ, какъ вы, даже когда ваши члены свободны, все-таки связаны своими законами и предразсудками, мечтами о мѣстной привязанности и сумасбродными понятіями о гражданскихъ обязанностяхъ. Люди, подобные мнѣ, свободны духомъ, даже когда члены наши въ цѣпяхъ; вы же окованы духомъ, когда ваши члены пользуются самою полною свободою.

— Но свобода вашихъ мыслей не облегчаетъ давленія оковъ на вашихъ членахъ? сказалъ Шотландецъ.

— Можно перенести это на короткое время, отвѣчалъ бродяга: — Если, между тѣмъ, я не найду способа выпутаться, или если не выручатъ меня товарищи, я все-таки могу умереть, — а смерть самая совершенная свобода!

Настало на нѣсколько минутъ глубокое молчаніе; Квентинъ прервалъ его новыми разспросами. — Племя

ваше кочуетъ по свѣту, и неизвѣстно Европейцамъ откуда оно происходитъ?

— Этого я не могу вамъ сказать.

— Когда оно очиститъ отъ себя это государство и возвратится въ страну, изъ которой вышло?

— Когда кончится срокъ сего скитальничества, отвѣчалъ цыганъ.

— Не происходитъ ли оно отъ племенъ Израиля, увлеченныхъ въ плѣнъ за великую рѣку Евфратъ? сказалъ Квентинъ, забывшій учености, которой набрался въ Эбербротикъ.

— Еслибъ это было такъ, мы слѣдовали бы вѣрѣ Евреевъ и исполняли бы ихъ обряды, отвѣчалъ бродяга.

— Твое имя?

— Настоящее имя мое извѣстно только моимъ собратямъ; другіе же люди называютъ меня Гайрадиномъ Мограбиномъ, то есть «Гайрадиномъ, африканскимъ Мавромъ».

— Ты говоришь слишкомъ хорошо для человѣка, прожившаго весь свой вѣкъ въ вашемъ гнусномъ таборѣ.

— Я научился кое чему въ здѣшней землѣ, сказалъ Гайрадинъ: — Когда я былъ ребенкомъ, племя наше преслѣдовали охотники за человѣческимъ мясомъ. Стрѣла пробила голову моей матери, и она умерла. Я былъ тогда завернуть въ простыню и висѣлъ за ея плечами — преслѣдователи взяли меня. Какой-то монахъ выпросилъ меня у стрѣлковъ профоса и года два воспитывалъ во франкскомъ ученіи.

— Какъ же ты съ нимъ разстался?

— Я укралъ у него деньги, даже Бога, которому онъ поклонялся, отвѣчалъ Гайрадинъ совершенно спокойно: — Онъ узналъ объ этомъ и побилъ меня; я зарѣзалъ его ножомъ, убѣжалъ въ лѣсъ и снова присоединился къ своему племени.

— Злодѣй! вскричалъ Дорвардъ: — ты убилъ своего благодѣтеля?

— Кто просилъ его обременять меня своими благодѣянiями?... Цыганскiй мальчикъ не могъ быть дворовою собакой, чтобъ лизать пятки своего господина и пресмыкаться подъ его ударами изъ-за какихъ нибудь крохъ: это былъ волченокъ въ неволѣ, который при первомъ же случаѣ оборвалъ свою цѣпь, растерзалъ своего властелина и опять возвратился въ дикіе лѣса.

Снова настало молчаніе; молодой Шотландецъ, желая подробнѣе узнать характеръ и намѣренія подозрительнаго проводника, спросилъ Гайрадина: — Правда ли, что твой народъ, среди своего невѣжества, имѣетъ притязаніе на знаніе будущаго, которое не досталось мудрецамъ, философамъ и гадателямъ просвѣщеннаго общества?

— Мы имѣемъ такія притязанія, отвѣчалъ Гайрадинъ: — и не безъ причины.

— Какъ возможно, чтобъ такой высокiй даръ удѣленъ былъ такому отверженному племени? сказалъ Квентинъ.

— Могу ли отвѣчать на твой вопросъ? возразилъ Гайрадинъ: — Конечно, могу, но не прежде того,

когда ты объяснишь мнѣ, почему собака умѣетъ отличить слѣдъ человѣка, тогда какъ онъ, существо благороднѣе пса, не въ силахъ разузнуть слѣдъ собаки? Эта наука, которая кажется вамъ такою чудною, врожденна нашему племени. Разбирая линіи на лицѣ и на рукѣ, мы можемъ предсказать будущую судьбу тѣхъ, кто съ нами совѣтуется — также вѣрно, какъ вамъ извѣстно, какой плодъ принесетъ осенью дерево, котораго почки вы видите весною.

— Сомнѣваюсь въ вашемъ знаніи и вызываю тебя на испытаніе.

— Не вызывайте меня, господинъ стрѣлокъ, возразилъ Гайрадинъ Мограбинъ: — я могъ бы сказать вамъ, что какова бы ни была ваша религія, а богиня которой вы поклоняетесь, ѣдетъ съ нами.

— Молчи! вскричалъ удивленный Квентинъ: — ради твоей жизни, ни слова больше! Отвѣчай только на мои вопросы. — Можешь ли ты быть вѣренъ?

— Могу — всѣ люди могутъ! отвѣчалъ цыганъ.

— Но хочешь ли ты быть вѣрнымъ!

— Еслибъ я поклялся, больше ли бы ты мнѣ повѣрилъ? возразилъ насмѣшливо Мограбинъ.

— Жизнь твоя въ моихъ рукахъ.

— Рази — и ты увидишь, боюсь ли я смерти.

— Могутъ ли деньги сдѣлать тебя надежнымъ проводникомъ? спросилъ Дорвардъ.

— Если безъ нихъ я не буду вѣренъ — нѣтъ.

— Что же можетъ связать тебя?

— Кротость, возразилъ цыганъ.

— Обѣщать ли тебѣ ее клятвою, если ты будешь вѣрнымъ проводникомъ въ нашемъ странствованіи?

— Нѣтъ, возразилъ Гайрадинъ: — это было бы лишнею тратою такого рѣдкаго товара. Къ тебѣ я и безъ того привязанъ.

— Какъ? воскликнулъ Дорвардъ, еще болѣе удивленный.

— Вспомни каштановыя деревья на берегахъ Шера! Жертва, которой тѣло ты спустилъ внизъ, былъ братъ мой, Заметъ Мограбинъ.

— И, не смотря на то, я вижу тебя въ сношеніяхъ съ тѣми самыми людьми, которые лишили жизни твоего брата, сказала Квентинъ: — потому что одинъ изъ нихъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я тебя встрѣчу — тотъ самый, безъ сомнѣнія, который отыскивалъ тебя въ проводники этимъ дамамъ.

— Что жъ намъ дѣлать? мрачно возразилъ Гайрадинъ: — Люди эти поступаютъ съ нами, какъ пастушьи собаки со стадомъ овецъ: они намъ по временамъ покровительствуютъ, таскаютъ насъ туда и сюда, какъ имъ вздумается, и всегда кончаютъ тѣмъ, что стащатъ на бойню.

Дорвардъ оставилъ проводника и присоединился къ остальнымъ своимъ подчиненнымъ, весьма недовольный характеромъ Гайрадина и очень мало полагаясь на увѣренія въ личной благодарности цыгана за оказанную ему услугу. Онъ принялся разспрашивать двухъ другихъ воиновъ своего маленькаго отряда и съ такимъ же неудовольствіемъ нашель, что они неспособны помогать ему совѣтомъ своимъ и оружіемъ:

это, впрочемъ, они уже и доказали своею нерѣшительностью при встрѣчѣ того утра съ Дюнуа и Людовикомъ Орлеанскимъ.

Главное и любимое мѣсто его было, разумѣется, подлѣ дамъ, которыя, видя необыкновенныя попеченія его объ ихъ безопасности, сдѣлались съ нимъ гораздо довѣрчивѣе и откровеннѣе; онѣ, повидимому, находили большое удовольствіе въ чистосердечной и остроумной его бесѣдѣ.

Такимъ образомъ они ѣхали больше недѣли по проселочнымъ дорогамъ, мало посѣщаемымъ селеніямъ и окольными путями, избѣгая большихъ городовъ. Во все это время не случилось съ путешественниками ничего замѣчательнаго, хотя по временамъ имъ попадались скитающіяся шайки цыганъ, которыя не трогали ихъ, видя проводника своего племени; встрѣчались имъ и шатающіеся наемные воины, а можетъ быть и разбойники, которымъ отрядъ ихъ казался столь сильнымъ, что они не могли надѣяться безопасно напасть на него; попадались и партіи объѣзчиковъ (какъ бы теперь ихъ назвали), которыхъ Людовикъ посылалъ для истребленія безпокойныхъ шаекъ, тревожившихъ внутреннее спокойствіе Франціи. Объѣзчики не останавливали нашихъ спутниковъ, вслѣдствіе пропускнаго слова, которымъ самъ король снабдилъ Квентина при отправленіи его въ путешествіе.

На десятый или двѣнадцатый день пути, когда странники наши прибыли уже во Фландрію и приближались къ городу Намюру, они остановились въ фран-

писканскомъ монастырѣ строгихъ уставовъ и правилъ, котораго пріоръ былъ по смерти причтенъ къ лицу святыхъ. Когда дамы, по обыкновенію, удалились въ свой покой, то пріоръ, имѣвшій дальнихъ родственниковъ и друзей въ Шотландіи, и любившій слушать рассказы чужеземцевъ о родинѣ, пригласилъ Квентина, котораго поведеніе и наружность повидимому очень ему понравились, раздѣлить съ нимъ легкій ужинъ въ его кельѣ. Найдя въ добромъ отцѣ умнаго человѣка, Дорвардъ постарался воспользоваться случаемъ разузнать о положеніи дѣлъ въ Литтихѣ, о которыхъ въ послѣдніе два дня своего путешествія онъ слышалъ такіа новости, что невольно долженъ былъ бояться за безопасность порученныхъ ему дамъ, и даже о томъ, въ силахъ ли будетъ самъ епископъ защитить ихъ, еслибъ онѣ и пріѣхали благополучно въ его резиденцію. Отвѣты пріора заключали въ себѣ мало утѣшительнаго.

Онъ говорилъ, что жители Литтиха были богатые граждане, которые возгордились духомъ отъ своего богатства и привилегій; имѣли много несогласій съ законнымъ своимъ государемъ, герцогомъ бургундскимъ, изъ за налоговъ и льготъ, и часто явно возмущались противъ него, прогнѣвъля этимъ герцога до того, что онъ поклялся св. Георгіемъ при первомъ новомъ мятежѣ подвергнуть городъ Литтихъ разоренію, которе будетъ подобно опустошенію Вавилона, или паденію Тира, — для урока и памяти всей Фландріи.

— Самъ епископъ трудится денно и ночью, чтобъ сохранить миръ, какъ и подобаеть служителю алтаря

сказаль пріоръ: — и въ священномъ писаніи сказано: *Beati pacifici* (блаженны миротворцы). Но... Здѣсь добрый пріоръ замолчалъ и глубоко вздохнулъ.

Квентинъ скромно представилъ ему, какъ важно для сопровождаемыхъ имъ дамъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи страны, и какимъ истинно христіанскимъ дѣломъ будетъ, если достойный и преподобный отецъ просвѣтитъ ихъ на счетъ этого предмета.

Епископъ осторожно оглянулся вокругъ, и понизивъ голось, какъ будто опасаясь, что кто нибудь его подслушаетъ, сказалъ: — Жители Литтиха тайно подстрекаются къ своимъ частымъ мятежамъ людьми Баала, которые увѣряютъ, и, я надѣюсь, увѣряютъ ложно, будто они имѣютъ на то порученіе отъ нашего христіаннѣйшаго короля Людовика XI; я, однако, полагаю, что онъ заслуживаетъ такой титулъ справедливѣе и не старается вселять безпокойства въ сосѣднее ему государство. Но дѣло въ томъ, что имя его часто и свободно употребляется тѣми, которые поддерживаютъ и поджигаютъ неудовольствія Литтиха. Сверхъ того, тутъ есть одинъ вельможа знатнаго рода, прославившійся въ воинскихъ дѣлахъ. Имя его Гильйомъ де-ла Маркъ.

— Прозванный Гильйомомъ съ Бородою, сказала молодой Шотландецъ: — или Дикимъ Вепремъ Ардэннскимъ?

— И по справедливости такъ прозванный, сынъ мой, отвѣчалъ пріоръ: — потому что онъ подобенъ

дикому вепрю въ лѣсахъ, попирающему своими копытами и терзающему своими клыками. Онъ набралъ шайку слишкомъ изъ тысячи человѣкъ, которые, подобно ему, пренебрегаютъ всѣми гражданскими и духовными законами; онъ считаетъ себя независимымъ отъ герцога Бургундскаго и поддерживаетъ себя и свою свиту разбоемъ, грабя безъ разбора и духовныхъ и мірянъ; онъ поднимаетъ руку на помазаннаго Богомъ, не взирая на слова писанія: «не касайся моихъ помазанниковъ и не твори зла моимъ пророкамъ»; даже въ нашъ бѣдный домъ онъ однажды послалъ за золотомъ и серебромъ, требуя ихъ какъ выкупа за нашу жизнь и жизнь нашихъ братій. Мы на это отвѣчали ему латинскимъ прошеніемъ, выставляя, что не въ силахъ выполнить его требованіе. Не смотря на то, этотъ *Gulielmus Barbatus*, этотъ Гильюмъ де-ла Маркъ, столько же невѣжественный въ человѣческой учености, сколько неуважающій человѣчества, отвѣчалъ на своей ломанной тарабарщинѣ: *si non payatis, brulabo monasterium vestrum* (если не заплатите, то сожгу вашу монастырь).

— Однако, вы, добрый отецъ, вѣрно не нашли затрудненія понять смыслъ этой грубой латыни?

— Увы, сынъ мой! страхъ и необходимость искусные толкователи: мы нашлись вынужденными растопить въ слитки священные сосуды алтаря, чтобъ удовлетворить алчность этого жестокаго злодѣя — да воздастъ ему небо седьмерицею!

— Удивляюсь, сказалъ Квентинъ: — что сильный

и могущественный герцогъ бургундскій не управится съ этимъ звѣремъ, объ опустошительныхъ подвигахъ котораго я такъ много слышалъ.

— Увы, сынъ мой! возразилъ пріоръ: — герцогъ Карлъ теперь въ Пероннѣ и собираетъ своихъ предводителей сотенъ и тысячъ, чтобъ начать войну съ Франціей; такимъ образомъ, пока небо поселяетъ раздоръ въ сердцахъ этихъ великихъ государей, страну терзаютъ притѣснители низшаго разряда. Но дурно дѣлаетъ герцогъ, что пренебрегаетъ леченіемъ этихъ внутреннихъ заразъ, потому что Гильюмъ де-ла Маркъ недавно имѣлъ открытыя сношенія съ Роуслаеромъ и Павильономъ, главами недовольныхъ въ Литтихѣ: должно опасаться, что онъ скоро подниметъ ихъ на какое нибудь отчаянное предпріятіе.

— Но у литтихскаго епископа, сказалъ Квентинъ: — довольно силы, чтобъ подавить этотъ буйный и безпокойный духъ; не такъ ли, добрый отецъ?... Отвѣтъ вашъ на этотъ вопросъ очень для меня важенъ.

— У епископа, дитя мое, возразилъ пріоръ: — не только ключи, но и мечъ св. Петра. Онъ имѣетъ силу, какъ свѣтскій владѣтель, и находится подъ покровительствомъ могущественнаго бургундскаго дома; какъ прелатъ, онъ пользуется также властью духовною и поддерживаетъ то и другое значительнымъ войскомъ изъ добрыхъ латниковъ и воиновъ. Гильюмъ де-ла Маркъ воспитанъ въ его домѣ и обязанъ ему многимъ; но онъ, еще при дворѣ епископа, предался своему буйному и кровожадному нраву и былъ изгнанъ

за убійство одного изъ главныхъ слугъ прелата. Послѣ этого, отверженный добрымъ епископомъ, онъ сдѣлался его смертельнымъ, непримиримымъ врагомъ; а теперь, скажу съ горестью, дикій вепрь препоясалъ чресла свои и снова возсталъ на своего прежняго благодѣтеля.

— Такъ вы считаете положеніе достойнаго прелата опаснымъ? спросилъ Квентинъ съ большимъ безпокойствомъ.

— Сынъ мой! сказалъ добрый францисканецъ: — есть ли въ этой дикой пустынѣ ктонибудь или чтонибудь въ очевидной безопасности? Но оборони меня Богъ утверждать, что положеніе прелата безнадежно! У него много сокровищъ, есть вѣрные совѣтники и храбрые защитники; ко всему этому, гонецъ, проѣхавшій черезъ наши мѣста на востокъ, сказывалъ, что герцогъ бургундскій послалъ сто воиновъ по требованію епископа. Такого подкрѣпленія, вмѣстѣ съ его воинами, будетъ достаточно, чтобъ справиться съ Гильйомомъ де-ла Маркомъ, — да постигнетъ его всякое бѣдствіе! Аминь.

Въ это время, разговоръ ихъ былъ прерванъ вбѣжавшимъ ключаремъ, который едва внятнымъ отъ гнѣва голосомъ обвинялъ цыгана въ томъ, что онъ производитъ самое богомерзкое наважденіе между младшею братією. Онъ испортилъ ихъ вечернюю трапезу нѣсколькими кубками какого-то ошеломляющаго и одурманивающаго зелья, которое вдсятеро крѣпче самаго крѣпкаго вина, и которое свалило многихъ изъ братіи. Дѣйствительно, хотя самъ ключарь былъ до-

вольно крѣпокъ и могъ бы противиться вліянію этой вредной жидкости, однако, по его воспламенному лицу и несвязной рѣчи, можно было видѣть, что и онъ, обвинитель, не избѣжалъ вліянія злокачественнаго питья. Сверхъ того, цыганъ пѣлъ суетныя пѣсни о нечистыхъ наслажденіяхъ, осмѣивалъ вервіе св. Франциска, обратилъ въ посмѣшище его чудеса и называлъ его послѣдователей дураками и лѣнивыми негодяями. Наконецъ, онъ пускался въ рукогаданіе и предсказалъ молодому отцу Херубину, что въ него влюблена прекрасная дама.

Отецъ пріоръ выслушалъ эти жалобы въ молчаніи, какъ будто пораженный нѣмымъ ужасомъ отъ чрезмѣрной ихъ гнустности. Когда ключарь кончилъ, онъ всталъ, сошелъ на монастырскій дворъ и приказалъ послушникамъ, подъ опасеніемъ самыхъ строгихъ наказаній въ случаѣ неповиновенія, выгнать Гайраддина за священную ограду бичами и кольями.

Приговоръ этотъ былъ немедленно исполненъ въ присутствіи Дорварда, который, какъ ни было ему непріятно такое обстоятельство, однако ясно видѣлъ, что заступничество его ничему не поможетъ.

Наказаніе виновнаго, не смотря на увѣщанія настоятеля монастыря, было скорѣе смѣшно, нежели грозно. Цыганъ бѣгалъ по двору взадъ и впередь среди смѣшаннаго гула голосовъ и шума ударовъ, изъ которыхъ одни не достигали виновнаго, можетъ быть и потому, что были нарочно направлены мимо; отъ другихъ, чистосердечно предназначенныхъ язычнику, онъ ловко увертывался, а немногіе попадавшіе ему на

спину или плечи, были имъ приняты безъ жалобъ и возраженій. Шумъ и суматоха были тѣмъ сильнѣе, что неопытные бичеватели, между которыми бѣгалъ Гайрадинъ, попадали другъ въ друга чаще, нежели въ цыгана. Наконецъ, чтобъ кончить сцену, скорѣе соблазнительную, нежели поучительную, пріоръ приказалъ отворить калитку, и цыганъ, проскользнувъ въ нее съ быстротою молніи, исчезъ за оградою.

Въ продолженіе этой суматохи, подозрѣніе, прежде тревожившее Дорварда, снова и съ большею силою представилось уму его. Гайрадинъ еще въ то утро обѣщалъ ему вести себя скромно и пристойно, если имъ случится остановиться въ монастырѣ; не смотря на то, онъ нарушилъ свое обѣщаніе и велъ себя хуже, нежели когда нибудь. Не можетъ быть, чтобъ тутъ чего нибудь не скрывалось, потому что, каковы бы ни были недостатки цыгана, у него было столько разсудка и, если онъ хотѣлъ, столько власти надъ собою, что могъ бы воздержаться въ случаѣ нужды; очень вѣроятно, что ему хотѣлось видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своего племени, или съ кѣмъ нибудь другимъ, а этого ему невозможно было сдѣлать днемъ, при неусыпномъ надзорѣ Квентина; и потому немудрено, что онъ прибѣгнулъ къ хитрости нарочно для того, чтобъ его выгнали изъ монастыря.

Лишь только такое подозрѣніе мелькнуло въ умѣ Дорварда, онъ, всегда скорый въ своихъ движеніяхъ, рѣшился бѣжать въ слѣдъ за выгнаннымъ проводникомъ и тайно наблюдать (если будетъ возможно), что тотъ станетъ дѣлать. Въ слѣдствіе этого, лишь только

цыганъ выбрался за монастырскія ворота, Квентинъ, объяснивъ наскоро пріору, что ему непременно надобно держать въ виду проводника, пустился за нимъ въ погону.

XVII.

ПОДСТЕРЕЖЕННЫЙ ШПІОНЪ.

Выйдя изъ монастыря, Квентинъ могъ замѣтить поспѣшное бѣгство цыгана, котораго темная фигура вдаль виднѣлась при лунномъ свѣтѣ. Гайрадинъ пробѣжалъ съ скоростью прибитой собаки черезъ всю улицу деревеньки и потомъ пустился по находившемуся за нею лугу.

Будучи, къ счастью, безъ плаща и безъ латъ, шотландскій горець могъ на свободѣ пуститься во всю прыть, которой не было равной въ его отечествѣ и которая, не смотря на скорый бѣгъ цыгана, вѣроятно, приблизила бы его очень скоро къ предмету погони. Но Квентину не того хотѣлось: онъ рассчитывалъ, что полезнѣе будетъ наблюдать за движеніями проводника, нежели мѣшать ему. Наконецъ, миновавъ лугъ и приблизясь къ маленькому ручейку, берега котораго были покрыты ивами и ольхами, Гайрадинъ остановился и тихо протрубилъ въ рогъ: кто-то въ недалекомъ разстояніи отвѣчалъ свистомъ.

— Здѣсь у нихъ будетъ свиданіе, подумалъ Квентинъ: — но какимъ образомъ мнѣ подобраться туда,

чтобъ услышать что нибудь? Шумъ шаговъ, шорохъ отъ листьевъ и вѣтвей, сквозь которыя я по необходимости долженъ буду очищать себѣ путь, — все это измѣнить мнѣ, если я не буду остороженъ... Однако жъ я все-таки подкрадусь, клянусь св. Андреемъ, подкрадусь какъ къ глень-гулэкинскимъ оленямъ; они узнаютъ, что я не даромъ учился охотничьему дѣлу. Вотъ они встрѣчаются; тамъ двѣ тѣни — да, точно двѣ. Плохо мнѣ будетъ, если они меня увидятъ и если у нихъ дурные замыслы, чего, разумѣется, и должно ожидать... Вздоръ! во имя Бога и св. Андрея, оба они найдутъ меня бодрымъ и бдительнымъ!

И Квентинъ Дорвардъ, со всею осторожностью, которой научили его привычки къ лѣсной жизни, спустился въ русло ручейка. Глубина этого ручейка была не одинакова, такъ что иногда вода едва покрывала Квентину ступни, а по временамъ поднималась выше колѣнъ. Онъ поползъ впередъ, скрытый развѣсистыми вѣтвями, нависшими надъ водою; шаговъ его нельзя было разслушать при журчаньи ручья. Такимъ образомъ, Шотландецъ, не будучи замѣченъ, приблизился на такое разстояніе, что ясно могъ разслышать голоса говорившихъ, хотя ему и нельзя было разобрать словъ. Ухватившись за одинъ изъ сучьевъ, онъ, приложивъ всю свою силу, ловкость и проворство, поднялся на дерево и усѣлся въ полной безопасности между толстыми его вѣтвями.

Оттуда онъ могъ видѣть, что Гайрадинъ говорилъ съ человѣкомъ его же племени, и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ крайнему своему сожалѣнію, замѣтилъ, что

ему невозможно понять ни одного слова изъ ихъ разговора, потому что разговоръ происходилъ на совершенно неизвѣстномъ ему языкѣ. Оба цыгана много смѣялись; и такъ какъ Гайрадинъ показалъ знакомъ, будто скачетъ, и потомъ потеръ себѣ плечо, Дорвардъ легко догадался, что дѣло идетъ о томъ, какъ цыгана поколотили прежде, нежели ему удалось выбраться изъ монастыря.

Но вдругъ послышался еще свистъ, на который Гайрадинъ отвѣчалъ тѣмъ же тихимъ звукомъ рога. Тотчасъ послѣ этого показался высокій, дюжій, воинственной наружности человекъ, который своими размѣрами составлялъ рѣзкую противоположность съ малорослыми и сухопарыми цыганами. На широкой перевязи, черезъ плечо, висѣлъ у него огромный мечъ; нижнее платье его было съ разрѣзами, сквозь которые виднѣлись шелкъ и тафта разныхъ цвѣтовъ; эта часть костюма привязывалась по крайней мѣрѣ въ пяти-стахъ мѣстахъ къ плотно облегавшей его грудь курткѣ изъ буйволовои кожи, на правомъ рукавѣ которой красовалась серебряная голова вепря — знакъ нашлемника его предводителя. Маленькая шляпа была надѣта на-бекрень, въ рукѣ было длинное копьё; весь нарядъ обнаруживалъ въ немъ одного изъ германскихъ искателей приключеній, извѣстныхъ подъ именемъ ланцкнехтовъ, или копейщиковъ, которые составляли грозную часть тогдашней пѣхоты. Эти наемники были, разумѣется, хищны и свирѣпы; между ними ходило сказаніе, что ланцкнехта отказались принять на небо за его пороки, а въ адъ за буйный,

непокорный и мятежный нравъ: поэтому они безбоязненно дѣйствовали такъ, какъ будто не думали о небѣ и не боялись ада.

— *Donner und Blitz!* За какимъ чортомъ заставилъ ты меня плясать здѣсь и дожидаться цѣлыя три ночи? — было его первое привѣтствіе на ломаномъ нѣмецко-французскомъ языкѣ, котораго намъ невозможно передать.

— Я не могъ видѣться съ вами раньше, мейнгерръ, сказалъ Гайрадинъ покорнымъ тономъ: — тутъ есть молодой Шотландецъ, у котораго глаза быстры, какъ у дикой кошки, и который слѣдитъ за всѣми моими движеніями. Онъ ужъ и то подозрѣваетъ меня; а еслибъ подозрѣнія его подтвердились, онъ убилъ бы меня на мѣстѣ и отвезъ бы женщинъ назадъ во Францію.

— Насъ трое, возразилъ копейщикъ: — мы нападёмъ на нихъ завтра же и увеземъ женщинъ безъ дальнихъ хлопотъ. Ты сказалъ, что оба остальные трусы? Вы съ товарищемъ справитесь съ ними, а пусть чортъ меня поберетъ, если не будетъ меня одного достаточно для твоей шотландской кошки.

— Вы увидите, что этотъ планъ сумасбродецъ, замѣтилъ Гайрадинъ: — Не говоря о томъ, что мы незавидные бойцы, этотъ молодчикъ помѣрялся съ первымъ рыцаремъ Франціи и вышелъ съ честью изъ боя; я даже знаю людей, которые видѣли, что онъ-таки порядочно нажималъ на Дюнуа. Если вы согласны на мои условія, — хорошо; если нѣтъ, то я проведу ихъ благополучно во дворецъ епископа, и

Гильйомъ де-ла-Маркъ тамъ легко можетъ овладѣть ими, если онъ даже въ половину такъ силенъ, какъ воображалъ себя съ недѣлю назадъ.

— *Potz tausend!* отвѣчалъ ланцкнехтъ: — мы также сильны и еще сильнѣе; но мы слышали о сотняхъ бургундскихъ копій. Видишь ли, если по пяти человѣкъ къ каждому копыю, такъ наберется пятьсотъ, и тогда, — чортъ меня возьми, — они станутъ охотнѣе искать насъ, нежели мы ихъ, потому что у епископа хорошая сила на ногахъ — да, хорошая сила!

— Въ такомъ случаѣ, вы будете въ засадѣ у Креста трехъ Царей, или откажетесь отъ приключенія, сказалъ цыганъ.

— Отказаться — отказаться отъ случая добыть богатую невѣсту нашему благородному гауптману... *Teufel!* Я поведу атаку черезъ самый адъ...

— Такъ рѣшено: засада у Креста трехъ Царей? сказалъ цыганъ.

— Ну да, *mein Gott!* Ты поклянешься, что приведешь ихъ туда; а когда онѣ сойдутъ съ лошадей и будутъ на колѣняхъ передъ крестомъ, — что дѣлаютъ всѣ, кромѣ такихъ черныхъ язычниковъ, какъ ты, — мы нападѣмъ на нихъ, и онѣ наши.

— Да; но я обѣщаль это предательство только на томъ условіи, чтобъ ни одинъ волосокъ не упалъ съ головы молодого человѣка. Если вы мнѣ въ этомъ поклянетесь вашими тремя кельнскими «спящими», я поклянусь семью полунощниками, что буду служить вамъ вѣрно.

— Но, *Donner und Hagel!* что тебѣ за особенная

нужда до жизни этого мальчика, который тебѣ ни другъ, ни родня? спросилъ германецъ.

— До этого вамъ нѣтъ дѣла, честный Гейнрихъ. Клянитесь же тремя кельнскими царями, какъ вы ихъ называете... я знаю, что вы ставите другія клятвы ни во что.

— Смѣшной ты человекъ! сказалъ ланцкнехтъ: — ну, клянусь...

— Стойте, прервалъ Цыганъ: — лицо вверхъ и смотрите на востокъ, чтобъ цари васъ слышали.

Ланцкнехтъ произнесъ требуемую клятву и потомъ объявилъ, что будетъ въ совершенной готовности, замѣтивъ притомъ, что назначенное мѣсто совершенно удобно, ибо оно не далѣе пяти миль отъ монастыря.

— Но, прощай, сказалъ цыганъ: — помни обѣщаніе! Чѣмъ свѣтъ, я долженъ ждать моего Шотландца на выстрѣль отъ воротъ логовища тѣхъ лѣнивыхъ свиней; иначе онъ подумаетъ, что я отправился куда нибудь въ такое мѣсто, отъ котораго ему нельзя ждать большого успѣха въ путешествіи.

Пріятели разстались, обѣщавъ другъ другу еще разъ сойдтись у Креста трехъ Царей.

Квентинъ Дорвардъ ждалъ, пока они скрылись изъ вида, и потомъ съ бьющимся сердцемъ слѣзъ съ дерева, помышляя объ участи, предстоявшей графинѣ, еслибъ удался этотъ глубоко обдуманнй планъ измѣны. Боясь наткнуться на Гайрадина, онъ, на обратномъ пути къ монастырю, сдѣлалъ большой обходъ, при чемъ долженъ былъ пройти значительное разстояніе по шероховатымъ мѣстамъ, и такимъ образомъ

благополучно добрался до обители, со стороны противоположной той, откуда вышелъ.

Дорогою, онъ разсуждалъ о томъ, на что ему рѣшиться. Сначала, услышавъ объ измѣнническомъ замыслѣ Гайрадина изъ собственныхъ его устъ, онъ рѣшился убить его, лишь только кончится совѣщаніе и товарищи его удалятся на достаточно далекое разстояніе; но, видя заботливость Гайрадина о сохраненіи его собственной жизни, Квентинъ почувствовалъ, что съ его стороны было бы неблагодарностью, еслибъ онъ такъ строго наказалъ замышляемую измѣну проводника. А потому онъ рѣшился не лишать его жизни и даже, если будетъ возможно, продолжать пользоваться его услугами съ такими предосторожностями, которыя завѣрили бы безопасность ввѣренной ему особы, которой онъ посвятилъ собственную свою жизнь.

Послѣ глубокаго размышленія, Дорвардъ разсчелъ, что, для избѣжанія засады, лучше и безопаснѣе всего продолжать ѣхать въ Литтихъ по лѣвому берегу Мааса, и, сообразно первоначальному предположенію дамъ, отдаться подъ покровительство достойнаго епископа. Въ доброжелательствѣ прелата нельзя было сомнѣваться; а если правда, что къ нему прибыло подкрѣпленіе изъ Бургундіи, то можно положиться, что у него достанетъ силы защитить графинь де-Круай. Во всякомъ случаѣ, еслибъ даже епископу угрожала неминуемая опасность отъ Гильйома де-ла-Марка и отъ смуть въ Литтихѣ, то все-таки онъ будетъ въ состояніи покровительствовать несчастнымъ бѣглымъ до

тѣхъ поръ, пока не представится возможность отправить ихъ въ Германію подъ надежнымъ прикрытіемъ.

Достигнувъ монастыря, Дорвардъ слегка постучался въ ворота; монахъ, нарочно поставленный для того пріоромъ, отперъ ихъ и увѣдомилъ его, что братія будетъ до разсвѣта собрана въ церкви, чтобъ молить у неба прощенія за тѣ многочисленные соблазны, которые въ тотъ вечеръ произошли въ монастырѣ.

Почтенный монахъ предложилъ молодому Шотландцу, не хочетъ ли и онъ участвовать въ ихъ мольбахъ; но такъ какъ платье Квентина было очень мокро, то онъ вынужденъ былъ отклонить отъ себя такое предложеніе и просилъ позволенія сѣсть подлѣ огня очага, чтобъ одежда его просохла къ слѣдующему утру. Ему хотѣлось, чтобъ цыганъ, при свиданіи, не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ того, что онъ выходилъ изъ монастыря. Монахъ не только согласился на его просьбу, но даже предложилъ Квентину свое сотоварищество, которое было Шотландцу очень кстати, ибо доставляло ему случай собрать свѣдѣнія о двухъ дорогахъ, о которыхъ Гайрадинъ упоминалъ въ разговорѣ съ ланцкнехтомъ. Монахъ, которому часто довѣрялись разныя порученія внѣ монастырскихъ стѣнъ, былъ изъ цѣлой братіи челоукомъ наиболѣе способнымъ доставить Квентину нужныя свѣдѣнія; онъ, однако, замѣтилъ, что такъ какъ сопровождаемая Шотландцемъ дамы были истинныя пилигримки, то имъ лучше ѣхать по правой сторонѣ Мааса, мимо Креста трехъ Царей, гдѣ останавливались святая мощи Каспара, Мельхіора и Бальтазара (такъ на-

зывала католическая церковь волхвовъ, приходившихъ на поклоненіе въ Виелеемъ), когда ихъ переносили въ Кельнъ: мѣсто это считалось освященнымъ по многимъ чудесамъ.

Квентинъ отвѣчалъ, что дамы рѣшились непременно останавливаться на всѣхъ святыхъ мѣстахъ и безъ сомнѣнія не забудутъ креста, идучи въ Кельнъ или возвращаясь оттуда, но что онѣ слышали, будто дорога по правому берегу Мааса была въ это время не безопасна отъ шатающихся воиновъ свирѣпаго Гильйома де-ла-Марка.

— Обороны небо! вскричалъ отецъ Францискъ: — чтобъ Дикій Вепрь Арденнскій не вздумалъ снова расположиться съ своимъ вертепомъ такъ близко къ намъ! Однако широкій Маасъ будетъ хорошою преградой между имъ и нами, еслибъ это даже и случилось.

— Но преграда эта не защититъ моихъ дамъ отъ разбойниковъ, если мы переправимся черезъ рѣку и поѣдемъ по правому берегу, отвѣчалъ Квентинъ.

— Небо защититъ своихъ избранныхъ, сынъ мой! возразилъ монахъ.

Поручивъ себя и беззащитныхъ спутницъ своихъ покровительству святыхъ и благости Провидѣнія, Квентинъ наконецъ удалился, чтобъ предаться отдыху.

XVIII.

РУКОГАДАНИЕ.

На разсвѣтѣ, Квентинъ Дорвардъ вышелъ изъ своей маленькой келли, поднялъ сонныхъ конюховъ и съ необыкновенною заботливостью хлопоталъ о томъ, чтобъ все было готово для путешествія.

Послѣ того, Квентинъ возвратился въ свою комнату, вооружился съ величайшею тщательностью и опоясался мечомъ, съ чувствомъ человѣка, увѣреннаго въ приближающейся опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшившагося встрѣтить ее и сразиться съ нею.

Квентинъ далъ понять графинямъ, что необходимо пуститься въ путь раньше обыкновеннаго, и потому странники выѣхали изъ монастыря немедленно послѣ легкаго завтрака, за который, равно какъ и за гостепріимство обители, дамы отблагодарили вкладомъ въ алтарь, болѣе приличнымъ ихъ настоящему, нежели мнимому званію. Но это обстоятельство не возбудило ни чьихъ подозрѣній, потому что ихъ считали Англичанками, — а въ тѣ времена, какъ и въ наши дни, большое богатство причислялось къ необходимымъ принадлежностямъ, отличавшимъ островитянъ.

Пріоръ благословилъ отъѣзжавшихъ на счастливый путь и поздравилъ квентина съ отсутствіемъ проводника. — Лучше, говорилъ почтенный старикъ: — споткнуться на дорогѣ, нежели быть поддержану вромъ или разбойникомъ.

Квентинъ не совсѣмъ раздѣлялъ его мнѣніе, потому что, зная, какъ опасенъ могъ быть цыганъ, онъ еще надѣялся воспользоваться его услугами и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушить его вѣроломный замыселъ, видя ясно, къ чему онъ клонился. Но безпокойство Шотландца было не продолжительно, потому что не успѣла маленькая кавалькада отѣхать на сто шаговъ отъ монастыря и деревни, какъ явился Гайрадинъ Мограбинъ, ѣхавшій по обыкновенію на своей маленькой, быстроногой, полудикой лошаdkѣ.

Въ это тревожное утро Квентинъ ѣхалъ рядомъ съ графинями де-Круай, не дѣлая никакихъ попытокъ занимать ихъ, и онѣ не могли удержаться отъ замѣчанія, что въ молчаніи его есть что-то необыкновенное.

— Здоровы ли вы, сеньйоръ Квентинъ? спросила графиня Изабелла тономъ участія.

— Онъ вѣрно пировалъ съ веселыми монахами, замѣтила графиня Амелина.

— Нѣтъ, благородныя дамы, возразилъ Квентинъ: — я не заслуживаю вашего упрека. Добрые монахи провели почти всю ночь на молитвѣ; а что до меня, я едва ли выпилъ кубокъ самаго легкаго и слабаго вина, какое только есть у нихъ.

— Такъ вѣроятно, плохое угощеніе сдѣлало его такимъ угрюмымъ, сказала графиня Изабелла. — Ободритесь, сеньйоръ Квентинъ; если мы когданибудь очутимся вмѣстѣ въ моемъ древнемъ Бракмонскомъ Замкѣ и я буду сама угощать васъ, то вы осушите кубокъ такого благороднаго вина, какое никогда

еще невыдѣлывалось на виноградникахъ Гохгейма или Иоганнисберга. Его запасаль мой прадѣдъ, рейнграфъ Годфруа...

— Который приобрѣлъ храбростью руку ея прабабушки, замѣтила тетка: — показавъ себя лучшимъ рыцаремъ на великомъ турнирѣ въ Страсбургѣ; десять рыцарей было убито на ристалищѣ... Но прошли уже тѣ времена: теперь никто не думаетъ встрѣчать опасности для славы или для освобожденія страждущей красоты.

На эту рѣчь, произнесенную въ осужденіе настоящаго времени, Квентинъ замѣтилъ, что и теперь нѣтъ недостатка въ рыцарскомъ духѣ, который графиня Амелина, повидимому, считала угасшимъ, и что еслибъ онъ и уничтожился гдѣ бы то ни было, то все еще горитъ въ груди шотландскихъ дворянъ.

— Прощу покорно! сказала старшая графиня: — онъ хочетъ увѣрить насъ, что въ его холодномъ и пустынномъ отечествѣ еще существуетъ благородное пламя, которое погасло во Франціи и въ Германіи! Бѣдный юноша похожъ на швейцарскихъ горцевъ, которые до сумасбродства пристрастны къ своей родинѣ: онъ, пожалуй, скажетъ намъ, что въ Шотландіи растутъ виноградъ и оливковыя деревья.

— Нѣтъ, графиня, отвѣчала Дорвардъ: — о винѣ и оливахъ нашихъ горъ мнѣ нечего говорить, кромѣ развѣ того, что мечи наши добываютъ эти произведенія какъ дань отъ нашихъ болѣе богатыхъ сосѣдей. Но что касается до непомянутой чести и неувыдающаго благородства Шотландіи, мнѣ теперь предстоитъ

случай увѣриться, много ли вы на нихъ можете положить, какъ бы ни былъ незначителенъ человекъ, который ничего кромѣ ихъ не можетъ предложить вамъ въ залогъ вашей безопасности.

— Вы говорите загадками; вамъ вѣрно извѣстна какая нибудь неминуемая, предстоящая намъ опасность? сказала графиня Амелина.

— Я прочла это въ глазахъ его съ часъ тому назадъ! воскликнула графиня Изабелла, всплеснувъ руками: — Святая Дѣва, что будетъ съ нами?

— Надѣюсь, что ничего, кромѣ того, что вы сами пожелаете, отвѣчалъ Дорвардъ: — Теперь, позвольте спросить васъ, прекрасныя дамы, можете ли вы на меня положиться?

— Положиться на васъ? сказала графиня Амелина: — разумѣется. Но къ чему такой вопросъ? и до какой степени требуете вы нашей довѣренности?

— Я, съ своей стороны, сказала Изабелла де-Круай: — вѣрю вамъ неограниченно, безусловно. Если вы въ состоянii обмануть насъ, Квентинъ, я не стану вѣрить никому, кромѣ неба.

— Благородная дама! возразилъ Дорвардъ: — вы отдаете мнѣ справедливость. Я намѣренъ перемѣнить путь, продолжая ѣхать по лѣвому берегу Мааса, вмѣсто того, чтобъ переправиться у Намюра. Это нѣсколько несогласно съ повелѣнiями короля Людовика и наставленiями, данными имъ проводнику. Но въ монастырѣ я слышалъ вѣсти, что разбойники шатаются по правому берегу Мааса, и что бургундскiй

отрядъ посланъ для ихъ истребленія. Оба эти обстоятельства заставляютъ меня тревожиться за вашу безопасность. Согласитесь ли вы измѣнить на столько направление нашего пути?

— Я даю свое полное и неограниченное согласіе, отвѣчала младшая графиня.

— Племянница, сказала старшая: — я вѣрю вмѣстѣ съ тобою, что юноша желаетъ намъ добра, — но подумайте, мы отступаемъ отъ приказаній короля Людовика, такъ положительно выраженныхъ.

— А зачѣмъ намъ соображаться съ его наставленіями? сказала Изабелла де-Круай: — Я, благодаря Бога, не его подданная; если же и должна считать себя просительницею, то онъ употребилъ во зло довѣренность, которой самъ отъ меня требовалъ. Я оскорбила бы нашего молодого защитника, еслибъ стала хоть на одно мгновеніе взвѣшивать его слова наравнѣ съ внушеніями того лукаваго, себялюбиваго деспота.

— Да благословить васъ Богъ за это! сказалъ радостно Квентинъ. — Онъ прищпорилъ коня и подвѣхалъ къ цыгану.

— Честный Гайрадинъ! сказалъ онъ ему: — ты странствуешь съ нами уже дней десять, а не показалъ еще образчика своего искусства въ предсказываніи будущаго; между тѣмъ, ты до того любишь гадать, что непремѣннымъ долгомъ считалъ похвастать своимъ дарованіемъ во всякомъ монастырѣ, гдѣ мы только останавливались.

— Вы еще не требовали доказательства моего

искусства, отвѣчалъ цыганъ. — Вы, какъ и всѣ люди, довольствуетесь тѣмъ, что смѣтаете надъ тайнами, которыхъ не понимаете.

— Докажи мнѣ сейчасъ же, что ты не лжешь, сказалъ Квентинъ, и, снявъ перчатку, протянулъ руку Гайрадину.

Проводникъ пристально разсматривалъ линіи, которыя пересѣкали другъ друга на обѣихъ ладоняхъ Дорварда, и тщательно наблюдалъ всѣ маленькіе бугорки около начала пальцевъ. Вотъ, сказалъ Гайрадинъ: — рука, которая говоритъ о понесенныхъ трудахъ и встрѣченныхъ опасностяхъ. Я читаю на ней раннее знакомство съ застежками молитвенника.

— Эти обстоятельства моей прошлой жизни ты могъ гдѣ нибудь узнать; расскажи что нибудь о будущемъ.

— Черта отъ холма Венеры, непрерывная внезапно, а сопровождающая черту жизни и слѣдующая за нею, предвѣщаетъ вѣрное и большое богатство отъ женитьбы, которую человекъ возвысится на степень сильныхъ и богатыхъ чрезъ счастливую любовь.

— Такого рода обѣщанія ты дѣлаешь всѣмъ, кто только спрашиваетъ тебя: они принадлежатъ къ твоему искусству.

— Слова мои также вѣрны, сказалъ Гайрадинъ: — какъ и то, что вамъ въ непродолжительномъ времени будетъ угрожать большая опасность: это я вывожу изъ широкой кровавой черты, пересѣкающей линію жизни поперегъ, и показывающей удары меча или

*

другое насиліе, отъ котораго васъ спасетъ только приверженность вѣрнаго друга.

— Твоя, что ли? возразилъ Квентинъ, негодуя, что хиромантикъ смѣется надъ его легковѣріемъ и хочетъ прославиться предсказаніемъ послѣдствій своей собственной измѣны.

— Искусство мое, отвѣчалъ цыганъ: — не показываетъ мнѣ ничего, что касается меня самого.

— Въ этомъ гадатели моего отечества превосходятъ васъ, хотя вы и хвастаете своимъ знаніемъ: они умѣютъ предсказывать опасности, которыя грозятъ имъ самимъ. Я оставилъ свои горы не безъ того, чтобъ не воспользоваться отчасти двойнымъ зрѣніемъ, которымъ одарены ихъ обитатели: я докажу это тебѣ, въ отвѣтъ на твое рукогаданіе. Гайрадинъ! опасность предстоитъ мнѣ на правомъ берегу рѣки: я хочу избѣжать ея, ѣдучи въ Литтихъ по лѣвому берегу.

Проводникъ слушалъ съ безчувственностью, которой Квентинъ, знавшій его замыслы, никакъ не могъ растолковать. — Если вы исполните свое намѣреніе, былъ отвѣтъ цыгана: — то ожидавшая васъ опасность будетъ угрожать мнѣ.

— Самъ же ты сейчасъ говорилъ, что не можешь предсказать своей будущности?

— Я предсказываю ее не тѣмъ способомъ, которымъ вамъ предсказывалъ. Надобно слишкомъ мало знать короля Людовика Валуа, чтобъ не предвидѣть вистѣлицы для проводника за то, что вамъ угодно отступить отъ указаннаго вамъ пути.

— Безопасное прибытіе къ цѣли и завѣреніе въ его благополучномъ окончаніи должны оправдать отсутствіе отъ предписаннаго плана.

— Разумѣется, возразилъ цыганъ: — если вы только увѣрены, что король имѣлъ въ виду то самое окончаніе путешествія, о которомъ онъ вамъ говорилъ.

— Да какое же другое окончаніе могъ онъ имѣть въ виду? И почему ты предполагаешь, что у него было въ мысляхъ что нибудь другое, а не то, что онъ выразилъ въ своемъ повелѣніи? спросилъ Квентинъ.

— А просто потому, отвѣчалъ цыганъ: — что всякій, кто сколько нибудь знаетъ христіаннѣйшаго короля, убѣжденъ, что намѣреніе, о которомъ онъ больше всего хлопочетъ, всегда то, о которомъ онъ меньше всего говоритъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до твоихъ гнусныхъ подозрѣній, возразилъ Квентинъ: — Обязанность моя, предписанная ясно и безотвѣтно волею короля, состоитъ въ томъ, чтобъ благополучно доставить дамъ въ Литтихъ: я полагаю, что выполню эту обязанность лучше, если нѣсколько измѣню указанный мнѣ путь и поѣду все по лѣвому берегу рѣки Мааса. Дорога эта ведетъ въ Литтихъ гораздо прямѣе, между тѣмъ какъ, переправясь черезъ рѣку, мы потеряемъ время и утомимся безъ всякой надобности... Зачѣмъ это намъ дѣлать?

— Затѣмъ, что богомольцы, отправляющіеся въ Кельнъ, никогда не спускаются по теченію Мааса до Литтиха; слѣдственно, путь дамъ будетъ противорѣчить своему гласному назначенію.

— Если насъ будутъ обвинять въ этомъ, мы скажемъ, что опасенія, возбужденныя злобнымъ герцогомъ гельдернскимъ, или Гильйомомъ де-ла-Маркомъ, или *живодерами* и ланцкнехтами, заставили насъ держаться лѣваго берега Мааса, а не идти по правому, какъ намъ было предназначено.

— Какъ угодно, почтенный сеньйоръ, возразилъ Гайрадинъ: — что до меня, я также охотно поведу васъ по лѣвому, какъ и по правому берегу Мааса; вы сами можете оправдаться, какъ знаете, передъ вашимъ повелителемъ.

Квентинъ, хотя и былъ удивленъ, однако обрадовался готовности или по крайней мѣрѣ безотговорочному согласію цыгана на перемѣну пути, потому что нуждался въ Гайрадинѣ какъ въ проводникѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасался, что, разрушивъ планъ приготовленной имъ измѣны, онъ заставилъ бы его прибѣгнуть къ какой нибудь крайности. Сверхъ того, изгнать цыгана изъ своего общества значило бы прямо накликать на себя Дикаго Вепря, съ которымъ проводникъ былъ въ сношеніяхъ; тогда какъ, удержавъ Гайрадина при себѣ, Квентинъ могъ надѣяться устроить дѣло такимъ образомъ, чтобъ не допустить его безъ своего вѣдома ни до какихъ сношеній съ людьми посторонними.

И такъ, маленькая кавалькада, оставя всякое помышленіе о предписанномъ ей пути, потянулася по лѣвому берегу широкаго Мааса такъ скоро и успѣшно, что на другой же день рано утромъ графини де-Круай прибыли къ предполагаемой цѣли своего странствова-

нія. Путешественники нашли, что епископъ литтискій, для поправленія своего здоровья, какъ онъ самъ говорилъ, а вѣрнѣ всего за тѣмъ, чтобъ избѣжать нечаяннаго нападенія со стороны многочисленнаго и бурливаго народонаселенія города, избралъ своимъ мѣстопробываніемъ прекрасный замокъ Шонвальдтъ, лежавшій въ одной милѣ отъ Литтиха.

Приближаясь къ замку, они увидѣли прелата, возвращавшагося съ длинною процессією изъ сосѣдняго города, въ которомъ онъ совершалъ торжественное богослуженіе. Епископъ шелъ за крестами и хоругвями, впереди великолѣпной свиты духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ особъ, перемѣшивавшихся между собою. Процессія представляла величественное зрѣлище, извинаясь по зеленому берегу широкой рѣки и потомъ исчезая въ огромныхъ готическихъ воротахъ епископскаго замка. Но когда наши путешественники подъѣхали нѣсколько ближе, имъ сдѣлалось ясно, что обстоятельства, сопровождавшія крестный ходъ, обнаруживали сомнительность и опасенія, противоположныя наружной выставкѣ пышности и могущества, которыхъ они сейчасъ были свидѣтелями. Сильная стража воиновъ епископа была тщательно разставлена вокругъ замка и въ ближайшихъ его окрестностяхъ; вообще, господствующій характеръ резиденціи прелата заставлялъ предугадывать, что онъ чувствуетъ себя въ опасности, и потому считаетъ необходимымъ принимать всевозможныя воинственныя предосторожности. Когда Квентинъ возвѣстилъ о прибытіи графинь де-Круай, онѣ были почтительно введены въ большую

залу, гдѣ ихъ встрѣтилъ самый ласковый пріемъ отъ епископа, который дожидался ихъ тамъ, окруженный своимъ маленькимъ дворомъ. Онъ не позволилъ имъ цаловать свою руку, но встрѣтилъ радушнымъ пріѣтствіемъ, въ которомъ отчасти обнаруживалась вѣжливость свѣтскаго человѣка въ отношеніи къ дамамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ святая любовь пастыря къ его духовнымъ сестрамъ.

Людовикъ де-Бурбонъ, царствующій литтискій епископъ, былъ дѣйствительно правителемъ добрымъ и великодушнымъ. Онъ не провелъ всей своей жизни въ строгихъ правилахъ духовнаго званія, но, не смотря на то, всегда поддерживалъ открытый и благородный характеръ дома Бурбоновъ, отъ котораго происходилъ. Въ послѣднее время, въ преклонныхъ лѣтахъ, прелатъ принялъ привычки, болѣе сообразовавшіяся съ духовною іерархіею, нежели тѣ, которымъ онъ слѣдовалъ въ началѣ своего владычества; сосѣдніе государи любили его какъ благородную духовную особу, щедрую и великолѣпную въ своемъ обыкновенномъ образѣ жизни, нестаравшуюся выказывать фанатической строгости характера и управлявшую своими владѣніями съ равнодушною снисходительностью, которая скорѣе поощряла, нежели останавливала мятежническіе замыслы его богатыхъ и безпокойныхъ подданныхъ.

Епископъ былъ такимъ неизмѣннымъ союзникомъ герцога бургундскаго, что послѣдній почти считалъ себя въ совокупномъ съ нимъ правѣ владычества надъ епископскими землями. За добродушіе, съ которымъ

прелатъ допускалъ притязанія герцога, хотя и могъ бы безъ труда ихъ оспоривать, Карлъ Смѣлый оплачивалъ тѣмъ, что всегда бралъ его сторону съ рѣшительнымъ и бѣшенымъ усердіемъ, составлявшимъ существенную черту его характера. Герцогъ бургундскій говаривалъ, что онъ считаетъ Литтихъ какъ бы собственнымъ своимъ владѣніемъ, а епископа братомъ (онъ дѣйствительно могъ такъ говорить, потому что первую супругою Карла была родная сестра епископа), и что тотъ, кто обидитъ Людовика Бурбона, будетъ имѣть дѣло съ Карломъ Бургундскимъ.

Прелатъ, какъ мы сказали, увѣрилъ графиню де-Круай, что онъ приложитъ о нихъ всевозможное стараніе и употребитъ въ ихъ пользу все свое вліяніе при бургундскомъ дворѣ, чтобъ помочь имъ противъ сватовства Кампо-Бассо, тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ извѣстіямъ, любимецъ этотъ пользовался уже не столько, какъ прежде, милостями герцога. Онъ общалъ имъ также все зависящее отъ него покровительство; но вздохъ, съ которымъ было произнесено послѣднее ручательство, показывалъ, что могущество его было болѣе шатко, нежели сколько онъ хотѣлъ бы это выразить.

— Во всякомъ случаѣ, любезнѣйшія мои дочери, сказалъ епископъ съ видомъ, въ которомъ, какъ и въ первомъ его привѣтствіи, обнаруживалась смѣсь духовной благости съ наслѣдственной любезностью Бурбонъ: — избави Богъ, чтобъ я предалъ овцу злобному волку. Я человѣкъ миролюбивый, хотя въ теперешнемъ жилищѣ моемъ и раздается звукъ оружія; будьте

увѣрены, я стану заботиться о вашей безопасности столько же, сколько о своей собственной; а если здѣсь дѣла пойдутъ хуже и смуты увеличатся, — тогда мы постараемся доставить васъ благополучно въ Германію, потому что даже воля нашего брата и покровителя, Карла Бургундскаго, не заставитъ насъ поступить съ вами противно вашему желанію. Мы не можемъ согласиться отправить васъ въ монастырь, потому что, увы! мы не знаемъ ни одного убѣжища, которое было бы подчинено нашей власти внѣ предѣловъ этого замка и внѣ защиты моихъ воиновъ. Но здѣсь вы самыя пріятныя гости, и свита ваша будетъ принята со всѣмъ должнымъ гостепріимствомъ и почетомъ, — особенно этотъ юноша, котораго вы такъ ревностно поручаете нашей благосклонности, и которому мы даемъ наше искреннее благословеніе.

Квентинъ, какъ слѣдовало, преклонилъ колѣни, чтобъ принять благословеніе почтеннаго прелата. — Что до васъ, продолжалъ епископъ, снова обратясь къ дамамъ: — вы будете здѣсь жить съ моею сестрою Изабеллою, трирскою канонессой; съ нею вы будете въ полной безопасности и ненарушимой чести даже подъ кровомъ такого веселаго холостяка, какъ епископъ литтихскій.

Кончивъ эту привѣтливую рѣчь, онъ вѣжливо проводилъ дамъ въ покои своей сестры; а дворецкій его, который имѣлъ чинъ діакона, хотя и въ немъ духовное смѣшивалось съ мірскимъ, повелъ Квентина Дорварда угощать со всѣмъ радушіемъ, котораго желалъ епископъ, между тѣмъ, какъ остальные члены свиты

графинь де-Круай были для того же поручены слугамъ низшаго разряда.

Квентинъ не могъ не замѣтить, что присутствіе цыгана, столь противное въ другихъ монастыряхъ, не обращало на себя никакого особеннаго вниманія въ резиденціи богатаго и даже почти полусвѣтскаго епископа литтискаго.

XIX.

Г О Р О Д Ъ.

Квентинъ, оставшійся послѣ обѣда въ одной изъ большихъ залъ замка Шонвальда, занялся отправленіемъ Шарле, одного изъ ѣхавшихъ съ нимъ слугъ, съ письмами ко двору короля Людовика, въ которыхъ извѣщалъ о благополучномъ прибытіи графинь де-Круай въ Литтисъ. Потомъ онъ предался грустнымъ мыслямъ, отъ которыхъ не могъ освободиться, видя, что графини де-Круай, которымъ онъ оказалъ такъ много услугъ, разстались съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ проводникомъ, обязанность котораго кончена. У него на сердцѣ былъ какой-то холодъ, какая-то пустота... Изъ этого состоянія онъ выведенъ былъ цыганомъ, явившимся за полученіемъ десяти золотыхъ за доставленіе дамъ къ епископу.

— Съ какимъ лицомъ смѣешь ты требовать платы, когда я пощадилъ твою гнусную жизнь? сказалъ съ сердцемъ Дорвардъ: — Ты знаешь, что хотѣлъ предать ихъ на дорогѣ.

— Однакожь я не *предалъ* ихъ, отвѣчалъ Гайрадинъ: — Еслибъ я это сдѣлалъ, то требовалъ бы платы не отъ васъ и не отъ нихъ, а отъ того, кому было бы выгодно, чтобъ онѣ ѣхали по правому берегу рѣки.

— Чтобъ плага твоя погибла вмѣстѣ съ тобою, измѣнникъ! воскликнулъ Квентинъ, отсчитывая ему деньги: — Убирайся къ Вепрю Арденскому, или къ самому дьяволу; но держись дальше отъ меня, или я пошлю тебя туда прежде времени.

— Къ Вепрю Арденскому! повторилъ цыганъ съ большимъ удивленіемъ, нежели какое лицо его до того времени выражало: — Такъ не пустая догадка, не простое подозрѣніе заставило васъ настаивать на перемѣнѣ дороги?... Неужели, дѣйствительно, въ другихъ земляхъ есть болѣе вѣрные гадатели, нежели между нашими скитающимися племенами?... Ива, подъ которою мы говорили, не могла же разболтать нашихъ тайнъ. О, какъ же я былъ глупъ! Понимаю, понимаю!... Ива у ручья. Я видѣлъ, вы смотрѣли на нее, проѣзжая мимо; она, конечно, не могла говорить, но могла спрятать того, кто могъ слушать! Ха, ха, ха! Шотландецъ побѣдилъ цыгана его же хитрымъ оружіемъ. Но знай, Квентинъ Дорвардъ, что ты помѣшалъ мнѣ во вредъ самому себѣ. Да, ты испортилъ счастье, которое я предсказалъ тебѣ по линіямъ, начертаннымъ судьбою на твоей ладони: счастье твое могло свершиться, еслибъ ты не былъ такъ упрямъ.

— Клянусь св. Андреемъ, возразилъ Квентинъ: — безстыдство твое заставляеть меня противъ воли смѣ-

яться. Какъ и въ чемъ могло бы мнѣ послужить твое успѣшное вѣроломство? Этого я не въ силахъ разгадать.

— Такъ нечего и толковать объ этомъ, сказалъ Гайрадинъ: — потому что я все-таки хочу удивить тебя своею благодарностью. Еслибъ ты задержалъ мою плату, я счелъ бы, что мы поквитались, и предоставилъ бы тебя твоему собственному безразсудству. Но въ теперешнемъ положеніи дѣлъ я считаю себя все еще въ долгу за происшествіе на берегахъ Шера.

— Мнѣ кажется, я уже забралъ впередъ всю плату, ругая и проклиная тебя.

— Жестокія или мягкія слова — только вѣтеръ, который ничего не значитъ на вѣсахъ. Вотъ, напримеръ, еслибъ вы меня ударили, вмѣсто того, чтобъ грозить...

— Если ты выведешь меня изъ терпѣнія, немудрено, что я и этимъ поквитаюсь съ тобою.

— Не совѣтую, сказалъ цыганъ: — Однако, прощайте, но не надолго; я только пойду проститься съ графинями де-Круай.

— Ты? воскликнулъ удивленный Квентинъ: — ты думаешь, что тебя допустятъ къ этимъ дамамъ, здѣсь, когда онѣ почти затворницы, подъ покровительствомъ благородной канонессы, сестры епископа? Это невозможно!

— Однако Мартонъ ждетъ меня, чтобъ вести къ нимъ, отвѣчалъ съ усмѣшкою цыганъ: — я долженъ просить у васъ извиненія, что такъ скоро васъ остав-

ляю. — Онъ повернулся, чтобъ выйти, но тотчасъ же возвратился къ Дорварду и сказалъ ему тономъ глубоко выразительнымъ: — Знаю твои надежды — онѣ дерзки, но не напрасны, если я имъ помогу. Знаю твои опасенія; они должны научить тебя благоразумію, но не робости.

Прежде нежели Дорвардъ успѣлъ отвѣчать, цыганъ исчезъ изъ комнаты. Шотландецъ тотчасъ же бросился за нимъ; но Гайрадинъ, лучше его знавшій всѣ входы и выходы замка, убѣжалъ отъ своего преслѣдователя и скрылся изъ вида, спустясь по узкой витой лѣстницѣ. Дорвардъ, однако, продолжалъ гнаться, хотя и самъ не могъ бы опредѣлить навѣрное, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и выбѣжалъ наконецъ въ садъ, гдѣ онъ снова увидѣлъ цыгана, спѣшившаго по извиистой дорожкѣ.

Скоро цыганъ добрался до калитки, которую дѣйствительно отворила Мартонъ, и впустила его въ предѣлы покоевъ графинь де-Круай. Квентинъ закусилъ губы отъ негодованія и осуждалъ себя за то, что не объяснилъ дамамъ всего вѣроломства Гайрадина и не рассказалъ всѣхъ его козней противъ ихъ безопасности. Взволнованный и огорченный, Дорвардъ оставилъ садъ и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ стѣнахъ города Литтиха — тогда одного изъ богатѣйшихъ городовъ во Фландріи, слѣдственно и въ цѣломъ мірѣ.

Скоро вниманіе Квентина было до того занято разнообразіемъ предметовъ, представившихся ему на шумныхъ улицахъ Литтиха, что онъ пересталъ и думать

о графинѣ Изабеллѣ и о цыганѣ, какъ будто ихъ вовсе не было на свѣтѣ.

Высокіе дома, величавыя, хотя узкія и мрачныя улицы, — пышная выставка драгоценнѣйшихъ товаровъ и великолѣпнѣйшаго оружія въ складочныхъ мѣстахъ и лавкахъ, — гульбища, покрытыя хлопотливыми гражданами всѣхъ званій, проходившими и рыскавшими съ озабоченными лицами или суетливымъ шумомъ, — огромные обозы, нагруженные предметами вывоза и ввоза, изъ которыхъ первые состояли изъ суконъ и саржи, оружія всякаго рода, гвоздѣй и желѣзныхъ вещей, а послѣдніе изъ всевозможныхъ предметовъ роскоши и удобствъ, предназначенныхъ или для употребленія самихъ гражданъ богатаго города, или полученныхъ въ обмѣнъ на мѣстные произведенія, или приготовленныхъ для отправленія въ другія мѣста, — все это составляло чудную картину богатства, суеты и пышности, о которыхъ Квентинъ не имѣлъ никакого понятія. Онъ удивлялся многочисленнымъ протокамъ и каналамъ, выведеннымъ изъ Мааса или сообщавшимся съ этою рѣкою; пересѣкая городъ по разнымъ направленіямъ, они доставляли каждой части его удобства водяного сообщенія. Шотландецъ нашъ не преминулъ отслушать обѣдню въ почетной старинной церкви св. Ламберта, выстроенной, какъ полагали, въ восьмомъ столѣтіи.

Вышедъ изъ храма, Квентинъ Дорвардъ началъ замѣчать, что онъ, который до того времени смотрѣлъ на всѣ окружающіе его предметы со всею жадностью неутолимаго любопытства, былъ самъ предметомъ вни-

манія многихъ группъ гражданъ почтеннаго вида, которые, казалось, собрались смотрѣть на него, когда онъ вышелъ изъ церкви, и между которыми появленіе его произвело жужжаніе и шопоть, переходившіе отъ одной кучки людей къ другой; число зѣвакъ быстро увеличивалось, и глаза всѣхъ вновь подходившихъ жадно устремлялись на Квентина съ большимъ участіемъ и любопытствомъ, смѣшанными съ нѣкото-рою степенью почтительности.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что составляетъ центръ значительной толпы, которая раздавалась передъ нимъ, когда онъ шелъ впередъ, между тѣмъ, какъ шедшіе подлѣ и сзади тщательно старались не стѣснять и не беспокоить его движеній. Такое положеніе показалось ему до того затруднительнымъ, что онъ не могъ долго оставаться въ немъ, не попытавшись какъ нибудь выпутаться или получить объясненіе.

Квентинъ оглянулся вокругъ и, устремивъ взоры на одного плотнаго и полнаго мужчину веселаго и почтеннаго вида, котораго, по бархатному плащу и золотой цѣпи, онъ счелъ за именитаго гражданина, а можетъ быть и за важнаго чиновника, спросилъ его: — Скажите, что въ моей наружности особеннаго, что до такой необычайной степени обращаетъ на меня всеобщее вниманіе? Или у Литтихцевъ обыкновеніе толпиться вокругъ иностранцевъ, которымъ случится побывать въ ихъ городѣ?

— Конечно, нѣтъ, почтенный сеньйоръ, отвѣчалъ горожанинъ: — Литтихцы не такъ праздны и любопытны, чтобъ держаться такого обычая; да и въ ва-

шей наружности и одеждѣ нѣтъ ничего, кромѣ того, что пріятнѣе всего видѣть жителямъ этого города, и что они готовы уважать и желаютъ почитать.

— Слова ваши очень учтивы, достойный господинъ, сказалъ Квентинъ: — но, клянусь крестомъ св. Андрея, я не могу понять ихъ значенія.

— Ваша клятва, сударь, отвѣчалъ литтихскій купецъ: — такъ же, какъ и произношеніе, убѣждаютъ меня, что догадка моя основательна.

— Клянусь моимъ патрономъ, св. Квентиномъ! я теперь отъ значенія вашихъ словъ еще дальше, нежели былъ прежде.

— Вотъ, опять! возразилъ Литтихецъ, глядя очень хитро, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно учтиво, тонко и понятливо: — Конечно, намъ не слѣдуетъ проникать въ то, что вы хотите скрыть. Но зачѣмъ клясться св. Квентиномъ, если вы не желаете, чтобъ я перетолковалъ ваши слова по своему? Мы знаемъ, что графъ де-Сенъ Поль, который теперь тамъ, желаетъ добра нашему дѣлу.

— Клянусь жизнью, сказалъ Квентинъ: — вы заблуждаетесь; я не знаю ровно ничего о графѣ де-Сенъ-Полѣ.

— Мы васъ не допрашиваемъ, сказалъ горожанинъ: — однако, послушайте, скажу вамъ на ухо: мое имя Павильйонъ.

— Да какое мнѣ до этого дѣло, сеньйоръ Павильйонъ?

— Такъ, ничего; мнѣ только кажется, его доста-

точно для доказательства, что мнѣ можно ввѣриться. А вотъ и сотоварищъ мой Роуслаеръ.

Роуслаеръ, дородный сановникъ, котораго большое, круглое брюхо расталкивало передъ нимъ толпу, какъ крѣпостной таранъ, выступилъ впередъ и шепнулъ своему товарищу тономъ упрека: — Вы забываете, почтенный сосѣдъ, что мѣсто это слишкомъ открыто; сеньйоръ пойдетъ ко мнѣ или къ вамъ въ домъ, выкушаетъ съ нами стаканъ рейнвейна съ сахаромъ и потомъ поразскажетъ намъ что нибудь новое о нашемъ другѣ и союзникѣ, котораго мы любимъ отъ полноты нашихъ честныхъ фламандскихъ сердець.

— У меня нѣтъ никакихъ новостей ни для кого изъ васъ, сказалъ нетерпѣливо Квентинъ: — не хочу я вашего рейнвейна; одно, о чемъ я васъ прошу, какъ людей честныхъ и почтенныхъ, именно, чтобъ вы разсѣяли толпу этихъ зѣвакъ и позволили чужеземцу выйти изъ вашего города также спокойно, какъ онъ вошелъ въ него.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, возразилъ Роуслаеръ, — если вы такъ настаиваете на своемъ инкогнито, и особенно съ нами, людьми, которымъ можно бы, казалось, ввѣриться, — позвольте спросить васъ безъ обиняковъ, зачѣмъ вы, желая остаться неизвѣстнымъ въ Литтихѣ, носите на себѣ отличительный знакъ вашей дружины?

— Какой знакъ? что такое? Вы смотрите почтенными горожанами и людьми степенными, а между тѣмъ, клянусь моею душою, вы или сами сошли съ ума, или хотите сводить съ ума другихъ.

— Сапперментъ! сказалъ Павлильонъ: — этотъ юноша заставить клясться самого св. Ламберта! Да кто же носить шапки съ крестомъ св. Андрея и бѣлую лилію, какъ не шотландскіе стрѣлки гвардіи короля Людовика?

— Полагая даже, что я дѣйствительно стрѣлокъ шотландской гвардіи, чему тутъ удивляться, если я ношу отличительный знакъ моей дружины? возразилъ нетерпѣливо Квентинъ.

— Онъ сознался, сознался! сказали Роуслаерь и Павлильонъ, обратясь къ собравшимся гражданамъ, которые стояли въ поздравительномъ положеніи, протянувъ руки и съ широкими круглыми лицами, сіяющими отъ радости. — Онъ сознался, что онъ изъ тѣлохранителей Людовика, — Людовика, защитника льготъ Литтиха!

Всеобщіе крики и смѣшанныя восклицанія раздались въ толпѣ: — Да здравствуетъ Людовикъ французскій! Да здравствуютъ шотландскіе тѣлохранители! Да здравствуетъ храбрый стрѣлокъ! Наши льготы, наши права, или смерть! — Прочь налоги! Да здравствуетъ доблестный Вепрь Арденскій! Долой Карла Бургундскаго! Сбить Бурбона и его епископство!

Полуоглушенный этимъ шумомъ, который не успѣвалъ кончиться въ одной сторонѣ, какъ начинался въ другой, перекатываясь какъ морскія волны, усиливаясь тысячью голосовъ, ревѣвшихъ хоромъ даже въ отдаленныхъ улицахъ и рынкахъ, Квентинъ, наконецъ, составилъ себѣ догадку о томъ, что значилъ этотъ

шумъ, и обдумалъ планъ, какъ ему самому должно будетъ поступать.

Онъ совсѣмъ забылъ, что, послѣ стычки своей съ Орлеанскимъ и Дюнуа, одинъ изъ его товарищей, по приказанію лорда Крауфорда, замѣнилъ ему разрубленный рыцаремъ шпашакъ подбитою сталью шапкой, которая составляла отличительную и хорошо извѣстную часть одежды шотландскихъ тѣлохранителей. Появленіе воина дружины, которую Людовикъ всегда держалъ очень близко къ своей особѣ, — на улицахъ города, котораго безпокойный и недовольный духъ поджигался агентами короля французскаго, было достаточно для внушенія Литтихамъ мысли, что король рѣшился открыто помогать имъ. Литтихцы были даже убѣждены, что войско союзника ихъ входитъ въ городъ въ тѣ или другія ворота, хотя они и не могли опредѣлить — въ которыя именно.

Уничтожить убѣжденіе, такъ единодушно всѣми принятое, было невозможно; поэтому онъ рѣшился повременить и выбраться, смотря по возможности, на свободу; такое намѣреніе пришло ему въ голову, когда толпа повлекла его за собою въ ратушу, куда поспѣшно собирались городскіе сановники, чтобъ услышать добрыя вѣсти отъ Квентина и угостить его великолѣпнымъ пиромъ.

Не смотря на все сопротивление Шотландца, которое приписывалось скромности, онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ представителями народной любви. Два пріятеля его, бывшіе синдиками города, овладѣли его руками. Впереди Квентина шелъ Никкель Блокъ,

глава цеха мясниковъ, поспѣшно вызванный съ бойни, гдѣ онъ занимался своимъ дѣломъ; онъ размахивалъ своимъ смертоноснымъ топоромъ, еще замараннымъ кровью и мозгами, съ храбростью и граціозностью, какими только водка могла вдохновить его. За Квентиномъ слѣдовалъ высокій, тощій, костлявый, весьма пьяный человекъ и патриотъ до нельзя, Клаусъ Гаммермейнъ, президентъ тайнства кузнечнаго мастерства, за которымъ валяло около тысячи грязныхъ труженниковъ его цеха. Ткачи, гвоздочники, канатчики и ремесленники всѣхъ родовъ и возрастовъ высыпали толпами изъ темныхъ и узкихъ улицъ, чтобъ какъ нибудь втѣсниться въ процессію. Бѣгство сдѣлалось для Квентина Дорварда дѣломъ отчаяннымъ и невозможнымъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи онъ обратился къ Роуслаеру, державшему его за одну руку, и къ Павильйону, овладѣвшему другою, и поспѣшно сообщилъ имъ, что необдуманно надѣлъ шапку шотландской гвардіи послѣ нечаяннаго случая, приключившагося его шишаку, во время путешествія; къ сожалѣнію, это обстоятельство и быстрая проницательность, съ которою Литтихцы весьма естественно угадали настоящую цѣль его прибытія, сдѣлали его публично извѣстнымъ. Потомъ Квентинъ намекнулъ, что такъ какъ его теперь ведутъ въ ратушу, то онъ увидитъ себя въ необходимости высказать при собраніи всѣхъ сановниковъ магистрата нѣкоторыя новости, которыя, по наставленіямъ короля, были предназна-

чены только для ушей его почтенныхъ и любезныхъ кумовьевъ, мейнгерровъ Роуслаера и Павильюна.

Послѣднія слова его подѣйствовали магически на двухъ горожанъ, которые были главными предводителями возмущившихся Литтихцевъ, и, подобно демагогамъ вообще, любили по возможности управлять всѣмъ предпріятіемъ. Оба они немедленно согласились, что Квентину надобно сейчасъ же оставить городъ и возвратиться туда не ранѣе, какъ ночью, чтобъ переговорить съ ними на единѣ въ домѣ Роуслаера, находившемся противъ ближайшихъ къ Шонвальду воротъ. Квентинъ не задумался сказать имъ, что онъ теперь живетъ во дворцѣ епископа, подъ предлогомъ депешей къ нему отъ французскаго двора, хотя его настоящее порученіе, какъ они весьма искусно угадали, предназначалось для гражданъ Литтиха. Такой околный способъ сообщенія извѣстій, также, какъ характеръ и званіе гонца, которому онъ были довѣрены, столько совпадали съ обычнымъ родомъ дѣйствій Людовика, что не возбудили никакого сомнѣнія, ни удивленія.

Почти немедленно послѣ этого поясненія, шествіе очутилось противъ дверей дома Павильюна, въ одной изъ главныхъ улицъ города; домъ сообщался сзади съ Маасомъ посредствомъ сада и обширнаго пространства, занятаго ямами для дубленія кожъ и многими приспособленіями для ихъ выдѣлки, потому что патриотъ—гражданинъ былъ кожевникъ.

Весьма естественно, что Павильюну хотѣлось при-

пять въ своемъ домѣ, съ должнымъ почетомъ, мнимаго посланца Людовика, и потому никто въ толпѣ не удивился, что процессія остановилась противъ жилища знаменитаго патріота, напротивъ, громкое *vivat* привѣтствовало мейнгера Павильона, когда онъ ввелъ къ себѣ своего интереснаго гостя. Квентинъ тотчасъ же снялъ свою замѣтную шапку, замѣнилъ ее войлочнымъ картузомъ и накинулъ на себя плащъ. Послѣ этого, Павильонъ снабдилъ его паспортомъ для выхода за городскія ворота и для возвращенія въ нихъ днемъ или ночью, когда ему заблагоразсудится; наконецъ, онъ поручилъ его попеченіямъ своей дочери, бѣлокурой, улыбающейся Фламаночки, давъ ей наставленія, какъ съ нимъ поступать, между тѣмъ, какъ самъ поспѣшилъ назадъ къ своему товарищу, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ ратушу съ лучшими извиненіями, какія имъ только удастся выдумать на счетъ пропажи гонца короля Людовика.

Лишь только вышелъ достойный патріотъ, какъ его миленькая дочка Трудхенъ, повела пригожаго чужеземца по извилистымъ аллеямъ сада сѣра Павильона къ самому берегу рѣки. Тамъ, при ея глазахъ, Квентинъ сѣлъ въ лодку, которую двое дюжихъ Фламандцевъ въ широкихъ шальварахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ и курткахъ, украшенныхъ множествомъ пуговицъ, приготовили со всевозможною поспѣшностью, къ какой только была способна ихъ неповоротливая природа.

Плывя на лодкѣ по мутнымъ водамъ Мааса и удаляясь отъ городскихъ стѣнъ, Квентинъ имѣлъ до-

статочно времени, чтобъ размыслить о томъ, какъ ему рассказать во дворцѣ епископа о своемъ приключеніи въ городѣ. Гнушаясь мыслию измѣнить людямъ, которые, хоть и по ошибкѣ, довѣрились ему, и не желая скрыть отъ прелата взволнованнаго состоянія его столицы, онъ рѣшился ограничиться такими подробностями, которыя, не вредя никому въ частности, заставили бы епископа принять нужныя мѣры предосторожности.

Квентина высадили на берегъ около полумили отъ замка Шонвальдта, и онъ наградилъ гребцовъ гильдеромъ, къ величайшему ихъ удовольствію. Однако, какъ ни мало было пространство, отдѣлявшее его отъ замка, онъ слышалъ, что большой колоколъ уже прозвонилъ часъ обѣда, и кромѣ того замѣтилъ, что приблизился къ Шонвальдту со стороны противоположной той, гдѣ былъ главный входъ; слѣдственно, еслибъ онъ пошелъ туда кругомъ, то опоздалъ бы еще больше. Сообразивъ это, Квентинъ направился прямо къ той части зданія, которая была къ нему ближе; онъ разсмотрѣлъ стѣну съ бойницами, вѣроятно, ту же самую, которая служила оградой садику, уже ему извѣстному, съ калиткою, выходившею ко рву, гдѣ былъ маленькій, привязанный къ берегу челнокъ, которымъ онъ надѣялся воспользоваться, чтобъ переправиться въ замокъ. Пока Квентинъ подходилъ, калитка отворилась, изъ нея вышелъ человекъ, который вскочилъ въ лодку, переѣхалъ къ дальней сторонѣ рва, и потомъ перетолкнулъ ее длиннымъ шестомъ назадъ къ тому мѣсту, откуда отвалилъ. Подойдя ближе, Квен-

тинъ разсмотрѣлъ, что это былъ цыганъ, который, легко ускользнувъ отъ него, направился къ Литтиху окольнымъ путемъ и въ скоромъ времени исчезъ изъ вида.

Обстоятельство это подало Шотландцу поводъ къ новымъ размышленіямъ. Неужели этотъ нечестивый бродяга былъ все время у графини де-Круай? и для чего имъ удостоивать его до такой степени своимъ вниманіемъ? Мучимый этою мыслию, Дорвардъ еще тверже рѣшился искать случая увидѣться съ ними, чтобъ объяснить имъ вполне предательскіе замыслы Гайрадина и опасное положеніе, въ которомъ находился покровитель ихъ, епископъ, отъ возмущеннаго состоянія Литтиха.

Шотландецъ вошелъ въ замокъ черезъ главныя ворота и увидѣлъ, что по колоколу собрались въ большой залъ домашніе епископа, духовенство низшаго разряда, разныя лица его свиты и иностранцы непервостепенной знатности: всѣ они уже сидѣли за обѣденнымъ столомъ. На верхнемъ концѣ стола было, однако, оставлено мѣсто подлѣ домашняго капеллана, который привѣтствовалъ запоздалаго гостя старою школьною шуткой: *sero venientibus ossa* (*), постаравшись между тѣмъ нагрузить его тарелку самыми вкусными кушаньями.

Стараясь избавиться отъ всякаго обвиненія въ невѣжливости, Квентинъ разсказалъ вкратцѣ о суматохѣ, поднявшейся въ городѣ отъ того, что въ немъ, Дорвардъ,

(*) Опоздавшему — только кости.

узнали стрѣлка шотландской гвардіи короля Людовика; онъ силился придать всему этому смѣшной оборотъ, прибавя, что его съ величайшимъ трудомъ выручили жирный литтихскій горожанинъ и его хорошенькая дочка.

Однако, общество было такъ глубоко занято его повѣствованіемъ, что не могло развеселиться отъ этой выходки. Пока Квентинъ говорилъ, присутствующіе забыли объ обѣдѣ и слушали его съ большимъ вниманіемъ; а когда онъ кончилъ, настало торжественное молчаніе, которое было прервано только словами дворецкаго, сказавшаго грустнымъ и тихимъ голосомъ: — Дай намъ Богъ увидѣть какъ можно скорѣе эти сто бургундскихъ копій!

— Отчего это такъ сильно васъ озабочиваетъ? сказалъ Квентинъ: — У васъ здѣсь много воиновъ, которые свыклись съ оружіемъ; противники же ваши не больше, какъ чернь возмутившагося города, которая разбѣжится при одномъ видѣ развѣвающагося знамени, когда подъ нимъ соберутся добрыя копья.

— Вы не знаете жителей Литтиха, возразилъ капелланъ: — О нихъ можно сказать, что, не исключая даже гражданъ Гента, они люди самые свирѣпыя и неукротимыя въ цѣлой Европѣ. Два раза наказывалъ ихъ герцогъ бургундскій за мятежи противъ епископа; два раза покаралъ онъ ихъ съ большою строгостью, обрѣзывалъ ихъ привилегіи, отнималъ у нихъ знамена и установилъ надъ ними свои собственныя права и требованія, чего до того времени никогда еще не бывало ни съ однимъ вольнымъ городомъ имперіи. Въ послѣдній разъ онъ разбилъ ихъ въ кровопролит-

ной битвѣ у Сень Трона, при чемъ Литтихцы потеряли около шести тысячъ человекъ, погибшихъ отъ меча, стоптанныхъ или утонувшихъ во время бѣгства; а потомъ, чтобъ отнять у нихъ возможность къ дальнѣйшимъ мятежамъ, герцогъ Карлъ не хотѣлъ войти въ городъ ни въ одни сданные ему ворота, а, сбивъ до земли вдоль на сорокъ локтей городскую стѣну, вступилъ въ Литтихъ черезъ сдѣланный такимъ образомъ проломъ, какъ завоеватель, съ опущеннымъ забраломъ шлема и съ наклоненнымъ копьемъ, въ сопровожденіи своихъ рыцарей. Вѣдь были же тогда Литтихцы, увѣрены, что, не вступись отецъ Карла, герцогъ Филиппъ Добрый, — Карлъ приказалъ бы разграбить городъ до тла! И хотя воспоминанія эти у нихъ въ свѣжей памяти, хоть проломы не исправлены и арсеналы едва-едва снабжены оружіемъ, для нихъ достаточно увидѣть шотландскую шапку, чтобъ снова возмутиться. Да исправить ихъ Богъ! Но я боюсь, что не обойдется безъ сильнаго кровопролитія между такимъ неугомоннымъ народомъ и такимъ запальчивымъ государемъ: я бы желалъ, чтобъ у моего добраго и прекраснаго господина было владѣніе хоть и не столь важное, но за то болѣе безопасное, потому что теперь епископская митра его подбита терніемъ, а не горностаемъ. Все это я вамъ говорю, господинъ чужеземецъ, для того, чтобъ вы знали, что если васъ въ Шонвальдтѣ не задерживаютъ никакія дѣла, то вы лучше сдѣлаете, если отсюда выберетесь какъ можно поспѣшнѣе. Я полагаю, что дамы ваши того же мнѣнія, потому что одинъ изъ провожавшихъ ихъ

сюда конюховъ посланъ ими къ французскому двору съ письмами, которыя, вѣроятно, возвѣщаютъ о ихъ намѣреніи искать себѣ болѣе безопаснаго убѣжища.

(до слѣдующ. №).

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотра по содержанію статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ рублей**, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**, съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЪ коп. сер.**

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домъ *Зуева*.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.